ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И.Н. УЛЬЯНОВА»

На правах рукописи

Харитонова Ольга Евгеньевна

ДИНАМИЧЕСКОЕ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ В СИМПАТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ (на материале немецкого языка)

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Трофимова Нэлла Аркадьевна

Чебоксары – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....4

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ……...15

§ 1.1 Общие положения теории речевых актов. Понятие и характеристики речевого акта. Понятие высказывания…….....15

§ 1.2 Классификация речевых актов.....23

1.2.1 Экспрессивные речевые акты как класс.....25

1.2.2 Состав класса экспрессивов…….....36

§ 1.3 Экспрессивы как средство реализации эмоций в речи 43

§ 1.4 Соболезнование, сочувствие и сожаление как траурно-этикетные речевые акты и жанры 50

§ 1.5 Смысл высказывания……..…...53

§ 1.6 Динамическая многокомпонентная модель смысла……...56

Глава 2. АКТУАЛИЗАЦИЯ КОМПОНЕНТОВ СМЫСЛА В СИМПАТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ……..61

§ 2.1 Симпативные речевые акты…….....61

§ 2.2 Высказывания сожаления.....65

2.2.1 Определение речевого акта сожаления.....65

2.2.2 Прагматический анализ сожаления и его языковое выражение.....70

2.2.2.1 Поводы для сожаления. Виды сожаления……..70

2.2.2.2 Полиинтенциональность речевого акта сожаления……...73

2.2.2.3 Языковое выражение сожаления……79

§ 2.3 Высказывания сочувствия.....99

2.3.1 Определение речевого акта сочувствия.....99

2.3.2 Прагматический анализ сочувствия и его языковое выражение.....104

2.3.2.1 Поводы для сочувствия……..104

2.3.2.2 Полиинтенциональность речевого акта сочувствия……...……108

2.3.2.3 Языковое выражение сочувствия……..113

§ 2.4 Высказывания соболезнования.....128

2.4.1 Определение речевого акта соболезнования.....128

2.4.2 Прагматический анализ соболезнования и его языковое выражение...131

2.4.2.1 Поводы для соболезнования. Особенности реализации соболезнования в немецкой лингвокультуре……131

2.4.2.2 Полиинтенциональность речевого акта соболезнования...……138

2.4.2.3 Языковое выражение соболезнования..……..…142

§ 2.5 Структура смысла в симпативных высказываниях 157

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 170

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 176

ПРИЛОЖЕНИЕ.……..……..…206

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы успешности коммуникации, механизмы смыслообразования и способы предотвращения двусмысленности продолжают оставаться предметом активных исследований в разных сферах лингвистической науки. Особую значимость эти вопросы приобретают в контексте речевых актов соболезнования, сочувствия, сожаления, рассмотрению которых посвящена настоящая диссертационная работа. Эти речевые акты выполняют важную социальную функцию, поддерживая и регулируя межличностные отношения, и оказывают влияние на эмоциональное восприятие и поведение адресата.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, она связана с анализом указанных речевых актов через призму антропоцентрического подхода, который акцентирует внимание на человеке как центральной фигуре коммуникации и подчеркивает неразрывную связь языковых процессов с когнитивными, эмоциональными и культурными составляющими. Соболезнование, сочувствие, сожаление являются ключевыми средствами, с помощью которых индивид выражает свою эмпатию и заинтересованное отношение к окружающим, обеспечивая баланс в социальной и межличностной интеракции. Однако, несмотря на их значимость, данные акты еще мало изучены, что делает настоящее исследование крайне востребованным. Комплексный коммуникативно-прагматический и дискурсивно-когнитивный подход к описанию данных речевых актов на материале большого корпуса данных позволит приблизиться к изучению механизмов успешного осуществления межкультурной коммуникации.

Актуальным является, кроме того, обращение к концепции динамического смыслообразования, исследование речевых актов в рамках которой способствует пониманию когнитивных процессов в речевой деятельности человека.

Степень разработанности темы. В последние десятилетия экспрессивные речевые акты находятся в фокусе внимания лингвистов, которые стремятся выявить их лингвистические, прагматические и коммуникативные характеристики. Значительный вклад в изучение экспрессивов внесли такие исследователи, как Н. Р. Норрик (1978), С. Мартен-Клиф (1991) и Е. Рольф (1997): Н. Р. Норрик сосредоточился на функциях и способах выражения экспрессивных актов в повседневной коммуникации, а С. Мартен-Клиф проанализировала их лексико-грамматические особенности. Работы И. В. Труфановой (2001) и Е. М. Вольф (2020) рассматривают экспрессивы в контексте их структурных и функциональных особенностей. Н. А. Трофимова (2008) систематизировала экспрессивные речевые акты, предложив их подразделение на подклассы социативов и инфлуктивов и обозначив тем самым особую роль экспрессивов в межличностной коммуникации. В её работах также уделяется внимание коммуникативным стратегиям и языковым средствам, используемым в экспрессивных речевых актах. Однако, несмотря на значимые исследования в области экспрессивов, группа речевых актов соболезнования, сочувствия, сожаления еще не становилась объектом комплексного исследования. Изучались отдельные виды и аспекты речевых актов этой группы на материале разных языков. Например, лингвистические средства и культурные особенности выражения соболезнования анализировались на материале французского языка в работе А. А. Кузнецовой (2010). Е. А. Митина (2012) исследовала речевой акт соболезнования в русской лингвокультуре, уделяя внимание его прагматическим особенностям и ритуальному характеру. Ю. А. Сорокина (2013) исследовала особенности функционирования речевого акта соболезнования в английском языке в контексте деловой коммуникации. Н. А. Трофимова (2015) и Ж. В. Никонова (2021) проанализировали средства выражения и реализации речевого акта соболезнования в немецком повседневном и публицистическом дискурсах. А. А. Ресенчук и М. Ю. Рябова (2015, 2017) сделали попытку выявить общие особенности речевого акта соболезнования, обобщив его характерные

черты и коммуникативные стратегии. Изучением лингвопрагматических особенностей соболезнования в различных коммуникативных контекстах занималась А. В. Кожеко (2020). В работе Г. Н. Чиршевой и Т. С. Лукиной (2018) рассматривается речевой акт сожаления как проявление особенностей языковой личности. А. А. Зализняк (2013) анализирует формы выражения сожаления и сочувствия в русском языке, включая их грамматические и семантические аспекты. Речевой акт сочувствия в русском и английском речевом общении изучала Ю. В. Казачкова (2006), уделив внимание его выражению в межкультурном контексте. В немецком языке способы выражения сочувствия в жанре интернет-комментария описывает К. А. Попова (2022). В работе Л. Н. Кореньковой и М. В. Тарасовой (2016) проведено сопоставительное исследование сочувствия на материале английского, немецкого и испанского языков, что позволило выявить культурно-специфические особенности данного речевого акта. Сказанное свидетельствует о том, что проведенные исследования фокусируются на отдельных речевых актах или отдельных аспектах их функционирования и не рассматривают их как единую группу в классе экспрессивов, что оставляет простор для более глубокого анализа и систематизации.

Основы исследования динамического смыслопорождения были заложены С. Д. Кацнельсоном (2009), Л. С. Выготским (2003) и В. И. Шаховским (2003, 2019), которые сформулировали важные теоретические посылки для понимания процессов формирования и развития смысла в речи. Значительный вклад в разработку концепции динамического смыслопорождения, утверждающей наличие универсальных элементарных смыслов, внесла Н. А. Трофимова (2010), которая описала этот процесс для нескольких групп экспрессивных речевых актов, выявив особенности их смысловой структуры и функционирования в коммуникации. Тем не менее, речевые акты соболезнования, сочувствия и сожаления в этом аспекте Н. А. Трофимовой не были рассмотрены. Следовательно, динамическое смыслообразование в данных речевых актах, его

зависимость от контекста и межличностных отношений остается недостаточно изученным, особенно в немецкоязычном повседневном дискурсе.

Таким образом, системное исследование симпативных речевых актов через призму динамического смыслопорождения становится настоятельной необходимостью. Комплексный анализ механизмов смыслообразования в речевых актах соболезнования, сочувствия и сожаления, особенно на материале немецкого языка, восполнит существующие лакуны в этой сфере лингвистической науки.

Теоретико-методологической основой исследования послужили работы:

- Дж. Сёрля и Дж. Остина, М. Хэллидея, Г. Г. Почепцова и др., посвященные общей теории речевых актов, лингвистической прагматике и теории коммуникации;
- Д. Вандервекена, Ю. Хабермаса, Б. Фрейзера, Д. Вундерлиха, К. Баха и Р. Харниша, Дж. Лича, Е. Вейганд, Т. Зандера, К. Р. Вагнера, Ю. Д. Апресяна, Л. Писарек, Т. Баллмера и В. Бренненштуля, В. В. Богданова, А. А. Зализняк, Г. Г. Яковлевой, Ю. В. Казачковой, А. В. Ленец, О. В. Гашевой, Л. Е. Леонтьевой и др., исследовавших таксономии и отдельные типы речевых актов;
- Дж. Лича, П. Брауна и С. Левинсона, В. И. Карасика, Н. И. Формановской и др. по теории вежливости как одному из главных принципов коммуникации;
- Н. Р. Норрика, С. Мартен-Клиф, Е. Рольфа, С. Штаффельдта, Е. М. Вольф, И. В. Труфановой, Р. В. Шиленко, А. Г. Поспеловой, Т. В. Тарасенко, Е. В. Руди, А. Вежбицкой, Н. Д. Арутюновой, М. Я. Гловинской, А. А. Ресенчук, К. А. Поповой, Н. А. Трофимовой и др., связанных с исследованием экспрессивов как самостоятельного класса речевых актов;
- В. Франкла, Э. Гуссерля, Г. Фреге, А. Черча, Л. Виттгенштейна, Р. Карнапа, Н. Д. Арутюновой, И. А. Зимней, В. А. Звегинцева, А. В. Бондарко, Н. И. Колодиной, Н. А. Трофимовой и др., занимавшихся разработкой вопросов теории смысла.

Целью настоящего исследования является коммуникативно-прагматическое и дискурсивно-когнитивное описание динамической модели смысла в приложении к классу высказываний, реализующих речевые акты соболезнования, сочувствия, сожаления.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие **задачи**:

1) изучить актуальную научную литературу по теории речевых актов в целом и по экспрессивным речевым актам в частности;

2) создать эмпирическую базу исследования;

3) проанализировать речевые акты соболезнования, сочувствия и сожаления с точки зрения их семантико-прагматического содержания и функционирования в речи;

4) определить способы языкового выражения данных речевых актов в немецком языке и выявить их синтаксические и морфологические характеристики;

5) описать конфигурацию динамической модели смысла и роли ее отдельных компонентов в высказываниях, реализующих речевые акты соболезнования, сочувствия, сожаления.

Объектом настоящего исследования являются речевые акты соболезнования, сочувствия и сожаления в современном немецком языке.

Предметом исследования являются особенности реализации речевых актов соболезнования, сочувствия и сожаления в немецкоязычном повседневном общении, а также феномен динамического смыслообразования в них – анализ того, как смысл этих речевых актов формируется, меняется и интерпретируется в зависимости от контекста, когнитивных, эмоциональных и культурных факторов.

Материалом для исследования послужили высказывания соболезнования, сочувствия и сожаления, полученные на основе сплошной выборки из художественных произведений на немецком языке XX-XXI вв., примеры из телепередач, кинофильмов, телефильмов, периодических изданий. Кроме того,

использовались фрагменты из корпуса немецких текстов COSMAS II и записей живой речи носителей немецкого языка. Совокупный объем рассмотренного немецкоязычного материала составляет 1509 единиц.

Работа по сбору языкового материала для анализа велась в трех направлениях:

а) опрос носителей языка с помощью анкеты-опросника, составленной по принципу «типичной» ситуации и технологии «self-report»;

б) создание картотеки примеров речевых актов соболезнования, сочувствия и сожаления из художественных произведений немецких авторов XX-XXI вв.;

в) составление корпуса примеров речевых актов соболезнования, сочувствия и сожаления из ситуаций повседневной жизни, средств массовой информации, интернета.

Использование текстов художественной литературы и кинофильмов как источников языкового материала для исследования можно обосновать несколькими аргументами: художественная литература и фильмы, как правило, отражают сложные межличностные отношения и эмоциональные ситуации, в них достоверно передаются реакции персонажей, включая выражение эмпатии, что создает реалистичный контекст для изучения речевых актов. Кроме того, в художественной литературе и фильмах речевые акты представляются как части сложных коммуникативных ситуаций, где важны прагматика, контекст и интенция говорящего: диалоги персонажей разных социальных групп, возрастов и культурных слоев позволяют рассмотреть, как выражение эмпатии варьируется в зависимости от социального статуса, гендера или других факторов. Еще одним аргументом является факт, что в художественной литературе и фильмах моделируются культурные нормы эпохи и общества, это дает возможность проследить, как культурные установки влияют на формы и способы выражения исследуемых речевых актов.

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, включающий коммуникативно-прагматический и дискурсивно-когнитивный

аспекты. Коммуникативно-прагматический подход предполагает анализ речевых актов в контексте их использования в реальных коммуникативных ситуациях. Он позволяет изучить, как исследуемые речевые акты функционируют в рамках коммуникации, фокусируясь на интенциях говорящего, реакции адресата и влиянии контекста. Дискурсивно-когнитивный подход направлен на изучение процессов смыслообразования, которые включают когнитивные механизмы восприятия и интерпретации речи. Он позволяет исследовать динамическое изменение смысла речевых актов в зависимости от контекста, культурных норм и когнитивных установок участников коммуникации.

В сочетании с антропоцентрическим подходом, эти методы обеспечивают многосторонний анализ речевых актов соболезнования, сочувствия, сожаления в их когнитивных и прагматических аспектах, раскрывая механизмы формирования и изменения смысла в различных ситуациях.

Методы исследования. Методика данного исследования представляет собой комплексное использование методов, принятых в прагматике, семантике и теории речевых актов. В работе применяется индуктивный метод анализа лингвистических явлений: от конкретных языковых фактов к установлению системных отношений между ними и обобщению. Кроме того, в работе применялись методы функционально-семантического и контекстуального анализа языковых единиц, прагматический анализ, метод синхронного описания структурно-семантических особенностей речевого акта, анализ словарных дефиниций и компонентный анализ, сопоставительный метод, метод количественного подсчета. В качестве эксперимента был проведен опрос носителей немецкого языка разного пола, возраста и социального статуса, целью которого была фиксация спонтанных речевых реакций респондентов на типичные ситуации, предполагающие реализацию соболезнования, сочувствия и сожаления. Описание ситуаций, использованных в анкете-опроснике, было подготовлено после тщательного изучения определений и семантических компонентов соболезнования, сочувствия и сожаления.

Научная новизна диссертации заключается в том, что настоящий комплексный анализ высказываний соболезнования, сочувствия и сожаления на материале немецкого языка осуществляется в отечественной лингвистике впервые. Одним из ключевых аспектов новизны исследования является введение нового понятия – **симпативных речевых актов**, представляющих собой группу в рамках класса экспрессивов. Автор впервые выделяет эти речевые акты в отдельную категорию, основываясь на их особой функциональной роли в межличностной коммуникации. В отличие от других экспрессивов, симпативные акты направлены не только на выражение эмоциональных состояний, но и на установление и поддержание эмоциональной связи с адресатом, оказывая влияние на его восприятие и психоэмоциональную сферу. Выделение этой группы позволяет более детально исследовать структуру и функционирование речевых актов, связанных с эмпатией.

Научная новизна обусловлена также применением динамической модели смысла высказывания к исследуемым речевым актам. В работе предпринята попытка выявить актуальную структуру и взаиморасположение элементов общего смысла в высказываниях соболезнования, сочувствия и сожаления.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что она имеет важное значение для современных научных разработок в области общей лингвистической теории, теории речевых актов, прагмалингвистики и теории коммуникации. Исследование расширяет таксономию экспрессивов и углубляет понимание механизмов эмоционального взаимодействия в коммуникации.

Теория многокомпонентной структуры смысла высказывания получает свое подтверждение и может использоваться в дальнейших научных исследованиях. Детальная разработка и анализ речевых актов соболезнования, сочувствия и сожаления позволяет ввести в научный оборот понятие симпативных речевых актов и предоставляет новые возможности теоретического рассмотрения смысла высказывания. Комплексный морфосинтаксический и когнитивно-прагматический

анализ является теоретически значимым для исследований языковых средств немецкого языка.

На основе применяемой в исследовании методики возможен дальнейший анализ высказываний, реализующих другие классы речевых актов.

Практическая ценность диссертации определяется возможностью внедрения результатов исследования в курсы теории общего, немецкого и германского языкознания, прагмалингвистики, лингвокультурологии, социолингвистики, психолингвистики, межкультурной коммуникации, страноведения. Полученные в ходе исследования данные и результаты предлагаются к использованию в вузовской практике при обучении студентов немецкому языку и подготовке лекционных и спецкурсов по анализу дискурса, лексикологии, стилистике, грамматике, по проблемам языковой личности и по другим проблемам в рамках актуальных направлений исследования языка.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В классе экспрессивных речевых актов на основании общности семантики, прагматики и функционального использования можно выделить отдельную группу симпативных речевых актов в рамках подкласса социативных речевых актов. Группа симпативов объединяет речевые акты соболезнования, сочувствия и сожаления.

2. Реализация симпативов в речи предполагает использование стереотипных, клишированных речевых моделей. Это обусловлено ритуальным характером данных речевых актов и минимизирует затраты коммуникантов на кодирование и декодирование сообщения.

3. В структуре смысла симпативных речевых актов, которая моделируется в диссертации, доминирует интенциональный компонент, пропозиция в них, как правило, не эксплицируется, поскольку очевидна из ситуации общения. Оценочный и эмоциональные смыслы тоже не выводятся в вербализованную часть. Наиболее важным элементом эмотивного смысла в симпативных речевых актах является реляционный компонент – отношение говорящего к партнеру.

4. Динамическое смыслообразование симпативных речевых актов предполагает изменение и развитие смысла в процессе коммуникации, обусловленное когнитивными и эмоциональными процессами участников. Смысл симпативов формируется в зависимости от контекста, интенций говорящего и реакции адресата, что делает его гибким и подвижным.

5. Косвенные речевые стратегии при осуществлении симпативных речевых актов размывают семантику каждого отдельного симпатива, обобщая их смысл, и предоставляя коммуникантам поле для «коммуникативного маневра».

Обоснованность и достоверность полученных в ходе исследования результатов и выводов обеспечиваются реализацией фундаментальных принципов методологии исследования, опорой на верифицированные базовые положения лингвистической науки, использованием методов, адекватных задачам исследования, глубокой проработкой и комплексным анализом материала исследования.

Апробация результатов исследования. Теоретические положения, концепция и результаты настоящего диссертационного исследования были представлены в докладах на научных семинарах и конференциях в Университете г. Эрфурт и в г. Бонн (Германия, 2009-2010 гг.), в Институте языкознания РАН и Тамбовском государственном университете имени Г. Р. Державина (2015 г., 2017 г.), в Высшей школе экономики (г. Москва, 2019 г.), в Чувашском государственном педагогическом университете (г. Чебоксары, 2012-2020 гг.), в Чувашском государственном университете (г. Чебоксары, 2019-2023 гг.), в Санкт-Петербургском государственном университете (в 2021 и 2022 гг). Основные выводы исследования обсуждались на Всероссийских и Международных конференциях по проблемам филологии, заседаниях кафедры романо-германской филологии ЧГПУ им. И. Я. Яковлева и кафедры иностранных языков № 2 ЧГУ имени И. Н. Ульянова (г. Чебоксары).

Основные положения и материалы исследования представлены в 18 научных публикациях, включая 3 статьи в рецензируемых научных изданиях,

определенных ВАК при Минобрнауки Российской Федерации для представления результатов кандидатских диссертаций.

Структура работы определяется целями и задачами исследования. Диссертация включает введение, 2 главы, заключение, список литературы (297 наименований, из них 146 на иностранных языках), приложение. Диссертационная работа содержит 3 таблицы и 4 рисунка.

Во введении определены объект и предмет исследования, обоснованы его актуальность и новизна, представлены положения, выносимые на защиту, отмечены теоретическая и практическая значимость, описан материал и методы исследования.

В первой главе, посвященной рассмотрению теоретических аспектов работы, приводится обзор точек зрения на природу и состав экспрессивных речевых актов, обосновывается выделение в нем подкласса симпативных речевых актов, представляется многослойная смысловая модель.

Вторая глава представляет результат эмпирического исследования актуализации элементарных смыслов в речевых актах сожаления, сочувствия, соболезнования. Представляемые речевые акты описываются по общей схеме – от общей когнитивно-прагматической характеристики и выявления специфики их позиции в составе диалогического единства к определению конфигурации их речевого смысла и роли отдельных элементарных смыслов в его составе.

В заключении обобщаются результаты проведенного исследования, излагаются основные выводы и намечаются направления дальнейшей разработки проблемы.

В приложении диссертации представлена анкета-опросник, использованная для составления эмпирической базы исследования.

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1.1 Общие положения теории речевых актов. Понятие и характеристики речевого акта. Понятие высказывания

Во второй половине XX века лингвистическая наука пришла к тому, что изучение языка и языковых явлений невозможно без обращения к живой речи людей, без учета контекста общения, модальностей и прагматических целей коммуникантов. Понимание этого привело исследователей к необходимости анализа реальных высказываний, описывающих свой объект в динамическом, деятельностном аспекте. Этим и занялся британский философ Дж. Остин, сформулировав основы новой теории, которую он назвал теорией речевых актов [Остин, 1986].

Поскольку базовые понятия теории речевых актов описаны в лингвистической литературе уже неоднократно, остановимся на них очень кратко. Речевой акт – основное понятие деятельностной парадигмы – самая минимальная величина речевой деятельности, «слово как действие», речевой механизм «приведения языковой системы в действие через индивидуальный акт употребления» [Остин, 1986, с. 312]. Это «речевое событие, которое совершает определенный субъект коммуникации по отношению к определенному адресату в определенных условиях с определенным намерением» [Остин, 1986, с. 22-31]. В теории речевых актов речевой акт как деятельность рассматривается в качестве мотивированной, психически регулируемой и целенаправленной активности говорящего, а порождение речевого акта направлено на воздействие на адресата посредством произнесения иллокутивного акта [Гашева, 2007, с. 7]. Р. В. Шиленко определяет речевой акт как «элементарную единицу общения, передающую информацию в одном направлении и определяемую как минимальный акт выражения определенной коммуникативно-интенциональной, иллокутивной

функции» [Шиленко, 1987, с. 2]. Речевой акт выступает в том числе как минимальная единица диалогического единства.

В нашей диссертации мы воспользуемся определением, которое берет за основу в своей работе Х. Явей: речевой акт – это элементарная единица коммуникации, намеренное, целенаправленное, регулируемое правилами социального и речевого поведения произнесение высказывания, имеющего адресата, в рамках прагматической ситуации [Явей, 2020, с. 4].

Целью новой теории стало выявление функционально-прагматических особенностей реализации речевого акта. Любой речевой акт, согласно Дж. Остину, можно разложить для анализа на три уровня: локутивный (собственно говорение чего-либо – акт фонации, предикации и референции), иллокутивный (реализация коммуникативной цели говорящего) и перлокутивный (эффект, оказываемый на слушателя, предмет изучения риторики).

Дж. Остин ввел в науку понятие иллокутивного акта, приведя лишь характерные примеры таких актов – вопрос, ответ, уверение, информирование, предупреждение, а также назначение, критика и т.д., оставив само понятие иллокутивного акта без определения и отметив, что в любом языке существует своя номенклатура таких действий [Остин, 1986, с. 134]. Работа в русле новой исследовательской парадигмы была продолжена Дж. Сёрлем [Сёрль, 1969, 1979, 1985]. Во главу угла ставится принцип антропоцентризма, реализующийся в понятиях «субъективность в языке», «человек в языке» и «язык в человеке». Речевой акт в обычных случаях представляет собой два одновременных процесса: процесс зарождения текста, включающий в себя говорение, и процесс, состоящий из слухового восприятия и понимания услышанного (в иных случаях - написание и чтение). Дж. Сёрль называл речевой акт «существенной чертой любого вида языкового общения» [Сёрль, 4, с. 151].

Если в понимании Дж. Сёрля и Дж. Остина речевой акт – это «действие словом», то М. Хэллидей, определяя его как «элементарную единицу речи, представляющую собой последовательность языковых выражений,

произнесенных одним говорящим», рассматривает речевой акт как выбор одной из нескольких альтернатив, составляющих «семантический потенциал» языка [Halliday, 1970, с. 142]. В процессе коммуникации для реализации своей интенции говорящий выбирает одну из форм: вопрос, утверждение, директиву, изложение новой информации, повторение. Концепция языка по М. Хэллидею – это не набор правил, или формальных предписаний, а совокупность выборов, которые коммуниканты могут оценить по-разному. Именно поэтому речевой акт представляет собой сложную сущность, сочетающую когнитивные межличностные функции в зависимости от конкретной ситуации. То есть, речевой акт тесно связан с процессом мышления и с понятием фрейма, или рамки. Слоты этой «рамки» заполняются с учетом метаусловий общения и личностей самих коммуникантов [Halliday, 1970].

Основные характеристики речевого акта включают значение перформативной части и важность невербальной составляющей для успешности последнего, его универсальные и специфичные свойства, прагматические понятия контекста и роли говорящего и адресата. Без определения цели речевого акта невозможно говорить о его понимании, поскольку буквального значения речевых единиц, входящих в состав высказывания, реализующего речевой акт, для его понимания недостаточно.

Для получения целостной картины живой коммуникации и полного анализа речевых актов необходимо учитывать не только намерения коммуникантов, но и природу их взаимоотношений и взаимодействия. В этой связи контекст как широкий, так и узкий приобретает особое значение.

В работах Дж. Остина и Дж. Сёрля коммуникация рассматривается как осмысленная деятельность в человеческом мире [Остин, Сёрль, 1985]. Ни одно слово не произносится без цели. Любое высказывание приравнивается к действию, такому же как поднятие руки, бег, наклон головы и т.д. Иными словами, человек говорит не ради самого говорения, а преследуя некую цель. Совокупная характеристика высказывания как средства осуществления

иллокутивного акта получила название иллокутивной функции, или иллокутивной силы высказывания. Иллокутивная функция (F) наряду с пропозицией (P) (положение вещей в реальном мире) являются двумя основными составляющими содержания высказывания на иллокутивном уровне. Обобщенно его можно представить в виде формулы F(P). К показателям иллокутивной силы относят в том числе иллокутивные глаголы, относящиеся к подклассу глаголов говорения и содержащие в своей лексико-семантической структуре указания на цель и условия осуществления говорения (например, просить, поздравлять, обещать и т.д.). Поскольку иллокутивные глаголы обозначают действия, осуществляемые самим актом говорения, их еще называют перформативными глаголами. Так, в определении Дж. Остина перформативы – это речевые акты, равноценные поступку [Остин, 1985]. Перформативным является, как правило, употребление глагола в 1-м лице единственного числа.

В нашей работе при анализе речевых актов мы выявляем иллокутивную силу высказывания, основываясь на перформативном использовании предикатов интересующей нас семантики. Показатель иллокутивной силы высказывания регулируется наречными словосочетаниями, выражениями модальности, интенсифицирующими и модифицирующими словами. Из этого следует, что прагматический подход к анализу речевых актов связан с синтаксическим, что мы и пытаемся учесть при проведении настоящего исследования.

Основным признаком иллокутивного акта является его цель. Иллокутивной можно считать не всякую цель, для достижения которой мы совершаем речевое действие, а единственно ту, которая в соответствии с замыслом говорящего должна быть распознана адресатом. Только такая – открытая для распознавания – цель называется иллокутивной, и она может и не совпадать с подлинной целью говорящего. В высказывании типа *Вчера звонил Иван Иванович и сказал, что зайдет сегодня около девяти* подлинной целью говорящего может быть побуждение слушающего к уходу (если слушающий и Иван Иванович, например, в ссоре). Но при этом иллокутивной целью в данном случае будет считаться цель

предоставления адресату некоторой информации. Поэтому данный речевой акт на иллокутивном уровне анализа будет рассматриваться как сообщение, а не побуждение.

Это одна из важных проблем, занимающих теоретиков речевых актов. Дж. Сёрль, рассматривая косвенные речевые акты и анализируя механизм распознавания слушающим косвенной языковой формы как определенного речевого акта, вводит понятия первичной (например, побуждение) и вторичной (так называемой буквальной – вопрос либо сообщение) иллокутивной цели высказывания. Именно эта первичная иллокутивная цель и составляет при этом цель коммуникации и предназначена для понимания собеседником [Сёрль, 1986, с. 198].

В связи с этим можно выделить два различных подхода к решению лингвистических задач внутри теории речевых актов. Первый подход – в русле собственно теории речевых актов, как дисциплины, родившейся в ходе философских исследований – предполагает анализ, классификацию и определение связи между речевыми актами без учета речевых средств. Исследователей при данном подходе не интересует вопрос о том, реализуются ли интенции и цели в конкретной ситуации речевого общения.

Второй подход в рамках речеактовой теории представляет собой лингвистический анализ речи, то есть устанавливает соответствие между речевыми актами и единицами речи. Исходным пунктом для анализа здесь является языковой материал. Настоящее диссертационное исследование выполнено именно в рамках второго подхода.

Поскольку речевой акт – это вид действия, то при его анализе используются по сути те же категории, что и при анализе и оценке любого действия: субъект, адресат, цель, инструмент, результат, условия, успешность и т.д.

В зависимости от условий совершения речевого акта он может либо достичь поставленной цели и тем самым оказаться успешным, либо не достичь ее. Чтобы быть успешным, речевой акт должен быть как минимум уместным. В этом смысле важна прагматическая компетенция говорящего, то есть его осведомленность о

положении дел в целом, об участниках и их ролях в обозначаемом событии, о презумптивных сведениях слушающего, о его социально-ролевом статусе, о единой трактовке значений тех или иных выражений, принятых в данном языковом сообществе и т.д. Последнее Г. Грайс называл «включенностью» говорящего в языковое сообщество и указывал на то, что она определяет успех распознавания интенции говорящего слушающими [Грайс, 1985]. Именно прагматическая компетенция определяет выбор языковых форм, соответствующих ситуации общения, а ее отсутствие у говорящего приводит к прагматическим неудачам: неправильная оценка ситуации ведет к неверной стратегии речевого акта, что может вызвать неадекватную реакцию в виде возникновения или усугубления конфликта. Важное значение здесь играют максимы Грайса и принципы вежливости Лича.

При несоблюдении хотя бы одного из прагматических условий реализации речевого акта его уместность может быть поставлена под сомнение, а смысл высказывания может быть неправильно интерпретирован. В результате может возникнуть «коммуникативная неудача или языковой конфликт» [Карасик, 2006, с. 316]. Но даже при соблюдении всех условий результат данного речевого акта может достичь или не достичь поставленной говорящим цели. Например, результатом речевого акта просьбы может являться как согласие адресата выполнить указанное действие, так и отказ его выполнять. Причем отказ может быть как мотивированным, так и немотивированным.

Условия, выполнение которых необходимо для признания речевого акта уместным, называются условиями успешности речевого акта и делятся на четыре типа с учетом всех различительных признаков иллокутивных актов:

«(1) условие пропозиционального содержания,

(2) подготовительное, или предварительное условие,

(3) условие искренности,

(4) существенное условие, или условие назначения» [Сёрль, 1986, с. 209].

Условие первого типа – это пропозициональное содержание высказывания, например, предикация будущего акта для побуждения. Существенное условие соответствует иллокутивной цели высказывания. Подготовительные условия отражают объективные и субъективные предпосылки, совместимые с выдвижением данной иллокутивной цели, то есть обстоятельства речевого акта, при отсутствии которых он потерпит коммуникативную неудачу. Например, для директивных речевых актов это возможность и способность слушающего выполнить директиву. Условия искренности отражают внутреннее (психологическое) состояние, которое может быть приписано говорящему, исходя из предположения об искренности и серьезности данного речевого акта. В отличие от подготовительных, нарушение говорящим условий искренности обычно происходит незаметно для адресата и поэтому непосредственно не влечет за собой коммуникативного провала.

В нашей работе мы выявляем и описываем для каждого из изучаемых речевых актов все типы условий их успешности, и дальнейший анализ речевых актов проводится с учетом данных условий, поскольку направленность на понимание является фундаментальным условием человеческого общения, и принципиально важными для успеха в достижении коммуникативной цели оказываются все прагматические устремления коммуникантов.

Изучение в настоящем диссертационном исследовании отдельных типов речевых актов делает необходимым рассмотрение понятия высказывания как формы реализации речевого акта в речи.

Высказывание представляет собой относительно законченный по интонации и по смыслу отрезок речи. Высказывание не является эквивалентом предложения. Они не равны по длине, высказывание может включать в себя несколько предложений. Отличительной чертой высказывания в таком случае является его единая смысловая структура. Подтверждение этому находим в трудах М. Хэллидея, который считает, что «по объему речевой акт может быть больше или меньше предложения. Сложное предложение может включать в себя

последовательность речевых актов, а развернутое высказывание в виде нескольких предложений может реализовывать одну единственную интенцию» [Halliday, 1970]. Ж. В. Никонова рассматривает высказывание как фрагмент «дискурса, выступающего вербальным коррелятом речевого акта» [Никонова, 2016, с. 5]. Е. В. Падучева в своей работе указывает на то, что в лингвистической науке понятие высказывания интерпретируется двумя способами: «1) как синоним термина «речевой акт» и 2) как обозначение речевого произведения, созданного в ходе речевого акта и рассматриваемого в контексте этого речевого акта» [Падучева, 1985, с. 29].

В данной работе мы понимаем высказывание как «функциональную единицу, смысл которой выявляется при актуализации некоторой языковой структуры (словосочетания, предложения) в конкретных условиях общения. Языковая модель может при этом подвергаться различным изменениям и преобразованиям в зависимости от иллокутивной функции высказывания». Мы рассматриваем высказывание «в широком понимании как законченный отрезок речи, объединенный одной интенцией либо интенциональным комплексом» [Трофимова, 2008].

Лингвистика долгое время занималась изучением исключительно локутивного аспекта речевого акта, без учета коммуникативной ситуации его употребления. Так, семантика, анализируя высказывание, сводила его содержание только к пропозиции. Речеактовая теория имеет большое значение для исследования семантики, так как позволяет включить в сферу такого исследования единицы, большие, чем предложение, и принять, что денотатом любого сообщения является выполняемая им функция. Эту функцию определяют формы высказывания и паралингвистические, ситуативные элементы.

Таким образом, главным новшеством трехаспектной схемы анализа речевого действия Дж. Остина являются понятия иллокутивного акта и иллокутивной функции (силы), поскольку они не получили адекватного описания ни в традиционной лингвистике, ни в классической риторике. При

этом ни Дж. Остин, ни Дж. Сёрль не дали понятию иллокутивного акта точного определения.

Дальнейшее развитие теории речевых актов преследовало выполнение ряда важнейших для лингвистики целей, как-то: разработать надежный научный инструментарий для обработки лингвистического материала, для анализа речевого взаимодействия, например, для объяснения описания стратегии воздействия на слушателя. Нельзя недооценивать актуальность и значимость данной теории для современной лингвистики, поскольку перспективы ее применения весьма и весьма многообразны.

Исходя из всего вышесказанного, считаем целесообразным применение теории речевых актов в качестве фундаментальной основы настоящего исследования.

§ 1.2 Классификация речевых актов

Иллокутивные акты различаются между собой не только по своей цели, но и по ряду других признаков. Наиболее известная универсальная классификация иллокутивных актов построена американским логиком и философом Дж. Сёрлем [Сёрль, 1986, с. 172-177]. Базу этой классификации составляет группа признаков, которые сам автор называет «направлениями различий между иллокутивными актами» [Сёрль, 1986, с. 172-177]. Наиболее существенными из выделенных 12 различий являются:

- цель иллокутивного акта (например, для приказа – побудить адресата к действию);

- направление соответствия между высказыванием и действительностью (например, в случае приказа действительность должна быть приведена в соответствие с высказыванием);

- внутреннее психологическое состояние говорящего (например, при выражении благодарности – наличие у говорящего чувства благодарности);

- особенности пропозиционального содержания речевого акта;

- связь речевого акта с внеязыковыми установлениями или институтами.

Основываясь на пяти категориях речевых актов, предложенных Дж. Остином, исследователь тем не менее критикует их, утверждая, что Дж. Остин по сути классифицирует не иллокутивные акты, а скорее английские иллокутивные глаголы. С учетом указанных выше параметров все множество иллокутивных актов было разделено Сёрлем на пять основных классов [Сёрль, 1986, с. 181-187]:

1. Репрезентативы: сообщение, осуждение, прогнозирование, признание, описание и др.

2. Директивы: просьбы, запреты, советы, инструкции, призывы и другие виды побудительных речевых актов.

3. Комиссивы: обещание, клятва, гарантирование.

4. Экспрессивы: благодарность, сочувствие, соболезнование, поздравление, извинение, положительное пожелание и другие.

5. Декларации: назначение на пост, объявление войны или перемирия, отлучение от церкви, посвящение в рыцари, прием в партию, присвоение звания и т.д.

Следует заметить, что данная классификация, однако, не позволяет однозначно отнести речевой акт к одному определенному классу. Некоторые речевые акты обладают признаками, характерными для разных иллокутивных классов. Можно сказать, что они образуют «смешанные» типы. Например, цель жалобы – не просто проинформировать адресата, а побудить его к принятию соответствующих мер, следовательно, жалоба является одновременно и репрезентативом (отражает некоторое положение дел в действительности), и экспрессивом (выражает негативные чувства говорящего), и директивом (побуждает к принятию мер).

В рамках пяти основных иллокутивных классов речевые акты «различаются по ряду дополнительных параметров» [Сёрль, 1986, с. 175]:

- «соотношение речевого акта с предшествующим текстом;

- соотношение социальных статусов коммуникантов;

- способ связи речевого акта с интересами говорящего и слушающего;

- степень энергичности или силы (интенсивности) представления иллокутивной цели (например, просьба и мольба)» [Сёрль, 1986, с. 175].

Отличие одного иллокутивного акта от другого становится возможным, если учитывать корреляцию между иллокутивной функцией речевого акта и условиями его успешности. Такая тактика позволяет адресату речевого акта правильно распознать его иллокутивную функцию даже тогда, когда какой-то из ее существенных признаков не эксплицируется: недостающая информация извлекается из обстоятельств коммуникативной ситуации – того, что Дж. Сёрль называет «фактологической фоновой информацией» [Сёрль, 1986, с. 212].

Отсюда и понимание косвенных речевых актов как речевых действий, осуществляемых с помощью высказываний, имеющих в своей структуре явный показатель одной иллокутивной функции, но при этом их иллокутивная функция является другой. Примерами косвенных речевых актов являются вежливые просьбы, «замаскированные» под вопросительные предложения (Вы не могли бы оставить мне эту книгу еще на неделю?), или утверждения, имеющие опять-таки вид вопросов (так называемые риторические вопросы).

Совокупность вышерассмотренных фактов и признаков однозначно позволяет, на наш взгляд, выделить класс экспрессивных речевых актов. Его рассмотрению будет посвящен следующий параграф.

1.2.1 Экспрессивные речевые акты как класс

Для современной антропоцентрической парадигмы в лингвистической науке особый интерес представляет эмоциональная сфера личности, возможность по речевой деятельности человека определить его личностные качества, проблема изучения воздействующей силы слова и понимания смысла высказывания. Эмоциональность, экспрессивность речи представляет в этом плане обширное

поле для исследования, одновременно составляя трудность для анализа в силу малой изученности и сложности интерпретации. Поэтому в качестве объекта настоящего исследования избраны экспрессивные речевые акты, а точнее отдельные их представители. Предлагаемый в работе комплексный анализ выбранных экспрессивных речевых актов позволяет решить задачи систематизации языковых форм их выражения, определения зависимости выбранной формы реализации речевого акта от прагматических условий, определения места элементарных смыслов в общей структуре смысла высказывания.

На возможность выделения особых речевых действий в отдельный класс впервые указали в своих ранних работах Дж. Остин и Дж. Сёрль.

Дж. Остин [Остин, 1986, с. 119], рассматривая различные перформативные глаголы и выделяя на основе их значения различные типы речевых актов, объединяет высказывания, реализующие речевые реакции на поведение других людей (поздравления, извинения и проч.), в единый класс, который, однако, называет не экспрессивами, а бехабитивами. К классу бехабитивов Дж. Остин относит также выражение отношений к чьим-то прошлым или предстоящим соглашениям. А такие речевые акты как угрозы (также рассматриваемые в современной лингвистике как экспрессивные речевые акты) он включает в класс комиссивов. При этом Дж. Остин считал, что любой отдельно взятый иллокутивный глагол должен иметь соответствие в виде иллокутивного акта (то есть, таксономия иллокутивных глаголов есть таксономия речевых актов).

Такое представление Дж. Остина справедливо критикуется продолжателем его идей Дж. Сёрлем, который утверждал, что понятия иллокутивных актов и иллокутивных глаголов нельзя считать тождественными. Интересующие нас речевые действия в классификации речевых актов, предложенной Дж. Сёрлем [Сёрль, 1986], попадают в группу экспрессивов. При этом ученый основывается не столько на значении перформативного глагола-сказуемого, сколько на иллокутивной цели соответствующих высказываний – «выразить психическое

состояние, задаваемое условием искренности, относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания» [Сёрль, 1986, с. 183]. Отсюда и название данного класса актов речи (от англ. express – «выражать»). В этот класс Дж. Сёрль включает, в частности, благодарность, поздравление, извинение, соболезнование, сожаление, приветствие и указывает на то, что это, возможно, единственный класс высказываний, для которого не релевантно соответствие между словами и реальным миром. Говорящий, выражая свои чувства – извиняясь, соболезнуя и т.д., не пытается «подогнать» мир к словам или слова к реальному миру.

Благодаря широкому распространению и активному применению в работах по лингвопрагматике классификации Дж. Сёрля (впоследствии им усовершенствованной [Сёрль, Вандервекен, 1986]), название класса экспрессивы закрепилось в специальной литературе. Тем не менее, вопрос о правомерности существования отдельного класса экспрессивов в системе речевых актов все еще относится к наиболее обсуждаемым. Единства мнений при выделении экспрессивов в отдельный класс нет ни среди российских, ни среди зарубежных лингвистов. Э. Рольф, например, утверждает, что по сравнению с другими иллокутивными силами (illokutionäre Stammkräfte) экспрессивные силы представляют собой скорее «чистый лист» – «ein unbeschriebenes Blatt» [Rolf, 1997, с. 216].

Одни исследователи вообще не выделяют экспрессивы в отдельный класс речевых актов, относя их к различным речевым действиям от декларативов до регулятивов, репрезентативов, комиссивов, перформативов и других. Так, «во многих классификациях западных лингвистов понятие экспрессивов не встречается, они распределяются исследователями по следующим классам: репрезентативам, регулятивам и универсалиям [Habermas, 1981]; обязательствам и актам, отражающим отношения между говорящим и слушающим [Fraser, 1975, с. 192]; комиссивам и сатисфактивам [Wunderlich, 1976, с. 77]. Существование самостоятельного класса экспрессивов не признается в системе К. Баха и

Р. Харниша [Bach, Harnish, 1980, с. 41], он отсутствует и в таксономии Дж. Лича [Leech, 1983, с. 103]» [Трофимова, 2011, с. 17].

Другие исследователи, в частности, отечественные, даже признавая существование экспрессивных речевых актов, «разводят» их отдельных представителей (в интерпретации Сёрля) по разным классам: например, «перформативов (поздравления, приветствия, извинения) и менасивов (угрозы) [Почепцов, 1981]; речевых ритуалов, признаний, одобрения, прощения и специализированных актов отчуждения [Апресян, 1986, с. 216]; формул социального этикета, как правило выражающих реакцию на поведение других людей [Арутюнова, 2003, с. 48]; непобуждающих иллокутивных актов (выражающих внутреннее психическое состояние говорящего) и ассертивов (психически невыражающих актов) [Богданов, 1990, с. 53-54]; неинформативных речевых актов [Гак, 1987, с. 37]» [Трофимова, 2011, с. 18]. Конвенциональность и ритуализированность многих экспрессивных речевых действий позволяет исследователям говорить о них, как о «ритуальных речевых актах [Вольф, 2006], этикетных высказываниях, глаголах этикетного поведения [Вежбицка, 1985, с. 269], формулах речевого этикета [Формановская, 1984, с. 11], конвенционально-этикетных формулах [Золотова, 1986, с. 506], социальных речевых актах [Рябцева, 1992, с. 61], этикетных действиях [Карасик, 1991, с. 45]; этикетных речевых актах [Поспелова, 1992, с. 72; Руди, 2011], актах речевых ритуалов и этикета [Гловинская, 1993]» [Трофимова, 2011, с. 19].

Подобное многообразие терминов для обозначения данного класса в отечественной лингвистике обусловлено, помимо прочего, разными переводами предложенного Дж. Остином термина «бехабитив» на русский язык.

Е. Вейганд, «вслед за Р. Якобсоном [Jakobson, 1960, с. 354], дает экспрессивным высказываниям название эмотивы. Она рассматривает их как речевые акты выражения чувств и считает, что они не могут образовывать собственного фундаментального класса, поскольку манифестируют очевидное положение вещей» [Трофимова, 2011, с. 18]. Однако, экспрессивы отличаются от

эмоционально нейтральных констативов выражаемым эмоциональным волнением, которое определяет форму высказывания (*Wie schön ist es hier!*). Те речевые действия, которые Дж. Сёрль относит к экспрессивам, Е. Вейганд считает декларативами: они фактически не выражают никаких чувств и не выполняют условие искренности, становясь рутинными, рудиментарными «пустыми фразами», не несущими смысловой нагрузки и служащими только цели создания либо поддержания отношений [Weigand, 1985]. Хотя, на наш взгляд, такая цель также немаловажна в осуществлении межличностной коммуникации.

Бесспорно, экспрессивные речевые акты выполняют определенные социальные функции, что доказывают в своих работах такие психологи и лингвисты как Д. Майерс, И.А. Стернин, Э. Берн. Так, агрессивное поведение можно предотвратить общением, в том числе посочувствовав человеку, признав справедливость его обиды [Стернин, 2001]. В то же время даже важность выполняемой экспрессивами социальной функции не позволяет, например, Т. Зандеру выделить их в отдельный класс, поскольку любое экспрессивное высказывание (извинение, благодарность и т.д.) является, как он считает, в своей сути речевым актом, предполагающим взятие говорящим на себя некоторых обязательств [Sander, 2003].

Н. И. Формановская [Формановская, 2005] высказывает сомнения «в целесообразности выделения экспрессивов как отдельного класса, считая экспрессивность априори функциональным свойством любого речевого акта - любой речевой акт может быть особо выразительным, с усиленным, подчеркнутым, выделенным значением» [Трофимова, 2011, с. 18].

Ряд исследователей, рассматривая в своих работах по сути класс экспрессивов, называет высказываниями либо актами, регулирующими межличностные отношения [Сусов, 1988, с. 11; Шиленко, 1988, с. 117-118], основываясь на том, что конечная цель подобных речевых действий – это расположить к себе собеседника, вызвать у него положительную реакцию по

отношению к говорящему. Такая перлокутивная цель в какой-то мере также позволяет объединить экспрессивные речевые действия в единый класс.

Лишь часть исследователей включает экспрессивы как отдельный, сформировавшийся класс в свои типологии. «К наиболее известным приверженцам точки зрения о самодостаточности экспрессивов относятся Т. Баллмер и В. Бренненштуль [Ballmer, Brennenstuhl, 1981], правомерность выделения отдельного класса экспрессивов четко обосновывается также в иллокутивной грамматике Ф. Лидтке [Liedtke, 1998]. Класс экспрессивов и его состав уточняется и описывается в работах А. Вежбицкой и Л. Писарек [Вежбицка, 1996; Писарек, 1995]» [Трофимова, 2011, с. 18], в исследовании С. Мартин-Клиф [Marten-Cleef, 1991]. Подробное описание каждого из конституэнтов класса экспрессивных речевых актов приводит в своих работах Н. А. Трофимова [Трофимова, 2008, 2011].

Невыделение некоторыми исследователями экспрессивных речевых актов в отдельный класс имеет под собой некоторые основания. Еще идеолог теории речевых актов Дж. Сёрль, хотя и выделяет класс экспрессивных речевых актов в своей таксономии, но считает их несколько неполноценными, говоря о том, что они 1) не имеют пропозиционального содержания; 2) для них нерелевантно условие искренности; и наконец, 3) экспрессивы не имеют направления действия [Searle, Vanderveken, 1985, с. 62]. Однако, данные проблемы классификации речевых актов находят свое отражение и решение в актуальных зарубежных исследованиях по теории речевых актов:

1. Экспрессивная иллокутивная сила имеет свое выражение: имело место определенное событие, в результате которого «пострадал» либо говорящий, либо слушающий, либо за возникновение которого первый или второй несет ответственность. То, что произошло определенное событие, которое затронуло адресата или за которое он несет ответственность, является подготовительным условием Σ. Это подготовительное условие действует для всех экспрессивных речевых актов и его нужно рассматривать как компонент экспрессивной

иллокутивной силы [Rolf, 1997, с. 217].

Пресуппозиция определенного события выражается в том, что есть экспрессивные речевые акты (например, приветствие), которые не выражают пропозиции и соответственно не имеют условия пропозиционального содержания.

Для обозначения экспрессивной иллокутивной силы в зарубежной литературе принят символ «¬».

2. Экспрессивные речевые акты в отличие от других типов речевых актов имеют не общее, а варьирующееся, меняющееся с каждым конкретным типом речевого акта, условие искренности [ср. Vanderveken, 1990, с. 127]. Суть экспрессивов состоит в том, что «*ein psychischer oder intentionaler Zustand bzw. eine entsprechende Einstellung zu einem als gegeben betrachteten Ereignis zum Ausdruck gebracht wird»* (выражается психическое или интенциональное состояние, либо соответствующий настрой к событию, рассматриваемому как данность – пер. автора) [Rolf, 1997, с. 217]. Условие искренности экспрессивного речевого акта выражается имплицитно, путем осуществления самого речевого акта. Условие искренности может быть выражено также дополнительно, т.е. эксплицитно: *Entschuldigung, das tut mir leid* или *Herzlichen Glückwunsch. Ich freue mich mit dir*. Действительно, в нашем корпусе мы находим множество подобных примеров. Но нельзя сказать, например: *Ich entschuldige mich dafür, dass ich Sie beleidigt habe, aber es tut mir nicht leid, dass ich Sie beleidigt habe*. Эксплицитное выражение условия искренности предшествующего речевого акта (здесь извинения или поздравления) служит усилению эффекта того, что должны вызвать слова *“Entschuldigung“* или *„Herzlichen Glückwunsch“*. Можно сказать, что эксплицитное выражение условия искренности относится к «методу достижения интенции» речевого акта (mode of achievement; Durchsetzungsmodus).

Вопрос относительно последних примеров состоит именно в том, как их следует понимать: как реализацию двух разных, но равноправных речевых акта (извинение либо поздравление + объявление своего психического состояния, которое

в любом случае идентично условию искренности) или как полиинтенциональный речевой акт извинения, реализующий дополнительные интенции говорящего [о полиинтенциональности речевых актов см. Трофимова, 2008].

Иллокутивная цель экспрессивов (illocutionary point), в противовес Сёрлю и Вандервекену, не может быть детерминирована простой ссылкой на имплицитное либо эксплицитное условие искренности. По Рольфу [Rolf, 1997, с. 219], экспрессивные речевые акты не только «выражают определенные эмоции», но и «пытаются оказать воздействие, влияние на определенные, имеющиеся или не имеющиеся у адресата эмоции». Экспрессивные речевые акты осуществляются с учетом определенного эмоционального состояния адресата.

3. Дж. Сёрль говорит о том, что экспрессивы не имеют направления влияния (Anpassungsrichtung). Совершая экспрессивный речевой акт говорящий не пытается ни «привести мир в соответствие со словами, ни слова в соответствие с миром» [Searle, 1998]. Немецкий лингвист С. Штаффельдт находит возможное решение данной проблемы. Он утверждает, что экспрессивные речевые акты, как и любые другие речевые акты, также имеют направление (вектор) действия. Но детерминировать направление действия в предложенных Сёрлем для остальных четырех классов речевых актов категориях Мир и Слово не представляется возможным. Сёрль рассуждал следующим образом: в ассертивных и декларативных речевых актах направление действия: Слово – Мир (Wort-auf-Welt), при этом в декларативах двустороннее воздействие; в директивных и комиссивных речевых актах направление действия: Мир – Слово (Welt-auf-Wort). Поэтому для описания направления действия экспрессивов С. Штаффельдт вводит дополнительную категорию Дух и определяет вектор экспрессивов: Дух – Дух (Geist-auf-Geist) [Staffeldt, 2009, с. 81].

С. Штаффельдт, кроме того, предлагает свою таксономию речевых актов, основанную на когнитивном подходе. Все речевые акты он делит на три класса, исходя из общности направления их действия и схожести их функции. Так, директивы и комиссивы объединены в класс облигативных речевых актов на

основании одного и того же вектора действия Welt-auf-Wort, а также потому, что и те, и другие обозначают действия, относящиеся к будущему (zukünftige Handlungen). Классы речевых актов по С. Штаффельду представлены на рисунке 1.

Рисунок 1 – Классификация речевых актов по С. Штаффельду [ср. Staffeldt, 2009, с. 86; Pörings, Schmitz, 2003, с. 166].

Таким образом, можно утверждать, что в лингвистической науке все вопросы, связанные с проблемой отделения экспрессивов от прочих речевых актов, находят свое решение. Экспрессивные речевые акты реализуют интенцию выражения психического состояния адресанта и оказания эмоционального воздействия на адресата. Это и есть иллокутивная цель класса экспрессивов вкупе с направлением действия иллокутивной силы.

В самых общих чертах суть любого экспрессивного речевого акта будет заключаться в следующем: говорящий со всей искренностью и экспрессивно осуществляет в адрес слушающего некое высказывание, содержащее в себе относящуюся к либо связанную с адресатом пропозицию.

Выражение при помощи высказывания говорящим своего эмоционального состояния либо эмоционального отношения к адресату можно считать вводным (предварительным) условием успешности экспрессивов. Говорящий должен сам осуществить экспрессивный речевой акт, и в большинстве случаев последний не касается еще не произошедшего события.

Условием пропозиционального содержания можно считать некое содержание высказывания, отражающее положение вещей в окружающем мире, при условии, что оно имеет смысл (соответствует действительности) для субъектов коммуникации. В таком случае будет иметь смысл и сам факт выражения данного пропозиционального содержания с экспрессией.

Следующее – существенное – условие Н. А. Трофимова определяет так [Трофимова, 2008, с. 15]: «*Адресат* предпочел бы, чтобы говорящий произвел определенное действие или произнес определенное высказывание, тому, что говорящий не произвел бы это действие или не произнес бы это высказывание, и говорящий верит, что адресат предпочел бы, чтобы говорящий сделал действие или произнес высказывание, тому, что говорящий не сделал бы действие или не произнес бы высказывание». И диаметрально противоположным будет суть данного определения в случае «отрицательно заряженного экспрессива, в том смысле, что здесь адресат предпочел бы, чтобы говорящий не совершал определенного высказывания» [Трофимова, 2011, с. 20]. Таким образом, существенное условие зависит от положительной или отрицательной заряженности экспрессивного речевого акта, то есть желательности либо нежелательности его осуществления для слушающего. Другими словами, в основе произнесения экспрессивного речевого акта должна находиться некая ситуация либо некое условие, дающая основания адресанту для возникновения и реализации его иллокутивной цели. Соболезнование как экспрессивный речевой акт будет дефектно, если у адресата никто не умер. Говорящий должен также верить в то, что произнесение соболезнования в случае смерти близкого адресату человека желательно для адресата, он его ждет и примет.

Условие искренности для успешности экспрессивных речевых актов является обязательным. Ситуация реализации экспрессива такова, что требует от говорящего произнести высказывание выразительно, с экспрессией. Данное условие проявляет намерения говорящего, показывает, что он действительно искренне испытывает заявляемое им в экспрессивном высказывании психическое состояние в связи с данным пропозициональным содержанием, либо действительно собирается осуществить манифестируемое действие. В противном случае, то есть при отсутствии у адресанта означенных эмоций, экспрессивное высказывание теряет всякий смысл. Успешность экспрессивного речевого акта может определяться степенью экспрессии, с которой адресант произносит свое высказывание, и ее достаточностью в данных прагматических условиях (с точки зрения слушающего).

Наряду с этим, несомненно, существуют высказывания, не отвечающие условию искренности, то есть при произнесении которых говорящий не испытывает манифестируемого ими эмоционального и психического состояния. Этот факт обуславливает возможность для отдельных лингвистов считать некоторые экспрессивные речевые действия (в частности, благодарность, извинение, поздравление и пожелание) конвенциональными, условными и разделять все экспрессивы на этикетные и эмотивные (собственно выражающие различные эмоциональные состояния). Подобное разделение мы видим, например, у Н. И. Формановской, которая утверждает, что этикетные речевые акты, в отличие от эмотивных, это «социально заданные регулирующие правила речевого поведения в зоне кооперативности» [Формановская, 2005, с. 112]. По мнению исследователя, эмотивные и этикетные речевые действия отличаются целеполаганием и перлокутивным эффектом.

Вслед за Н. А. Трофимовой мы считаем, что разделять искренние речевые акты и неискренние с целью рассмотрения их в качестве отдельных типов речевых действий, прибегая при этом к различному категориальному аппарату, неправомерно [Трофимова, 2008, с. 17]. В нашем диссертационном

исследовании мы основываемся на том, что экспрессивное высказывание априори искренне, и принимаем его за прототип, инвариант. Те экспрессивные высказывания, которые не отвечают условию искренности, а именно, перестают выражать настоящие, сильные эмоции и превращаются в клише, стереотипы ввиду их частой повторяемости и стандартности ситуаций их реализации в речи, мы будем считать вариантными. Машинальное их произнесение обусловлено социальными нормами коммуникации. Лишь такой подход к конвенциональным речевым формулам выражения соболезнований, извинений, сожалений, поздравлений и др. позволит рассмотреть данный класс речевых актов как таковой на основе выражаемой им пропозиции, а также определить степень нейтрализации прототипного экспрессивного значения, дополнительные значения, выраженные в высказывании и т.д.

Таким образом, не остается сомнений в необходимости выделения экспрессивных речевых актов в отдельный класс. Состав данного класса будет подробно рассмотрен в следующем параграфе.

1.2.2 Состав класса экспрессивов

На сегодняшний день в лингвистической литературе нет единого понимания природы экспрессивов как отдельного класса речевых актов, также как нет и четкой таксономии внутри данного класса, что объясняется особенностями самих экспрессивов, представляющих собой речевые действия, выражающие разнообразные чувства, эмоции и отношения. Иллокутивной целью экспрессивов является выражение определенного психологического и эмоционального состояния говорящего как реакции на пропозициональное содержание – реально существующее положение дел. Данные речевые действия даже сами основатели теории речевых актов Дж. Остин и Дж. Серль относили в разное время к разным классам и подклассам речевых актов: бехабитивам, экзерситивам, утверждениям, экспрессивам [Сёрль 1986 б, с. 183]. Так, например, Дж. Остин, «кроме типичных

актов выражения положительного отношения говорящего к адресату *(приветствия, благодарности, извинения* и т.д.), относит к бехабитивам (в нашей трактовке экспрессивам) также вызовы на состязание, дуэль и тому подобные высказывания, а также выражения негативного отношения говорящего к чьим-либо поступкам, представленного глаголами: *негодовать, резко возражать, обвинять, жаловаться, протестовать, оспаривать* и т.д. [Остин, 1986, с. 119, 126]. Дж. Сёрль первоначально ограничивает класс экспрессивов образцовыми глаголами: *благодарить, поздравлять, извиняться, соболезновать, сожалеть, приветствовать* [Сёрль, 1986, с. 183]. Позднее он добавляет к классу экспрессивов еще глаголы *хвалить* и *говорить комплименты* [Сёрль, Вандервекен, 1986, с. 225], и экспрессивы трактуются им уже как речевые акты, имеющие целью выражение положительных чувств говорящего относительно какого-либо положения дел (события)» [Трофимова 2011, с. 22]. Таким образом, речеактовая классификация на данный момент не представляется полной и окончательной.

Сравнение состава класса экспрессивов в рассмотрении других – отечественных и зарубежных – лингвистов показывает безусловность отнесения к нему только речевых актов благодарности, извинения, поздравления, соболезнования, отчасти пожелания и прощания. Перечень остальных речевых актов – всего их насчитывается более тридцати – варьируется в самых широких пределах. Причина этого кроется в избрании отличных друг от друга критериев и следующей из этого степени дробности классификаций.

При этом мы в своем исследовании придерживаемся точки зрения тех ученых-лингвистов, которые полагают, что прототипические черты речевых актов могут быть представлены с помощью соответствующих речевых глаголов [Гловинская, 1993; Wunderlich, 1976 b; Verschueren, 1980; Wierzbicka, 1987]. Таким образом, мы считаем возможным выделение и рассмотрение в настоящей работе речевых актов соболезнования, сочувствия и сожаления. Точка зрения на

указанные речевые акты других авторов отражена в приведенной таблице 1 (искомые речевые акты выделены).

Таблица 1 – Состав класса экспрессивных речевых актов в классификациях отечественных и зарубежных авторов

[Цитировано: Трофимова, 2011, с. 23]

	Фрейзер	Норрик	Мартен-Клиф	Рольф	Вежбицка	Еемерен и др.	Буля, Навацка	Писарек	Апресян	Гловинская	Богданов	Труфанова	Поспелова	Шиленко
благодарность	✓	✓	✓	✓	✓		✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
извинение	✓	✓	✓	✓	✓		✓	✓	✓	✓		✓	✓	✓
соболезнование	✓	✓	✓	✓	✓	✓			✓		✓	✓	✓	✓
сожаление						✓						✓		
сочувствие			✓									✓		
пожелание			✓	✓	✓			✓	✓	✓			✓	
тост												✓	✓	
благословение					✓							✓		
утешение														✓
проклятие				✓		✓								
поздравление		✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
порицание		✓		✓										
упрек, обвинение			✓	✓								✓		✓
критика			✓									✓		
жалоба		✓	✓	✓							✓			
причитание			✓								✓			
нанесение обиды				✓			✓							
насмешка			✓	✓										
брань, оскорбление			✓	✓			✓							
угроза														✓
похвала				✓							✓	✓		✓

хвастовство		✓		✓										
комплимент			✓	✓										
лесть							✓							✓
приглашение										✓				
приветствие		✓	✓	✓	✓		✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
прощание		✓		✓				✓	✓	✓		✓	✓	
представление										✓				
передача приветов							✓							
выражение опасения, озабоченности			✓											
выражение надежды			✓											
выражение одобрения/ неодобрения												✓		
выражение эмоций			✓	✓		✓						✓		✓

Обзор показывает, что экспрессивы в классификациях разных авторов включают в себя речевые действия, целесообразность выделения которых возможна только в рамках специфического анализа. Подобное мы наблюдаем, например, в случаях с речевым актом выражения эмоций в классификации С. Мартен-Клиф [Marten-Cleef, 1991, с. 69]; актом пожелания удачи у Ю. Д. Апресяна [Апресян, 1986, с. 210]; приглашением и представлением как формами этикетного поведения в классификации М. Я. Гловинской [Гловинская, 1993, с. 210-212]; такими интенциональными типами высказываний, регулирующих межличностные отношения, как удивление, гнев, негодование, тревога, досада, злорадство в работе Р. В. Шиленко [Шиленко, 1988]; актами принятия благодарности и извинения в труде А. Г. Поспеловой [Поспелова, 1992, с. 74]. Единичность включения в состав рассматриваемого класса подобных специфичных речевых актов доказывает нецелесообразность

представления их как отдельных подклассов экспрессивов и рациональность отнесения их в одну из более «реальных» групп.

В то же время, в целях общего анализа возможным и правильным, на наш взгляд, было бы объединение некоторых речевых актов в отдельные таксономические группы на основе общей семантики и прагматики. Так, акты упрека, обвинения, критики и жалобы представляется возможным объединить в подкласс порицаний. Тосты, благословения, проклятья логично было бы объединить в подкласс пожеланий (возможно, разного рода), а нанесение обиды, брань и оскорбления – в подкласс инвективных речевых актов. Самопохвалу (хвастовство) следовало бы рассматривать как разновидность похвалы. Включение приглашения, передачи приветов, представления в класс речевых актов кажется нам сомнительным, поскольку, на наш взгляд, в них значительно больше директивности и декларативности, чем выражения психического состояния.

Разделяются мнения и в отношении речевых актов оценки (таких как комплимент, похвала, лесть, порицание, оскорбление и подобные). Многие исследователи предлагают выделить их либо в особый класс, либо причислить их к ассертивам [Поспелова, 1992, с. 71]. Другая группа авторов представляет противоположное мнение, считая, что оценочные речевые акты должны быть отнесены к классу экспрессивов, поскольку последние представляют собой «частный случай» оценочных речевых актов [Вольф, 2006, с. 166] и их объединяет общность перлокутивного эффекта (оказать «эмоциональное воздействие на слушателя, основанное на одобрении и порицании в широком смысле слова» [там же, с. 167]) и интенции – выразить чувства (положительные или отрицательные) говорящего по отношению к адресату. Мы солидарны с этой точкой зрения, которой придерживаются Н. Р. Норрик [1978], С. Мартен-Клиф [1991], Е. Рольф [1997], Д. Буля и Я. Навацка [1983], Е. М. Вольф [2020], И. В. Труфанова [2000], и считаем естественным определение этих речевых актов оценки и эмоционального воздействия в класс экспрессивов как актов, выражающих рациональную оценку, пропущенную через эмоциональную сферу психики. При этом можно сделать

оговорку, что многие из этих актов (похвала, обида, оскорбление) даже «приближаются» к конвенциональным актам в связи с возможностью их ритуализации в определенной общественной среде и в определенное время.

Огромный вклад в разработку таксономии речевых актов и, в частности, экспрессивов вносит Н. А. Трофимова. В своей работе «Экспрессивные речевые акты» она предлагает выделить два подкласса речевых актов в рамках класса экспрессивов (понимаемого широко): социативы и инфлуктивы.

К подклассу инфлуктивов автор относит речевые акты «выражения эмоционально-оценочного отношения и эмоционального воздействия», которые говорящий использует как средства регулирования «исполнения слушающим своих социальных и межличностных ролей» [Трофимова, 2008, с. 24]. Комплимент, оскорбление, порицание, похвала представляют собой примеры инфлуктивных речевых актов.

В подкласс социативов предлагается включить речевые акты, которые выражают «признание говорящим слушающего как члена одной с говорящим социальной группы, выражаемое в определенных стандартных ситуациях» [Трофимова, 2008, с. 23]. Таким образом, социативы включают в себя извинение, пожелание, благодарность, приветствие, благословение, поздравление, тост.

Эти речевые акты осуществляются с различными целями, в различных условиях, опираются на различные канонические речевые и категориальные ситуации, но объединяются единой интенцией – выразить определенной психическое состояние, вызванное некоторым пропозициональным содержанием, а также единым перлокутивным эффектом – вызвать эмоциональную реакцию партнера.

Принимая точку зрения Н. А. Трофимовой на состав класса экспрессивных речевых актов и его деления на подклассы, соглашаемся с тем, что интересующие нас в рамках настоящего диссертационного исследования речевые акты соболезнования, сочувствия и сожаления должны быть включены в подкласс социативов. Однако, обращая внимание на то, что важными компонентами исследуемых речевых актов являются поиск согласия, тактика сотрудничества,

демонстрация «солидаризации с собеседником, эмпатии, отношения «я с вами» [Формановская, 2005, с. 107], считаем целесообразным объединить в целях анализа соболезнование, сочувствие и сожаление в единую подгруппу в рамках подкласса социативов – назовем ее подгруппой симпативных речевых актов [Харитонова, 2019, с. 103] – и обратимся к их подробному рассмотрению во второй главе.

Возвращаясь к классификации С. Мартин-Клиф, отметим, что она не только признает наличие класса экспрессивных речевых действий, но и детально описывает его состав. В класс экспрессивов она включает, например, Mitleid bekunden, Bedauern bekunden и Kondolieren. Данные немецкие речевые акты соответствуют в нашей терминологии речевым актам Mitgefühl/Mitleid, Bedauern и Beileid – сочувствию, сожалению и соболезнованию. Интерес представляют ее попытки дальнейшего анализа семантики и прагматики экспрессивов и их подразделения. Так, вышеназванные речевые акты относятся, по мнению исследователя, к группе mit S-Aversion – beidseitige Aversion – sympathisierend и являются положительными. Вся система экспрессивов по С. Мартин-Клиф [Marten-Cleef, 1991, с. 69; Staffeldt, 2009, с. 111] представлена на рисунке 2.

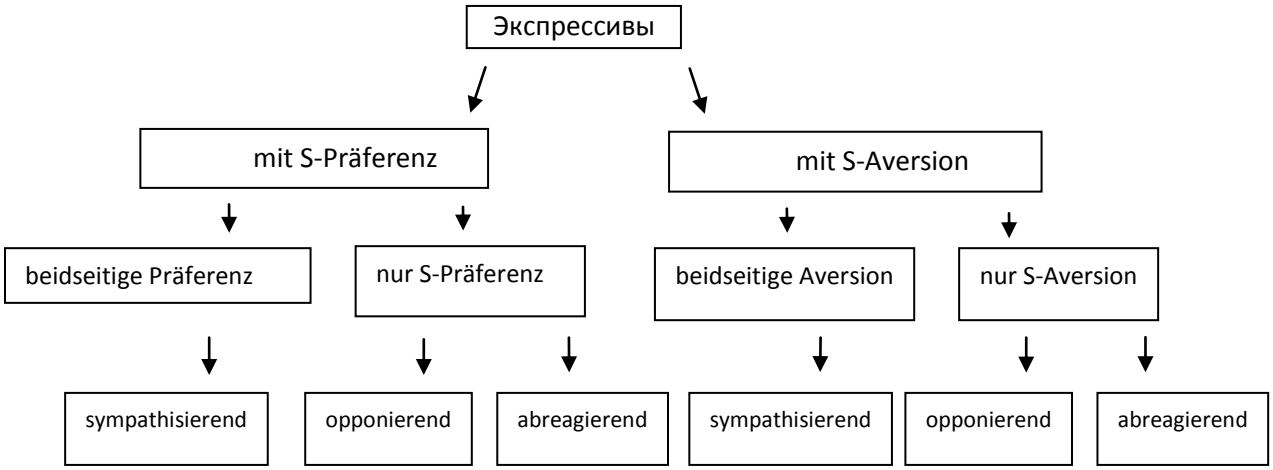

Рисунок 2 – Состав класса экспрессивов по С. Мартин-Клиф

Итак, в рамках настоящего исследования рассматриваются 3 речевых акта: сожаление, сочувствие и соболезнование – как наименее изученные и еще не описанные системно. Указанные речевые акты являются представителями подкласса

социативов внутри класса экспрессивных речевых актов, поскольку служат для выражения признания одним собеседником другого как социально равного и реализуются в определенных четко регламентируемых коммуникативных ситуациях. Как и прочие экспрессивные акты, связанные с реализацией этикетных действий, соболезнование, сочувствие и сожаление связаны с эмоциональной сферой человека, что необходимо рассмотреть подробнее.

§ 1.3 Экспрессивы как средство реализации эмоций в речи

Ключевой для понимания и классификации экспрессивных речевых актов является эмоциональная сфера человека. Несмотря на то, что базовых, или по-другому «дискретных» (врожденный набор базовых эмоций), эмоций по наиболее распространенной и универсальной версии Пола Экмана, американского психолога, всего 7 (радость, удивление, печаль (грусть, горе), гнев (злость), отвращение, презрение и страх) [Ekman, 2003], недавние исследования А. С. Коуэна и Д. Кельтнера показывают, что количество распознаваемых человеком эмоций может доходить до 27 [A. S. Cowen, D. Keltner, 2017]. Такая богатая палитра эмоциональных переживаний требует своего выражения в семантическом поле, то есть говорящий репрезентует при помощи языка свой субъективный эмоциональный опыт, реализуя данную потребность в первую очередь посредством экспрессивных речевых актов.

Различные эмоции, испытываемые коммуникантами, являются реакцией на существующее положение дел, действия окружающих и прочее. События и их последствия, участники событий и их действия, объекты и их качества либо свойства не являются нейтральными для коммуникантов, а наоборот, всегда несут некую эмоциональную окраску: могут нравиться или не нравиться, говорящий может порицать или одобрять их, выражать в отношении них удовлетворение или недовольство. В этом смысле «эмоции – это реакции оценки» [Ortony, Clore, Collins, 1988, с. 18]. Одновременно, по мнению Л. А. Киселевой, эмоции – это то,

что помогает нам «понимать других людей, судить об их состоянии, лучше настраиваться на совместную деятельность и общение» [Киселева, 2007, с. 6]. Эмоциональные факторы являются компонентом картины мира, складывающейся в сознании субъекта – носителя языка, компонентами структуры языка. Эмоциональность в языке является своеобразным фильтром, через который пропускается какая-либо объективная информация. Выражение эмоций, вербальное и невербальное, позволяет выработать адекватные и приемлемые стратегии дальнейшего речевого поведения с учетом цели коммуникации.

Язык в понимании современной лингвистической науки с ее антропоцентрическим подходом к трактовке всех явлений языка представляет собой не только средство коммуникации и обмена мыслями, но и средство выражения эмоций говорящего. Интерес исследователей к языковой репрезентации эмоциональных состояний человека в последнее время стал так велик, что даже возникла и активно развивается новая дисциплина в рамках лингвистики – эмотиология, или наука о вербальном выражении эмоций [Т. В. Адамчук, 1996; Н. Д. Арутюнова, 2000, 2003; Л. Г. Бабенко, 1989; А. Вежбицкая, 1996; Дж. Лакофф, 2004 и др.]. Эмотивы и эмотивные синтаксические конструкции изучают такие лингвисты как Т. В. Лукина [Лукина, 2008], Е. Ю. Мягкова [Мягкова, 1990, 2000, 2002, 2003], В. Н. Телия [Телия, 1991]. Онтологии и языковому выражению эмоций посвятил свои исследования В. И. Шаховский [Шаховский, 1987, 2002, 2003, 2019].

В научной литературе эмоции рассматриваются также как эмоциональные концепты. Например, Н. А. Красавский [Красавский, 2001] исследовал в своих работах специфику эмоциональных концептов в немецкой лингвокультуре, рассматривая, например, как базисную эмоцию «Trauer» – «печаль». Эмоциональный концепт понимается в исследовании Н. А. Красавского как «этнически, культурно обусловленное, сложное структурно-смысловое, как правило, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо понятия, образ,

оценку и культурную ценность, и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации однопорядковые предметы (в широком смысле слова), вызывающие пристрастное отношение к ним человека» [Красавский, 2001, с. 60]. Автор доказывает, что в толковые словари следует внести ряд важнейших содержательных признаков, фиксируемых в психологических дефинициях. К числу таких признаков (параметров) можно отнести «род», «видовые характеристики» («интенсивность, причина, последствия, условия появления эмоции», «объект эмоции», «длительность, осознанность, контролируемость или неконтролируемость, положительная/ отрицательная знаковая направленность эмоций»).

Эмоции могут актуализироваться как вербальными, так и невербальными средствами. Цель и компоненты коммуникативной ситуации предопределяют не только содержание речевых актов, но также оптимальные формы их выражения. Язык, несомненно, является основным и наиболее действенным средством для обмена информацией. Однако в условиях конкретного речевого акта для достижения желаемого эффекта используются и невербальные средства коммуникации. Изучение процессов передачи информации в связи с этим всегда опирается как на языковые, так и на неязыковые средства, и в первую очередь жесты, мимику, которые входят в состав паралингвистической сферы коммуникации.

Вербальная форма организации интеракции участников общения (взаимодействия участников коммуникации) определяется как речевое поведение. В основе регуляции речевого поведения лежат как осознаваемые коммуникантами интенции, так и неосознаваемые ими, то есть скрытые. Лингвопрагматический характер речевого взаимодействия коммуникантов в ситуациях повседневного общения соответствует одному из трех модусов: вежливое, фамильярное или агрессивное речевое поведение. Эту лингвопрагматическую триаду рассматривает В. М. Глушак в своем обширном исследовании. Он выводит три типа речевого поведения коммуникантов:

o «*Тип речевого поведения, нацеленный на сближение адресанта с адресатом;*

o *Тип речевого поведения, направленный на дистанцирование адресанта от адресата;*

o *Тип речевого поведения, направленный на поддержание имеющегося характера отношений адресанта с адресатом»* [Глушак, 2010];

а также 30 моделей их «реализации в немецком языке, выделяя модальные модификаторы речевого поведения, которые участвуют в реализации различных интенций коммуникантов» [Глушак, 2010].

Для успешности коммуникации от участников ожидается, что они будут соблюдать правила речевого взаимодействия, постулируемые как принципы кооперации, проявляя в общении не только самоуважение, но и уважение и тактичность по отношению к собеседнику.

Подобные правила и приниципы, речевые конвенции в рамках вежливого речевого поведения сформировались в речевой этикет. Речевой этикет составляет функционально-семантическое поле единиц доброжелательного, вежливого общения в ситуациях обращения и привлечения внимания, приветствия, прощания и т.д., связан с семиотическим и социальным понятием этикета вообще и осуществляет регулирующую роль в выборе того или иного регистра общения, что проявляется в конкретных речевых актах [Гольдин, 1983; Дементьев, 2000; Колесов, 1991; Ларина, 2005; Стернин, 2002; Формановская, 1996].

Существуют различные классификации эмоций (см. базовый набор эмоций по П. Экману выше), однако во всех них выделяется некоторый набор человеческих эмоций, которые К. Изард обозначает как фундаментальные. Исследователь относит к фундаментальным в общей сложности 10 эмоций: *интерес, радость, удивление, печаль (*в других переводах *горе* либо *страдание), гнев, отвращение, презрение, страх, стыд* и *вина* [Изард, 1980]. Несмотря на то, что в современных исследованиях таких базовых, фундаментальных эмоций выделяется только 5: *злость, страх, отвращение, печаль и радость*, значимая для рассматриваемых в рамках данного диссертационного исследования экспрессивов

эмоция *печаль*, выделяется среди фундаментальных. Каждая из эмоций занимает определенное место в системе модусов речевого поведения коммуникантов.

Печаль (по-другому *горе* или же *страдание,* а также *депрессия*) классифицируется как реакция на потерю, утрату чего-либо ценного или любимого, уверенности, источника радости, каких-либо привлекательных черт в себе, собственных позитивных установок.

Сочувствие и сожаление, на наш взгляд, также можно отнести к эмоциям, или эмоциональным концептам, входящим в общее поле базовой эмоции *печаль*. Соболезнование в нашем понимании выступает скорее как реализация в речи обеих эмоций (сочувствия и сожаления) по поводу постигшей одного из коммуникантов утраты. То есть ситуация, в которой реализуется соболезнование как речевое действие, достаточно строго регламентирована.

Полностью характер эмоции может раскрыться только в контексте, с учетом речевой ситуации. О роли контекста подробно писал А. Н. Савченко [Савченко, 1986, с. 63]: «содержание высказывания зависит от предшествующего или последующего контекста, в нём проявляется отражение пресуппозиций, в нём может возникнуть эмоциональность, не заключённая в отдельном слове, смысл его может подвергаться особым трансформациям под воздействием интонации, а в случае иронии становится противоположным тому, который заключён в значении слова».

Ортони, Клор и Коллинз определяют эмоции как «результат того, как (каким образом) воспринимаются или понимаются определенные ситуации» (пер. автора) (*Emotionen sind das Resultat der Art und Weise, in der bestimmte Situationen wahrgenommen oder begriffen werden*) [Ortony, Clore, Collins, 1988, с. 1]. Они различают 3 центральных аспекта мира либо изменений в мире, которые можно назвать единицами, вызывающими у нас эмоции: события (Ereignisse), участники (Akteure) и объекты (Gegenstände) (в особенности люди). События находятся в фокусе, когда мы интересуемся их последствиями (Folgen); участники находятся в центре внимания, когда мы интересуемся их действиями (Handlungen); наконец,

объекты (люди) выходят на передний план, когда нас интересуют их качества, свойства (Eigenschaften), которые у них есть либо им приписываются [Ortony, Clore, Collins, 1988, с. 18].

Соответственно, эмоции можно разделить на 3 основных класса: индуцированные событием (например, ревность, сострадание, злорадство); индуцированные поведением (например, гордость, раскаяние, восхищение, гнев, злость); индуцированные объектом (любовь, ненависть). Применяя данный подход к анализу исследуемых нами речевых актов соболезнования, сочувствия и сожаления, мы можем сделать вывод, что все три речевых акта отражают эмоции, индуцированные событием. При этом, сожаление как эмоция может быть вызвано и поведением.

Э. Рольф в свою очередь предлагает различать 2 типа коммуникативных ситуаций [Rolf, 1997, с. 219]: а) такие, которые сами по себе вызывают определенные эмоции и б) такие, в которых, по мнению говорящего, ввиду определенных причин необходимо вызвать какие-либо эмоции, ситуации, в которых нужно приложить усилия, чтобы вызвать особые эмоции. Ситуации а) можно обозначить как «индуцирующие эмоции» (Emotions-induzierend); ситуации б) – как «требующие эмоций» (Emotions-erfordernd). В ситуациях первого типа говорящий реагирует на предполагаемое наличие определенной эмоции или на возможность того, что она возникнет; в ситуациях второго типа – на её предполагаемое отсутствие.

Что касается ситуаций первого типа, то это – восприятие определенных событий, то, что вызывает эмоции, и особенно тогда, когда эти события изменяют социальный или личный статус воспринимающего. Это могут быть не только события, но и действия, и предметы (объекты, люди).

Ситуации второго типа: если по мнению говорящего поведение адресата должно быть другим, если его нужно изменить, то, чтобы этого добиться, простого требования (Aufforderung) в повелительной форме недостаточно. Вместо этого говорящий, как он считает, должен протестовать, критиковать, причитать-

сетовать, осуждать-порицать. Адресата нужно «вывести из себя», «растормошить» (*muss aus der Ruhe gebracht werden*).

Экспрессивные речевые акты, таким образом, призваны воздействовать на адресата стабилизирующим либо дестабилизирующим образом (в зависимости от типа ситуации). Выражение эмоционального настроя говорящего показывает, каким образом осуществляется целенаправленная, регулятивная попытка повлиять на эмоциональную сферу адресата. Это (регулятивное воздействие) – есть цель экспрессивного речевого акта. Эксплицитное выражение эмоционального настроя – аспект «метода достижения интенции» речевого акта. Экспрессивные речевые акты выражают чувства и за счет выражения этих чувств осуществляют попытку воздействия на адресата [ср. Rolf 1997, с. 223].

Каждый из глаголов, обладающих экспрессивной иллокутивной силой, показывает, что в пропозициональном содержании репрезентируемого экспрессивом состояния имеется что-либо плохое или хорошее (заложена плохая или хорошая оценка). Экспрессивный речевой акт всегда несет с собой какую-либо оценку, т.е. в обязательном порядке содержит оценочный смысловой компонент: «*Nach unserer Charakterisierung ist allen Gefühlen eine Bewertung eigen, so dass vorauszusetzen ist, dass auch alle expressiven Sprechakte eine Bewertung beinhalten*» [Marten-Cleef, 1991, с. 89].

Таким образом, существенную роль в поведении человека играет эмоциональная сфера, так как различные эмоции являются результатом специфических действий коммуникантов, а их выражение дает информацию, которая необходима для выработки адекватных стратегий дальнейшего речевого поведения участников речи.

Сочетание вербального и невербального поведения в некоторых стандартных ситуациях общения дает повод исследователям рассматривать соболезнование, сочувствие и сожаление не только как речевые акты, но и как речевые жанры, траурно-этикетные речевые жанры и даже как сценарии. Рассмотрим такие подходы в следующем параграфе.

§ 1.4 Соболезнование, сочувствие и сожаление как траурно-этикетные речевые акты и жанры

Попытки объединить соболезнование, сочувствие, сожаление, а также утешение в некую общность на основе их функционального и семантического сходства неоднократно предпринимались в отечественной лингвистике. Данные речевые действия исследователи чаще всего называют речевыми жанрами и включают в группу траурных речевых жанров. Речевые жанры при этом понимаются с коммуникативных позиций как «горизонт ожиданий для слушающих и модель построения для говорящих» [Гайда, 1986, с. 24]. Однако это не единственное название совокупности указанных речевых действий.

В настоящее время в российском жанроведении укоренилось разделение траурных речевых жанров на фатические и информационные (информативные). Исследователи [В. В. Дементьев, 1997, 1999; Ю. В. Казачкова, 2006; Э. Б. Манджиева, 2009; Т. В. Тарасенко, 1999 и др.] выделяют фатические речевые жанры «сочувствие», «утешение» и «соболезнование», которые «предназначены для установления, поддержания и прерывания общения между участниками коммуникации в соответствии с принятыми в обществе нормами и традициями речевого этикета» [Манджиева, 2009, с. 11] (сюда же следует отнести и сожаление). Информационные речевые жанры – это «тексты особого типа и определенной композиции, прежде всего, с точки зрения выделения в них ритуализированных форм начала, экспликации и завершения высказывания, обусловленных спецификой институциональных (социальных, коммуникативных) условий и национальных традиций» [Гайда, 1986, с. 23].

Подключаются к исследованию траурных речевых жанров в их текстовом воплощении специалисты по переводу и литературоведы. Так, И. С. Алексеева подчеркивает, что «траурный информационный текст обладает целым рядом уникальных характерных черт, которые побуждают особенным образом подходить к нему при переводе» [Алексеева, 2001, с. 193]. С литературоведческих

позиций исследуются особенности политического некролога [Г. А. Орлова, 2009], художественного некролога [А. В. Громова, 2009]. В. И. Карасик, предлагая свою модель ценностной картины мира, включает в нее, наряду с другими оценочными отношениями, отношение к смерти [В. И. Карасик, 2002]. Примечательно, что в исследованиях траурных речевых жанров подчеркивается их внешняя композиционная и языковая организованность, при этом сам процесс коммуникации, связанный с мотивом деятельности и ее внутренним, когнитивным планом, как правило, не затрагивается.

Стиль траурно-этикетного речевого общения обусловливает ассертивно-скорбный характер тональности в исследуемых речевых жанрах и находит свое выражение в языковом оформлении, в котором реальные эмоции и переживания субъекта траурного текста воплощаются в стандартных речевых оборотах. Потерю выразительности в таких клише (проблема, о которой шла речь в предыдущем параграфе) можно обозначить как стертую экспрессивность.

Еще одна точка зрения на слова со значением «сожалеть», «сочувствовать», «соболезновать» относит их к предикатам внутреннего состояния (ПВС), семантику которых подробно описывает в своей работе «Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния» А. А. Зализняк [Зализняк, 1992]. Значение таких предикатов напрямую связано с эмоциональной и мыслительными сферами внутренней жизни человека. Другие исследователи называют приблизительно одну и ту же группу предикатов предикатами психического состояния [Цейтлин, 1976], психической деятельности [Васильев, 1981] или психической реакции, пропозициональной установки, психологическими предикатами [Wierzbicka, 1969]. Внутренние состояния входят в более широкий класс явлений, конституируемых отношениями между субъектом и ситуацией (действительного или воображаемого мира) [ср. Зализняк, 1992, с. 11].

Поскольку соболезнование, сочувствие и сожаление наряду с прочими экспрессивами действительно выражают психические состояния говорящего, то при их анализе возникает так называемая проблема «чужого сознания». О ней

писали Л. Виттгенштейн [2001], З. Вендлер [1985]. А одна из статей Дж. Остина так и называется «Чужое сознание». В ней американский философ задается вопросом, откуда «мы знаем, что другой человек раздражен, сердится, недоволен?» [Austin, 1961]. По Остину, понимание психического состояния другого человека возможно при некоторых условиях: 1) нужно какое-то знакомство с данным человеком; 2) необходим определенный собственный опыт, касающийся того или иного психического состояния; 3) известные нам из прошлого опыта естественные поводы для наступления этого состояния. Отсюда вытекает принцип «типичной ситуации» для возникновения того или иного психического или эмоционального состояния. Тот, кто никогда не испытывал сожаления, вряд ли имеет понятие о том, что это такое. Проблема толкования таких предикатов связана со спецификой той внеязыковой действительности, с которой они соотносятся. А. Вежбицкая [Wierzbicka, 1972, с. 59] определяет эмоции как «нечто чувствуемое и не представляемое вербально» (*not conceived verbally*). Ею предлагается метод описания семантики слов, обозначающих эмоции, который может быть назван «принципом типичной ситуации» [ср. Зализняк, 1992, с. 20]. Поскольку невозможно, оставаясь в рамках лингвистики, описать субстанциональные свойства внутренних состояний, предлагается другое решение: идентифицировать эмоции через соотнесение с некоторой стандартной, или типичной, ситуацией их возникновения у «среднего» человека. Таким образом, выражение вида «X чувствует У» толкуется как «X чувствует то, что чувствует человек, когда...».

Еще более детально этот принцип (принцип описания эмоционального состояния путем указания типичных условий его возникновения) был разработан Л. Н. Иорданской [Иорданская, 1970, с. 7]. Пример толкования: А огорчается из-за В – «А испытывает такое пассивно-отрицательное эмоциональное состояние, которое обычно каузируется у среднего человека И следующей его оценкой некоторого события У: 1) И уверен в осуществлении события У,

2) У нежелательно для И; указанное состояние каузируется у А указанной оценкой со стороны А события В».

Соотнесение с «типичной ситуацией» может рассматриваться как «рамочный компонент», подразумеваемый для всех слов данного класса, и может опускаться или восстанавливаться в реальных толкованиях.

Характеристика «типичной ситуации» включает 1) субъективные и 2) объективные признаки. Субъективные признаки – это представления субъекта состояния (возможно говорящего) о пропозиции (то есть ситуации), ее экзистенциональный статус и оценка; объективные – например, контролируемость ситуации, свойства «типичной ситуации» наступления того или иного состояния. Наличие в толковании соотнесения с «типичной ситуацией» отражает то, что связь между наличием условий для возникновения некоторого внутреннего состояния и его реальным наступлением является не полностью детерминированной: человек может считать, что ядерная война – это плохо и что она может произойти, но не испытывать при этом страха [ср. Сёрль, 1982, с. 31].

§ 1.5. Смысл высказывания

Смысл как объект лингвистической науки выходит сегодня на передний план, поскольку именно порождение, рецепция и восстановление смысла являются целью речемыслительной деятельности человека.

Исследованию смысла высказывания посвящены работы представителей различных направлений в науке: психологии, логики, философии, социологии и семиотики: В. Франкла [1990], Э. Гуссерля [2001], Г. Фреге [1997], А. Черча [1951], Л. Виттгенштейна [1994], Р. Карнапа [2007]. Кроме того, изучением феномена смысла в разных аспектах занимались Н. Д. Арутюнова [2003], Н. А. Трофимова [2010], И. А. Зимняя [1985], В. А. Звегинцев [1973], А. В. Бондарко [1998, 2001] и Н. И. Колодина [2001].

Однако, несмотря на большое количество работ в современной лингвистике, посвященных изучению смысла, исследователей интересует в первую очередь проблема анализа смысла текста. Так, М. Ю. Чернышов [2011] анализирует в своих работах смысловую интегративность текста с помощью мыслей-скрепов; смыслообразование в текстах и его типы изучает Е. З. Имаева [2012]; смысловое восприятие текста – Е. В. Шелестюк [2010].

Необходимо прежде всего обозначить, что смысл в современной науке не имеет четкого определения. В работе Н. И. Колодиной под термином «смысл» понимается категория оценки. Смысл-категория оценки – это логическая форма мысли, формирующаяся в процессе категоризации переживаний персонажа; состояния личности персонажа; видов природы или внешности персонажа; ситуации; тональности текста; отнесенности описываемых событий к определенному месту и времени; сопоставляемых ситуаций или персонажей [Колодина, 2001, с. 108].

Значимым для языкознания, на наш взгляд, является постулат о том, что смысл любого высказывания представляет собой комплекс смежных элементарных смыслов, которые взаимодействуют между собой, меняют свое положение и значимость в процессе коммуникации в зависимости от прагматической ситуации и таким образом влияют на понимание. Язык при этом, по мнению Н. И. Колодиной, выступает как «некий способ перевода плана выражения текста в план содержания и обратно, т.е. как механизм дешифровки» [Колодина, 2001]. Предложенная Н. А. Трофимовой в ее труде «Мозаика смысла» динамическая многокомпонентная модель смысла включает в себя пять основных, или элементарных, смыслов. Это компоненты единого смысла высказывания: связанные между собой пропозициональный и интенциональный смыслы, а также эмотивный смысл, состоящий из трех частей: оценочного, эмоционального и реляционного (субъективного) смыслов. Пропозиционально-интенциональный и эмотивный блоки может соединять модальный смысл, модифицирующий содержание высказывания [Трофимова, 2010, с. 32]. Систему средств,

эксплицирующих все указанные смысловые компоненты высказывания, исследователь называет операторами порождения и модификации смысла.

Исследования в области когнитивной психологии показывают, что все знания определенным образом организованы, чаще всего по семантическим признакам. В. И. Шаховский указывает в связи с этим на «гаммы» дескриптивных (номинативных), оценочных, эмотивных, экспрессивных, стилистических смыслов. По его мнению, семантическое пространство каждого слова имеет безграничную эмотивную валентность, благодаря чему одно и то же слово, употребленное одной и той же или разными личностями в разных ситуациях, может выражать «практически несчетное количество эмоций, оттенков, тонов и полутонов» [В. И. Шаховский, 1997, с. 17].

Смыслы также подразделяются на имплицитные – неявные, скрытые – и эксплицитные – открытые, легко считывающиеся адресатом.

Языковая коммуникация строится всегда в расчете на понимание со стороны реципиента, иначе она просто-напросто теряет смысл. Понимание – это та предпосылка, которая необходима для передачи знаний либо других данных в процессе коммуникации. В свою очередь, освоение любых смыслов возможно лишь через призму собственного опыта реципиента. Иногда личного опыта реципиента, его экстралингвистических знаний, то есть сформированных когнитивных единиц в данной предметной области, оказывается недостаточно для понимания речи и ее интерпретации. Таким образом, возможна ситуация, при которой смыслы высказывания будут не обнаружены. В первую очередь здесь речь идет, конечно же, о художественном тексте; в устной коммуникации интенции адресата, как правило, более эксплицитны, прозрачны. Иногда невозможность построения смыслов обусловлена не столько отсутствием у реципиента необходимых для понимания когнитивных единиц знания, сколько отсутствием у него необходимости понимать данное высказывание или текст, отсутствием прагматических установок на понимание.

§ 1.6 Динамическая многокомпонентная модель смысла

В нашем исследовании построения и актуализации смысла высказываний соболезнования, сочувствия и сожаления в немецком языке мы опираемся на разработанную Н. А. Трофимовой динамическую модель смысла высказывания [Трофимова, 2010, с. 31]. Сложный, комплексный характер смысла высказывания обусловлен многогранной ситуативной информацией, являющейся фоном процесса общения. Данный сложный смысловой комплекс представляет собой универсальный набор смежных единичных смыслов, взаимодействующих между собой, меняющих свое положение и, следовательно, значимость в единой смысловой общности в зависимости от прагматической ситуации, обнаруживающих при малейшем изменении конфигурации ее элементов новые перспективы и смысловые нюансы. Упорядоченный некоторым образом набор специфически структурированных компонентов включает:

1) «пропозициональный смысл – элементарный смысл высказывания, его своеобразный фундамент, формулирующий определенное положение дел в возможном мире;

2) интенциональный смысл, вернее, сложный интенциональный комплекс, естественно дополняющий пропозициональное содержание, поскольку каждый речевой акт произносится говорящим с определенным намерением воздействовать на слушателя в желательном направлении;

3) так называемое психическое состояние, эмотивный смысл, надстраивающийся на единство пропозиции и интенции. Этот компонент, в свою очередь, имеет сложносоставный характер и делится на следующие составляющие:

- оценочный смысл присутствует как компонент смысла высказывания всегда, но имеет особенности выражения в разных типах речевых актов;
- эмоциональный смысл, как правило, сопровождающий выражение оценки, особенно индивидуальной. Чем сильнее затронуты интересы партнеров,

тем более действенна оценка и тем больше речевой акт влияет на эмоциональное состояние адресата;

○ реляционный (субъективный) смысл, не-нейтральное отношение говорящего к адресату – неявное в смысле, о котором слушающий может делать лишь некоторые предположения, исходя из стереотипных установок о том, что чувствуют или как ведут себя люди в определенных обстоятельствах.

Пропозиционально-интенциональный и эмотивный блоки целостного смысла «прослаивает» модальный смысл, который, с одной стороны, модифицирует логическое содержание высказывания (объективная и ситуативная модальности), с другой стороны, является частью «надстроечной» части модели смысла (субъективная модальность);

4) окказиональные смыслы, обусловленные специфической ситуацией общения во взаимодействии с отдельными элементами высказывания» [Трофимова, 2010, с. 31].

В настоящем исследовании мы предпринимаем попытку визуального представления динамической модели смысла высказывания, следуя всем вышеописанным положениям. По нашему мнению, динамическую модель смысла высказывания можно представить в следующем виде, как показано на рисунке 3.

Рисунок 3 – Динамическая модель смысла высказывания

Для экспликации названных макрокомпонентов смысла высказывания язык развил определенную систему средств, которые в исследовании называются операторами порождения и модификации смысла. Это «своего рода вербальные ключи, шифры, открывающие потайные дверцы смысла, «привязывающие» его к ситуации акта речи, они управляют процессом коммуникации, выражая пресуппозиции, мнения партнеров» [Трофимова, 2010, с. 46].

При всем многообразии операторов-экспликаторов и -модификаторов смысла их можно легко систематизировать и объединить в группы по разным основаниям. В качестве классификационного критерия принимается принцип функциональной доминантности оператора при формировании определенного смыслового слоя, его своеобразной специализированности на выполнении этой роли. Важным замечанием является при этом указание на факт, что все операторы действуют не в одиночку, а только в совокупности, их отнесение к той или иной группе факторов порождения смысла условно и является лишь приемом для решения поставленных в исследовании задач.

В соответствии с названным критерием операторы делятся на группы

- операторов порождения (модификации) пропозиционального смысла (программы семантической согласованности, лексической сочетаемости, синтаксического управления),

- операторов порождения и модификации интенционального смысла (перформативные глаголы и перформативные формулы, коммуникативные типы предложения, речевые стратегии косвенного выражения интенции) и его модальной модификации (модальные глаголы, частицы и слова),

- операторов порождения и модификации эмотивного смысла (эмоционально-оценочная лексика, междометия, обращения, специальные синтаксические структуры, эмфатический порядок слов).

Операторы порождения эмоционального, оценочного и реляционного смыслов рассматриваются нами в совокупности (как маркеры триединого эмотивного смысла) в связи с их многофункциональностью, делающей

невозможным и нецелесообразным их «разведение» в разные группы: средства выражения оценки всегда актуализируют эмоциональный компонент и свидетельствуют о не-нейтральном отношении говорящего к адресату.

Выводы по главе 1

В первой главе осуществляется обзор научной литературы по теме исследования, систематизируются имеющиеся точки зрения на суть и природу как эспрессивных речевых актов в целом, так и отдельных речевых действия, составляющих объект данного исследования.

По итогам изучения теоретического материала, на котором основывается наше исследование, можно сделать следующие выводы:

1. Базовой теорией для изучения речевых актов соболезнования, сочувствия и сожаления можно считать теорию речевых актов, предложенную Дж. Остином и в дальнейшем разработанную Дж. Сёрлем. Речевые акты, или речевые действия, реализуются в речи в форме высказываний. Теория речевых актов позволила рассматривать высказывание не только как некую последовательность определенных звуков, произносимых говорящим, выстроенных в соответствии с определенными грамматическими правилами и связанных в сознании коммуникантов с определенным значением (локутивный акт), но и как выражение интенции адресанта – осуществление его коммуникативной цели (иллокутивный акт).

2. Коммуникативной (иллокутивной) целью исследуемых в настоящей работе речевых актов мы считаем выражение говорящим своего психического и эмоционального состояния в связи с неким негативным положением дел, имеющим отношение к слушающему, и воздействие путем реализации соответствующего высказывания на психическое состояние последнего. Таким образом, соболезнование, сочувствие и сожаление следует отнести к классу экспрессивных речевых актов. В уточненной таксономии, предложенной

Н. А. Трофимовой [Трофимова, 2008], данные речевые действия входят в состав подкласса социативных речевых актов.

При этом отдельные исследователи не рассматривают соболезнование, сочувствие и сожаление как экспрессивные речевые акты, а относят их в группу речевых ритуалов и этикета, либо к этикетным высказываниям, либо к формулам социального этикета, на том основании, что данные речевые действия не выражают неподдельных, искренних эмоций, слишком клишированы и стереотипны. Кроме того, ряд лингвистов трактует изучаемые в работе речевые действия как траурные либо траурно-этикетные жанры.

3. Эмоциональный аспект высказываний, а именно актуализация эмоций, несомненно, представляет собой неотъемлемую часть речевого поведения и способствует раскрытию и пониманию человеческой сущности. Однако, мы не считаем, что следует делить экспрессивы, в частности, соболезнование, сочувствие и сожаление, на искренние и неискренние и рассматривать отдельно, так как даже выраженная с помощью речевых клише эмоция может быть искренней и отражать реальное негативное психическое состояние говорящего в определенной траурной или неблагоприятной ситуации.

4. В данной работе мы ставим цель комплексно рассмотреть, какими языковыми средствами воплощаются в речи соболезнование, сочувствие и сожаление, какие смыслы имеют высказывания, реализующие их. Вслед за Н. А. Трофимовой мы понимаем смысл как многокомпонентную динамичную сущность, актуализация единичных элементов которой определяется типом речевого акта, прагматической ситуацией общения и арсеналом языковых средств, которыми владеют говорящий и слушающий. В главе 1 предпринимается попытка визуализации модели смысла высказывания безотносительно его типа.

В следующей главе будут рассмотрены подробно экспрессивные социативные речевые акты соболезнования, сочувствия и сожаления, языковые средства, реализующие их, прагматические условия их осуществления и условия их успешности, операторы порождения и модификации их смысла.

Глава 2. АКТУАЛИЗАЦИЯ КОМПОНЕНТОВ СМЫСЛА В СИМПАТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ

После рассмотрения различных подходов к трактовке понятия речевого акта и выделения симпативов как объекта данного исследования, перейдем к анализу высказываний, реализующих симпативные речевые акты (соболезнование, сочувствие и сожаление). Задача данного раздела – изучить особенности языкового воплощения и функционирования данных речевых актов, определить место элементарных смыслов в смысловой структуре каждого из них, а также описать многокомпонентную динамическую модель смысла в высказываниях соболезновании, сочувствии и сожалении.

§ 2.1 Симпативные речевые акты

Установление добрых взаимоотношений – универсальная культурная ценность. Ситуации соболезнования, сочувствия, сожаления относятся, несомненно, к общекультурным нормам и знакомы людям любой национальности. Однако нормы поведения в той или иной ситуации, речевые действия, считающиеся приемлемыми, традиционные формы восприятия этих ситуаций, различаются в каждой отдельной культуре.

Реализованные в речи эмоции служат основанием для выделения того или иного речевого акта и их разграничения. Так, целью экспрессивного речевого акта является целенаправленное регулятивное воздействие говорящего на эмоциональную сферу адресата. Подобное воздействие может носить стабилизирующий, как в социативах, либо дестабилизирующий, как в инфлуктивах, характер.

Высказывания соболезнования, сочувствия и сожаления реализуют в речи воздействие стабилизирующего характера и имеют для процесса коммуникации то же значение, что и прочие социативы (подробнее об этом в главе 1). Поэтому

такие речевые действия как соболезнование, сочувствие и сожаление мы относим к подклассу социативных речевых актов.

Сочувствие, например, представляет собой социативный речевой акт, в котором говорящий «дает слушающему понять, что он в состоянии поставить себя на место слушающего» и «испытывает те же чувства», что и слушающий, в связи со сложившейся негативной (для слушающего), по мнению говорящего, ситуации [Харитонова, 2015, с. 605]. Иначе говоря, речевой акт сочувствия направлен на выражение симпатии и поддержки адресата в сложной или негативной для него жизненной ситуации. Он предполагает способность говорящего испытывать схожие чувства, понимать и разделять эмоциональное состояние собеседника, а также ставить себя на его место. Основная цель этого речевого действия — поддержать собеседника через проявление собственного эмоционального отклика на его переживания. Речевой акт сочувствия осуществляется в определенной ситуации общения, ориентирован на соблюдение социальных норм и ритуалов и относится к проявлениям регламентированного речевого поведения.

Речевой акт соболезнования тоже представляет собой реализацию социального ритуала. Подобно сочувствию, он проявляется в негативной жизненной ситуации, воспринимаемой говорящим как объективно сложной – это всегда ситуация смерти близкого для адресата человека. Этот акт выражает признание утраты собеседника как несчастья, которое затрагивает и говорящего, вызывая у него скорбь (ср. определение соболезнования: говорящий дает понять слушающему, что он (говорящий) «воспринимает понесенную его собеседником утрату как несчастье как для собеседника, так и для себя, и скорбит по данному поводу» [Харитонова, 2020, с. 105]).

Социальная цель соболезнования – выразить сочувствие и продемонстрировать соответствие нормам этикета, где эмоциональное состояние говорящего определяет тональность высказывания.

Речевой акт сожаления является наименее ритуализированным из рассматриваемых действий. Его отличительная черта заключается в том, что в семантике сожаления всегда присутствует альтернативный вариант событий, отличный от реально произошедшего. При этом текущее положение дел оценивается говорящим как неблагоприятное. Сожаление возникает в тех случаях, когда существует идея, что «всё могло сложиться иначе», это делает его реализацию возможной только при осознании упущенной или невозможной альтернативы. Этому речевому акту можно дать следующее определение: адресант «оценивает сделанное либо не сделанное им самим или его собеседником, либо произошедшее или не произошедшее событие как негативное и желает, чтобы положение вещей было противоположным, испытывая по этому поводу отрицательные эмоции» [Харитонова, 2017, с. 747].

Таким образом, во всех трех речевых актах общим в пропозиции (семантическом содержании) будет наличие некоего элемента реальности, который рассматривается обоими коммуникантами – говорящим и слушающим – как негативный, неблагоприятный, и говорящий испытывает по поводу этого события отрицательные эмоции. Негативная оценка говорящим имеющегося положения дел является ключевой прагматической характеристикой анализируемых речевых актов. Другой важной характеристикой выступает упомянутый выше стабилизирующий характер воздействия, которое говорящий желает оказать на своего собеседника, осуществляя любой из исследуемых речевых актов. И в сожалении, и в сочувствии, и в соболезновании целью говорящего является не просто выразить свое эмоциональное и психическое состояние, а поддержать, успокоить собеседника, помочь, предпринять, реализуя данные речевые акты, некоторые активные действия для преодоления сложившейся негативной ситуации.

Исходя из вышесказанного, считаем возможным и целесообразным на основе общности интенций выделить в рамках подкласса социативных речевых актов, входящих в состав класса экспрессивов, отдельную группу речевых актов,

которые мы предлагаем назвать симпативными [Харитонова, 2019, с. 103]. Термин образован при помощи приставки «сим-» (др.-греч. συν – «вместе»), означающей совместность действия, соучастие, одновременность, и греческого же корня πάθος («чувство, страсть, влечение»), предполагающего чувство устойчивой эмоциональной предрасположенности к кому-либо на основе общих взглядов, идей и ценностей. «Патос» («пафос») также означает «душевное переживание». Первым использовавший термин «пафос» Аристотель полагал целью любой речи вызвать эмоции у слушающей оратора аудитории. Таким образом, «симпативный» означает «со-переживающий». Предлагаемый нами термин этимологически родственен понятию «симпатия» – избирательная положительная реакция на, как правило, внешние признаки индивидуума. В отдельных языках схожее понятие может обозначать также жалость, сострадание (cf. англ. sympathy, фр. sympathie). В отличие от эмпатии (греч. ἐν – «в» + греч. πάθος – «страсть», «страдание», «чувство») «симпативный» больше предполагает одновременность переживания с кем-либо, нежели некую собственную «погруженность» субъекта в чувство.

Группа симпативных речевых актов, как следует из изложенного выше, включает в себя речевые акты соболезнования, сочувствия и сожаления, которые осуществляются с целью оказать поддержку собеседнику в ситуациях, оцениваемых говорящим как негативные для слушающего, либо для обоих коммуникантов. Объединение соболезнования, сочувствия и сожаления в отдельную группу позволяет проследить, как реализуется динамическая модель смысла в данной группе социативных речевых актов.

Следующие разделы посвящены подробному прагма-семантическому и лексико-грамматическому анализу рассматриваемых речевых актов соболезнования, сочувствия и сожаления.

§ 2.2 Высказывания сожаления

2.2.1 Определение речевого акта сожаления

Сожаление является экспрессивным речевым актом, существование которого ставится под сомнение многими исследователями. Согласно сводной таблице в работе Н. А. Трофимовой [Трофимова, 2011, с. 23], наиболее полно отражающей состав класса экспрессивных речевых актов, из 14 авторов только Ф. Х. ван Еемерен [Еемерен, 1992] и И. В. Труфанова [Труфанова, 2000] включают рассмотрение сожаление в свои исследования. Вероятно, это обусловлено культурологическим аспектом: в христианской традиции сожаление рассматривается как проявление недоверия к Божественному промыслу, что может быть связано с восприятием его как греха, сродного унынию [Гулейко]. Кроме того, полученные в ходе нашего исследования результаты опроса свидетельствуют о мнении носителей немецкого языка, что сожалеть, испытывать чувство сожаления вредно для человеческой природы. Однако данное мнение не обосновывалось религиозными мотивами, а носило чисто прагматический характер.

С другой стороны, такие исследователи, как К. Вагнер, Д. Сёрль, Д. Вандервекен, А. Вежбицкая и А. Зализняк, рассматривают сожаление в своих работах (либо как речевой акт, либо как предикат внутреннего состояния). Руководствуясь в нашем исследовании лингвистическими критериями, мы полагаем, что наличие вербальной репрезентации данного действия свидетельствует о существовании речевого акта сожаления.

Сожаление в лингвистическом смысле – это вербальное выражение испытываемых говорящим негативных эмоций – грусти, печали, недовольства – по поводу некоего положения дел в мире: *Mit großem Bedauern haben wir den Entschluss Ralf Hafermanns zur Kenntnis genommen, dass er als Präsident des Thüringer Leichtathletik-Verbandes zurückgetreten ist – С большим сожалением мы узнали о решении Ральфа Хаферманна оставить пост президента Легкоатлетического союза Тюрингии.* (www.tlv-sport.de, 2013)

Анализ словарных дефиниций и собранного корпуса примеров показывает, что в немецком языке речевой акт сожаления реализуется в речи при помощи двух схожих по значению лексем: *Bedauern и Bereuen*. Ниже рассмотрим подробно различия в их семантике, а также семантику сожаления в целом.

Прежде всего, сожаление связано с тем, что в жизни одного из участников коммуникации произошло нежелательное событие. Однако оно не ограничивается лишь выражением негативных эмоций по этому поводу. Ключевая черта сожаления – это осознание существования альтернативного исхода, при котором события могли бы сложиться иначе. Определение А. Вежбицкой: «X feels regret – feels as one does when one thinks that what one desires not to have happened has happened» (X чувствует сожаление – чувствует себя так, как чувствует себя человек, когда думает, что то, чего он не желал, произошло – перевод автора) [Wierzbicka, 1972, с. 64]. То есть сожаление есть переживание того, что произошло нечто неприятное, нежеланное для субъекта. С другой стороны, сожаление определяется как «вид печали, которая <…> имеет особую горечь, так как она связана с воспоминанием об удовольствии, которое давало нам обладание вещью» [Декарт, 1950, с. 628, 698]. Подобный подход к пониманию природы сожаления позволяет А. Зализняк выделить три разновидности предиката «сожалеть», различающихся по своему семантическому наполнению [Зализняк, 2013]:

- сожалеть 1 содержит оценочный компонент «Р плохо» (наряду с презумптивным и ассертивным компонентами), семантика предиката сожалеть 1 представляется следующим образом:

«презумптивный компонент	X знает, что Р имеет место
ассертивные компоненты	X считает, что Р плохо
	или: не-Р лучше, чем Р
	или: X ощущает: Р плохо
	(наличие переживания)»
	[Zaliznjak, 1992]

- сожалеть 2 отличается от сожалеть 1 тем, что ситуация-объект здесь контролируема для X. Совершенный в прошлом поступок предстает как результат сознательного выбора. Определяющим для семантики является представление о том, что этот выбор был сделан неправильно:

«презумптивный компонент	X знает, что P имеет место
ассертивные компоненты	X считает, что P плохо
	или: не-P лучше, чем P
	или: X ощущает: P плохо
	(наличие переживания)
	P контролируемо для X-а»
	[Zaliznjak 1992]

- сожалеть 3 – «P хорошо», где P – некое положение вещей в реальном мире. Сожалеть 3 имеет следующую семантическую структуру:

«презумптивный компонент	X знает, что P имело место
	в прошлом и не имеет места
	в настоящем
ассертивный компонент	X ощущает: P хорошо и отсутствие
	P плохо»
	[Zaliznjak, 1992]

Объект здесь – «законченный промежуток времени, период жизни, который не может повториться» [Zaliznjak, 1992, с. 123].

Для семантики глагола «сожалеть» релевантно не сравнение P и не-P, а сравнение положения вещей, имеющего место в настоящий момент, с альтернативной к нему ситуацией, не имеющей места в настоящий момент, то есть относящейся к одному из возможных миров (неосуществившаяся ситуация; относящаяся к прошлому) [Zaliznjak, 1992, с. 116].

Немецкий ученый К. Вагнер определяет сожаление (Bedauern) как речевой акт, имеющий место в случае, когда в жизни говорящего происходит некое негативное событие, и он выражает слушающему по этому поводу не только свою

озабоченность, но и свое недовольство. Вагнер включает в семантическую структуру сожаления компонент «говорящий считает, что некто несет ответственность за данное негативное событие» (*der Sprecher ist von einem negativen Ereignis betroffen und äußert einem Hörer gegenüber nicht nur seinen Kummer (expressiv), sondern auch seine Unzufriedenheit, weil er annimmt, dass irgendjemand für das bedauernswerte Ereignis verantwortlich ist* [Wagner, 2001, с. 185]). Дж. Сёрль и Д. Вандервекен не согласны с такой трактовкой и говорят о том, что «чья-либо ответственность» является компонентом семантики другого глагола – *Beklagen (жаловаться)*: *Wenn ich den Tod von jemand beklage, dann drücke ich nur Gefühle von Kummer und Leid aus. Wenn ich seinen Tod bedauere, dann halte ich jemand dafür verantwortlich, obwohl die Person, an die ich mein Bedauern richte, nicht die Person sein muss, die ich für verantwortlich halte – Когда я жалею о смерти кого-либо, я выражаю лишь чувства озабоченности и сострадания. Когда я сожалею о его смерти, я считаю кого-то ответственным за это, хотя тот человек, которому я адресую свое сожаление, не обязательно является тем, кого я считаю ответственным* (пер. автора) [Searle, Vanderveken, 1985, с. 214].

С учетом всего вышесказанного в настоящей работе сожаление определяется следующим образом: говорящий оценивает сделанное либо не сделанное им самим или его собеседником, либо произошедшее или не произошедшее событие (условие пропозиционального содержания) как негативное (подготовительное условие) и желает, чтобы положение вещей было противоположным, испытывая по этому поводу отрицательные эмоции. Ключевой компонент сожаления – наличие такой «альтернативы».

Ощущение сожаления связано с оценкой говорящим совершенных либо не совершенных им или партнером по коммуникации действий как неверных и, таким образом, ретроспективно или, по мнению Е. А. Митиной, имеет «перфектную перспективу» [Митина, 2012, с. 57].

Цель речевого акта сожаления состоит в том, чтобы разделить с собеседником испытываемые им негативные чувства, манифестировать их, тем

самым облегчив его эмоциональную ношу, выказав понимание (в случае выражения сожаления по поводу события в жизни слушающего). В этом случае сожаление близко к утешению. Говорящий может также выразить сожаление по поводу неприятного события или ситуации в своей жизни, как бы приглашая слушающего разделить с ним негативные эмоции, тем самым уменьшая груз своих собственных чувств. В этом случае говорящий надеется на взаимодействие, поддержку партнера по коммуникации.

Перлокутивный эффект речевого акта имеет значение для разграничения, отделения одного речевого акта от другого. В случае, если нужный эффект не достигнут, реализация речевого акта теряет свой смысл. Перлокуция речевого акта сожаления в случае его успеха состоит в том, что укрепляется эмоциональная связь между коммуникантами.

Условия успешности речевого акта сожаления включают следующее:

1. а) Происходит некоторое событие в жизни одного из коммуникантов. Виновником данного события может быть в том числе и говорящий.

б) Желаемое одним из коммуникантов событие по какой-либо причине не происходит.

2. Говорящий оценивает произошедшее событие либо факт того, что событие не произошло, отрицательно и уверен в том, что ситуация оценивается его собеседником также отрицательно.

3. Говорящий считает, что существует некая альтернатива возникшему в результате произошедшего события положению дел.

4. Говорящий хочет выразить свои эмоции по данному поводу либо показать собеседнику, что разделяет его эмоции.

Далее рассмотрим речевой акт сожаления с точки зрения прагматики, а также проанализируем формы его языкового воплощения.

2.2.2 Прагматический анализ сожаления и его языковое выражение

2.2.2.1 Поводы для сожаления. Виды сожаления

Анализ фактологического материала показывает, что сожаление (Bedauern) испытывается и манифестируется носителями немецкого языка по следующим поводам:

а) по поводу того, что говорящий по какой-либо причине не совершил (не осуществил) (но хотел бы, или имелась возможность). Сформулируем этот повод так: «хотел, но не сделал».

Примером может служить следующее высказывание в разговоре об итальянцах, их образе жизни, кухне, вине и музыке – говорящий с сожалением констатирует, что не все испробовал, когда у него была возможность сделать это:

„Hattest du denn Gelegenheit in den Genuss dieser fremdländischen Schweinereien zu kommen?", fragte Lefley vom Nachbargeschütz, der von Hugenotten abstammte. „Leider nein, doch glaubt mir ich hätte mich gerne daran versucht." [Müller, 2004, S. 244] – «*Была ли у тебя возможность насладиться этими иностранными непотребствами?» – спросил, сидя у соседней пушки, Лефли, который был выходцем из гугенотов. «К сожалению, нет, но поверьте, я бы с удовольствием попробовал*».

б) по поводу чего-либо, что говорящий совершил (сказал) и тем самым, возможно, нанес урон «лицу» слушающего. Другими словами, «не хотел, но сделал»:

– Dafür warst du dann aber erstaunlich schnell weg hinterher.

– Es tut mir leid. Es muss unglaublich schlimm gewirkt haben.

– Ja, ich weiß, ich habe schon verstanden, dass du einfach nicht auf Frauen stehst. Das erklärt natürlich alles. [Zotzmann-Koch, 2020]

– Зато ты потом удивительно быстро пропал из виду.

– Мне жаль. Должно быть, это выглядело невероятно плохо.

– Да, знаю, я уже поняла, что тебя просто не интересуют женщины. Это, конечно же, все объясняет.

В этом небольшом диалоге двух людей, между которыми начинали завязываться отношения, четко прослеживается обида девушки на поступок молодого человека (он ушел без объяснений, оставив ее, и она решила, что была ему неинтересна). Он, в свою очередь, сожалеет, что так себя повел, понимая, что оскорбил ее самолюбие.

в) по поводу некоего положения дел в объективной реальности, которое каким-либо образом не соответствует ожиданиям и надеждам говорящего.

В качестве примера приведем письмо неизвестному солдату, которое начинается с сожаления автора письма о том, что адресат ему неизвестен. Более широкий контекст дает нам понять, что в противном случае автор письма мог бы обратиться более адресно со своей историей, то есть он предпочел бы знать, кому пишет: *Lieber unbekannter Soldat, leider weiß ich nicht, wer diesen Brief liest.* [Hempel, 2005, S. 71] – *Дорогой неизвестный солдат, к сожалению, я не знаю, кто читает это письмо*.

г) по поводу чего-либо, что говорящий не совершил по независящим от него обстоятельствам (например, не пошел на прогулку из-за плохой погоды) (степень сожаления в этом случае классифицируется носителями языка как «незначительная» – *leichtes, geringes Bedauern*):

Schade, dann gehen wir eben nicht! – Жаль, ну тогда не пойдем! (авторский устный корпус[1]).

Виды сожаления

Анализ собранного иллюстративного материала позволяет выделить следующие виды сожаления в зависимости от его темпорального вектора:

1) **ретроспективное** – по поводу события, которое либо состоялось, либо нет, но в любом случае относится к прошедшему периоду времени. Говорящий как бы сожалеет «назад».

[1] Здесь и далее АУК

Пример ретроспективного сожаления по поводу состоявшегося события: *Ich bereue, dass ich dich einfach habe gehen lassen.* [Zotzmann-Koch, 2020] – *Я сожалею, что просто дала тебе уйти.*

Пример ретроспективного сожаления по поводу события, которое не состоялось: *Victorie…(Pause) Es tut mir so leid. Ich müsste schon auf mein Bauchgefühl zuhören…Es tut mir leid. – Виктория… (пауза) Мне так жаль. Я должна была прислушаться к своему внутреннему голосу… Мне жаль.* (АУК: ТВ-сериал “Lipstick Jungle”, эпизод от 09.12.09). В данном примере одна подруга высказывает другой сожаление по поводу того, что она не поддержала её, а обращалась с ней, как с несмышлёным ребенком.

2) **презентное** – по поводу состояния дел в настоящем:

а) Schade, dass es regnet. – Жаль, что дождь идет. (АУК) – сожаление по поводу погоды в данный момент, что препятствует осуществлению неких планов;

б) Könnten Sie Herrn Werner bitte kurz herausbitten, die Ermittlung erfordert leider einige Fragen. [Wilkenloh, Poppenspäl, 2011] – *Не могли бы Вы, пожалуйста, попросить господина Вернера ненадолго выйти; у следствия, к сожалению, есть кое-какие вопросы* – сожаление выражается по поводу необходимости прерывать деятельность кого-то (в данном случае господина Вернера) для проведения следственных действий. Частица *leider* (к сожалению) указывает на то, что говорящий сожалеет о вынужденном неудобстве, связанном с необходимостью задавать вопросы в рамках расследования.

3) **проспективное** – по поводу события, которое еще не состоялось, и, в принципе, у говорящего есть сомнения относительно того, состоится ли оно вообще. Тем не менее, будет жаль, если всё сложится в будущем не так, как ему хотелось бы:

Echt schade, wenn er nicht kommt. – Очень жаль, если он не придет (АУК).

Социальное положение говорящего и адресата не существенно для выражения сожаления **как такового** в случае однозначной оценки ими сложившейся ситуации как негативной. Возраст, пол, социальный статус, мировоззрение, принадлежность к определенной религиозной конфессии и прочие

факторы сыграют свою роль скорее в оценке коммуникантами имеющейся ситуации. Так, социальное положение собеседников, несомненно, найдет свое отражение в языковой форме реализации ими речевого акта сожаления.

2.2.2.2 Полиинтенциональность речевого акта сожаления

Речевому акту сожаления довольно часто сопутствует речевой акт **извинения** и осуществляется если не одновременно с ним (имплицитно), то последовательно: *Entschuldige, es tut mir leid! – Прости, мне жаль!* (АУК). Принесение извинения означает, что адресант сожалеет о совершенном им проступке и нанесенном адресату в результате этого проступка ущербе. Так, Н. Р. Норрик в своем определении извинения говорит, что его социальная функция состоит в принятии говорящим ответственности за наступление неблагоприятного положения дел, поэтому извинение всегда сопровождается эмоциональным состоянием раскаяния [Norrick, 1978, с. 284]. Словарная дефиниция также указывает на то, что за извинением в немецком языке стоит в том числе выражение сожаления: *sich entschuldigen: jmdm. sagen, dass es einem Leid tut, was man getan hat – извиняться: говорить кому-либо, что говорящий жалеет о том, что он (говорящий) совершил* [Duden, 2007]. То же находим в нашем корпусе примеров: *Tut mir leid – Мне жаль* (имплицитное выражение извинения); *Es tut mir leid, Entschuldigung – Мне жаль, простите* (эксплицитное последовательное выражение сожаления и извинения); *Tut mir leid, so war es nicht gemeint – Сожалею, я не хотел* (АУК). Данный пример следует рассматривать как полиинтенциональное высказывание, реализующее одновременно сожаление и извинение, сопровождаемое пояснением, что то, что произошло, произошло не намеренно, говорящий этого не хотел и не планировал. Такое пояснение подчеркивает искренность извинения и усиливает сожаление, подчеркивает заинтересованность говорящего в сохранении «лица» собеседника.

Если в приведенных выше высказываниях пропозициональный компонент смысла «скрыт» и не требует актуализации, то в следующем примере полиинтенционального речевого акта сожаления+извинения пропозиция выводится в вербализованную часть смыслового единства, таким образом отделяя ее от того события, по поводу которого выражается соболезнование: *Es tut mir wirklich leid, dass ich Ihre Schwiegertochter so flott entführe…* [Schmöe, 2011] – *Мне правда очень жаль, что я так неожиданно забираю Вашу невестку…*

Помимо извинения сожаление часто сопровождается выражением:

- **сочувствия**, в том числе беспокойства по поводу психологического состояния адресата: *Es tut mir sehr leid um Ihren Mann. – Мне очень жаль Вашего мужа* (АУК) – сочувствие практически «сливается» с сожалением;

- **соболезнования**, например: *Wie bedauerlich, Frau Winkler, wie bedauerlich. Darf ich Ihnen mein tiefstes Beileid zum Tode ihres Mannes ausdrücken?* [Hauptmann, 2010, S. 21] – *Какая жалость, фрау Винклер, какая жалость. Могу ли я выразить Вам мои глубочайшие соболезнования по поводу кончины Вашего мужа?* – уже в первой фразе выражается не только сожаление, но и подразумевается соболезнование;

- **утешения:** *Es tut mir so leid, Ursula. Er war ein so außergewöhnlich starker Mensch. Daß er so früh gehen mußte…* [Hauptmann, 2010, S. 7] – *Мне так жаль, Урсула. Он был таким необычайно сильным человеком. И так рано ушел…* – незаконченная фраза, констатация ранней кончины и некое признание достоинств усопшего выступают как признание несправедливости случившегося;

- **предложения помощи:** *Es tut mir so leid, Ursula. <…> wenn ich dir irgendwie helfen kann – du weißt, ich bin immer für dich da! – Мне так жаль, Урсула. <…> если я могу тебе хоть как-то помочь – ты знаешь: ты всегда можешь на меня рассчитывать!* [Hauptmann, 2010, S. 7] – данный пример следует рассматривать целиком как реализацию интенционального комплекса, в котором интенции реализуются эксплицитно и имплицитно.

Приведенные примеры иллюстрируют тот факт, что один и тот же речевой акт может реализовывать целый клубок интенций, следовательно, распутать этот «клубок» – отделить одну интенцию от другой, дифференцировать и однозначно интерпретировать каждую – становится крайне трудно, практически невозможно. Особая трудность при разграничении сожаления и сопутствующих ему речевых актов заключается в том, что в немецком языке они могут быть реализованы в речи идентичными языковыми средствами, в частности конструкцией *Es tut mir leid – Мне жаль*, которая может являться языковым воплощением большей части вышеназванных речевых актов. В этой связи точное определение типа речевого акта возможно только с учетом широкого контекста, что еще раз подтверждает возможность и целесообразность объединения по меньшей мере трех из них в единую группу симпативных речевых актов.

Таким образом, можно констатировать, что выражение искреннего сожаления есть по своей сути полиинтенциональный речевой акт, выполняющий не только значимую в коммуникации этикетную функцию, обеспечивающий реализацию категории вежливости, но и важную психологическую функцию: говорящий разделяет с адресатом его озабоченность, тревогу, неудовольствие по поводу определенной ситуации, то есть проявляет эмоциональную заинтересованность, осуществляет поддержку адресата, выражает солидарность с ним.

Речевой акт сожаления в составе диалогического единства

В диалогическом единстве высказывания сожаления могут встречаться в инициативной позиции в двух случаях. Во-первых, сожаление как инициирующая диалог реплика может содержать в себе некоторую новую пропозицию, например, сопровождать сообщение о положении дел, которому говорящий не рад, и о котором слушающий не знает. В таком случае пропозициональный смысл в обязательном порядке вербализуется:

Zu meinem Bedauern muss ich Ihnen mitteilen, Herr Schraut, dass Herrn Harsts Brief, den Sie mir in meine Kabine gelegt haben, mich durchaus nicht befriedigt…

[Kabel, 2023] – *С сожалением должен Вам сообщить, господин Шраут, что письмо господина Харста, которое Вы оставили для меня в моей каюте, меня совершенно не удовлетворяет…*

Высказанное сожаление может относиться не только к одному из коммуникантов, репрезентируя его психоэмоциональное состояние, но и к ситуации, когда оба собеседника каким-либо образом пострадали или пострадают от сложившегося положения вещей: *Keine Überwachungskameras, tut mir leid* [Disher, 2024] – *Камер наблюдения нет, сожалею* – сообщает полицейский своему начальнику о результатах осмотра места происшествия, будучи уверен, что такое положение вещей негативно не только для него самого, но и для его руководителя.

Еще пример, когда сожаление касается обеих сторон в диалоге: *Ich bin die Fürstin Sarratow. Zu meinem Bedauern habe ich in der Übereilung vor etwa drei Stunden auf zwei Ihrer Leute gefeuert…* [Kabel, 2023] – *Я княгиня Сарратов. К моему сожалению, около трех часов назад я в спешке обстреляла двух ваших людей...*

Во-вторых, сожаление может находиться в диалогическом единстве в инициативной позиции в случае, если стимулом для его реализации является некая ситуация окружающей действительности, о которой знают оба коммуниканта. Если у говорящего возникает желание выразить сожаление и поделиться, таким образом, своим эмоциональным состоянием, дать оценку положению вещей, то нет необходимости еще раз проговаривать ситуацию-стимул. Соответственно, речевой акт сожаления будет занимать начальную позицию в структуре диалога:

Je suis désolé! Es tut mir sehr leid, ich habe gerade oben alles fertig gemacht, daher habe ich eine Weile gebraucht <…> [Hepsen, 2014] – *Я очень огорчена! Мне очень жаль; я как раз закончила все наверху, для этого мне понадобилось некоторое время <...>.*

Положение вещей, по поводу которого выражается сожаление, не является здесь частью диалогической коммуникации, но оба собеседника хорошо

понимают, о чем идет речь: *Gleich im Flur blieb er stehen und drehte sich zu mir um. “Es tut mir so leid <…> Ich bin einfach ein Idiot”* [Philipp, 2020, S. 156] – *Тут же в коридоре он остановился и повернулся ко мне. «Мне так жаль <...> Я просто идиот».*

Вместе с тем, поскольку испытываемые адресантом эмоции вне их вербальной репрезентации могут быть неочевидны, сожаление может выступать в диалоге в качестве реакции. Как ответная реплика сожаление в диалоге – это эмфатическая реакция на отрицательные эмоции, выражаемые адресатом сожаления, при этом репрезентируемые говорящим как его собственные, либо на некую реплику-стимул, провоцирующую собеседника на проявление эмоций. Например: *“Ja, aber unser Schnee [von gestern]. Bereust du denn gar nichts?”*

Paula lächelte bitter. “Oh und wie. Ich bereue, dass ich nie gefragt habe. Ich bereue, dass ich mich nie getraut habe, dich um eine Erklärung zu bitten. Ich bereue, dass ich dich einfach habe gehen lassen. Ich bereue, dass ich nicht gekämpft habe. Und ich bereue, dass ich keine Therapie gemacht habe <…>” [Zotzmann-Koch, 2020] – *«Да, но это наш [прошлогодний] снег. Неужели ты ни о чем не жалеешь?»*

Пола горько улыбнулась. «О, еще как. Я жалею, что так и не задала вопросов. Я жалею, что так и не решилась попросить у тебя объяснений. Я жалею, что позволила тебе просто уйти. Я жалею, что не боролась. И я жалею, что не пошла на терапию <…>.»

В следующем диалоге говорящий высказывает сожаление как реакцию на констатируемую собеседником законченность некоторого положения дел и невозможность внести в него изменения: *“Warum sollte sich da noch jemand für eine neue Idee interessieren? Die Sache ist gegessen.”*

Franziska meinte mit Bedauern: “Schade, dass wir nicht schon früher mal darüber gesprochen haben. Jetzt ist sicher alles zu spät” [Kohal, 2023] – *«Почему кого-то еще должна интересовать новая идея? Дело сделано».*

Франциска с сожалением сказала: «Жаль, что мы об этом раньше не поговорили. Теперь, конечно же, слишком поздно».

В качестве ответной реакции в диалоге сожаление может носить скорее этикетный характер и представлять собой дань вежливости. В следующем примере официальное лицо (детектив, занимающийся расследованием кражи со взломом) выражает сожаление пострадавшему, пытаясь немного сдержать его эмоции и заверить, что будет сделано все необходимое для поимки преступника:

“<…> Einige zwanzigtausend Mark war ihr [der Frau] Schmuck gut wert. Und das ärgerlichste, – ich bin nicht gegen Einbruchsdiebstahl versichert <…>.”

“Vorläufig läßt sich in der Sache auch gar nichts tun, Herr Geheimrat,” bemerkte Fehlhauser höflich. “Ich kann Ihnen jetzt nur mein Bedauern über den Verlust ausdrücken.” [Kabel, 2023] – *«<...> Тысяч двадцать марок ее [жены] драгоценности точно стоили. И что самое неприятное – я не застрахован от кражи со взломом <...>».*

«На данный момент, господин тайный советник, с этим ничего нельзя поделать», – вежливо заметил Фельхаузер. «Могу лишь выразить Вам свое сожаление по поводу Вашей утраты».

Такой выбор лексико-синтаксических средств показывает дистанцию между адресантом сожаления и его адресатом, попытку первого сохранить «лицо» (и не только свое, но и официального органа, представителем которого он является), а факт простого соблюдения норм коммуникации подчеркивается характеризующим глагол говорения наречием *höflich – вежливо*.

В диалогическом единстве реакцией на сожаление может стать согласие с эмоциональным состоянием адресанта, то есть принятие сожаления. Например, оба коммуниканта (мужчина и женщина), между которыми завязываются отношения, сожалеют о том, что у них не получится вместе поужинать: – *Ich dachte, die Kinder wären alle aus dem Haus und ich ohne Aufsicht. Schade.*

– *Ja, wirklich schade.* [Philipp, S. 466] – *Я думал, что все дети будут не дома, и никто не будет меня контролировать. Какая жалость.*

– *Да, правда очень жаль.*

Адресат может также не согласиться с видением ситуации отправителем сожаления либо отказаться разделить испытываемую им эмоцию: *“Schade, dass wir nicht schon früher mal darüber gesprochen haben. Jetzt ist sicher alles zu spät.”*

“Das denke ich nicht”, widersprach Marion. [Kohal, 2023] – *«Жаль, что мы не поговорили об этом раньше. Теперь, конечно, уже слишком поздно».*

«Я так не думаю», – возразила Марион.

Реакция на сожаление может быть также выражена паралингвистическими, а также кинестетическими (кивок, рукопожатие, похлопывание по плечу и пр.) средствами.

2.2.2.3 Языковое выражение сожаления

В настоящее время большинство исследователей сходятся в том, что иллокутивная сила высказывания содержится во всей его структуре и реализуется двумя способами: прямым и косвенным [см. об этом, например, у О. В. Гашевой: Гашева, 2007, с. 8]. При этом прямой способ реализации интенции опирается на семантику языковой единицы и представляет собой конвенциональную языковую форму. К таким конвенциональным языковым формам мы относим перформативные высказывания, прямо выражающие интенцию сожаления.

Прямой речевой акт сожаления

Прямые речевые акты сожаления относятся к эксплицитно-перформативным высказываниям, **интенциональная составляющая** которых выражается:

I. Конструкцией *Ich* + *перформативный глагол*, где в качестве перформативных глаголов выступают *bedauern* – *сожалеть* и *bereuen* – *очень сильно сожалеть и желать изменить ситуацию*. Словарь DWDS, в частности, дает следующую дефиницию глагола *bereuen: tiefes Bedauern über etw. Getanes oder Unterlassenes empfinden – испытывать глубокое сожаление относительно*

чего-либо сделанного либо упущенного (пер. автора) [www.dwds.de]. Указанные перформативные глаголы реализуют интенциональный компонент в общей структуре смысла высказываний сожаления. Речевая модель при этом может быть двух видов, но в любом случае представляет собой синтаксически полный прототипный вариант с субъектно-предикатной структурой:

а) *Ich bedauere/bereue + Substantiv/Pronomen* (сущ. либо мест.) – *Я сожалею о чем-либо/об этом.*

Например: *Ich bedauere es. – Я сожалею об этом* (АУК).

II. При помощи производных от перформативного глагола *bedauern* наречия *bedauerlicherweise* либо прилагательного *bedauerlich*: *Doch bedauerlicherweise wurden unsere Hoffnungen zunichte gemacht* [Coney, 2015] – *Однако, к сожалению, наши надежды были разрушены* – эксплицитное выражение интенционального и пропозиционального компонентов.

Wie bedauerlich, Frau Winkler, wie bedauerlich [Hauptmann, 2010, S. 21] – *Какая жалость, госпожа Винклер, какая жалость* – эксплицитное выражение интенционального компонента при отсутствии пропозиционального.

III. При помощи существительного *Bedauern* :

а) в конструкции с предлогом: <…> *und nach viel Diskussion und mit tiefem Bedauern habe ich mich dazu entschlossen, mich von ihm zu trennen* <…> [Röhl, 2001, S. 364] – <…> *и после долгих обсуждений и с глубоким сожалением я принял решение расстаться с ним* <…> – эксплицитное выражение интенционального компонента при импликации пропозиционального, при этом реализуется эмоциональный компонент смысла за счет использования оценочного прилагательного.

б) в качестве прямого дополнения, как правило, в сочетании с глаголами говорения, например: *mein/unseres Bedauern ausdrücken/aussprechen – выразить/высказать мое/наше сожаление.*

– Darf ich mein Bedauern ausdrücken? – Позвольте мне выразить моё сожаление? (АУК) – в высказывании реализуются исключительно

интенциональный и реляционный компоненты, обрамленные модальным смыслом, при отсутствии эксплицитного выражения прочих смысловых компонентов. Такие высказывания с модальным глаголом можно отнести к категории квази-перформативных, поскольку речевое действие в них не осуществляется напрямую самим фактом высказывания, говорящий формально запрашивает разрешение на его совершение.

Пропозиция высказываний сожаления называет повод для сожаления и реализуется в нескольких типах конструкций:

а) в форме дополнения, выраженного местоимениями *es, das, alles: Es ist mir außer Kontrolle geraten. Und ich bereue* *es* *zutiefst.* [Maak, 2012] – *Это вышло из-под моего контроля. И я глубоко сожалею об* *этом*. Такой простой способ выражения пропозиции представляет собой эффективный метод минималистичной экспрессии, где фокус на объекте или ситуации реализуется посредством кратких и универсальных языковых единиц. При этом очевидно, что замена местоимения меняет степень конкретности повода для сожаления, а, следовательно, и степень экспрессивности высказывания:

- местоимение *das* указывает на локализованное сожаление по поводу чего-то определенного, конкретного, того, что уже (не) произошло/сделано до момента речи, что уже известно из контекста: *Es ist der zweite Geburtstag in Folge, den ich ohne sie feiern muss, und ich bedauere das sehr* [Betzing, 2020] – *Мне второй день рождения подряд приходится праздновать без них, и я очень об этом жалею.* В этом примере *das* указывает на конкретное событие — второй подряд день рождения, который говорящий вынужден праздновать без членов семьи;

- местоимение *es* используется для указания на что-то более общее: - *Und wenn wir uns weigern?! – Dann… So sehr ich* *es bedauere* *– werde ich meine Leute kaum davon zurückhalten können, die jungen Damen … etwas härter anzufassen…* [Kabel, 2023] – *А если мы откажемся?! – Тогда... Как бы я ни сожалел об этом – вряд ли я смогу запретить своим людям обращаться с барышнями... чуть пожестче...* Местоимение в приведенном примере ссылается на всю известную и

понятную из контекста ситуацию (то, что говорящий не сможет удержать своих людей от жестокого обращения), но остается все-таки абстрактным – речь идет не о чем-то конкретном, а о комплексе событий или действий, связанных с развитием ситуации;

- местоимение *alles* расширяет сферу сожаления, выражает глобальное сожаление, охватывающее все происходящее или множество действий, событий, решений: *Ich habe mich schon genug bestraft und bedauere alles, was wir zusammen erlebt haben* [Fox, 2023] – *Я уже достаточно наказал себя и сожалею обо всем, что мы пережили вместе.* Употребление местоимения *alles* в приведенном примере делает сожаление всеобъемлющим: говорящий жалеет обо всем, что произошло в их совместном с адресатом опыте, обо всем, что было пережито, без исключения. Масштаб сожаления демонстрирует значительно более высокий эмоциональный акцент по сравнению с высказываниями, где пропозиция выражается местоимениями *es* и *das*.

b) в форме существительного, кратко называющего повод для сожаления: *Dagegen hatte ich durchaus vor, Skulduggery Pleasant zu töten, und bedauere mein Scheitern* [Landy, 2021] – *С другой стороны, я намеревался убить Скулдуггери Плезанта и сожалею о своей неудаче*.

c) в форме инфинитивной группы, выполняющей функцию развернутого дополнения: *Wir bereuen es nicht, das gestrige Konzert besucht zu haben*. – *Мы не жалеем, что посетили вчерашний концерт* (www.dwds.de).

d) в форме дополнительного придаточного предложения с союзом *dass*: *Ich bedauere/bereue (es) (sehr), dass… – Я (очень) сожалею, что…/о том, что…: Ich bedauere, dass ich heute nicht kommen kann*. – *Я сожалею, что не могу сегодня прийти* (АУК).

Необходимо отметить, что эксплицитно-перформативное выражение сожаления с выраженной пропозицией нечастотно, возможно, потому, что оно звучит достаточно официально и не соответствует социолингвистическим параметрам включенных в анкету ситуаций: *Ich bedaure sehr, dass ich an der Feier*

nicht teilnehmen kann. – Я очень сожалею, что не могу принять участие в праздновании (АУК). Данное предложение звучит строго, официально и воспринимается, как принадлежащее к письменной речи. Таким образом, для устной речи данное языковое воплощение сожаления не является характерным.

Эмоциональный компонент смысла реализуется в прямых высказываниях сожаления в первую очередь лексическими интенсификаторами в форме наречий *so, sehr, zutiefst, aufrichtig,* которые усиливают интенциональную структуру речевого акта, делают его эмоционально насыщенным и убедительным:

Ich bedauere zutiefst, dass ich dich verlassen muss [Dunlop, 2017] – *Мне очень жаль, что я вынужден тебя покинуть.*

Wir werden die Einzelheiten geheimhalten, Herr Generaldirektor. Wir bedauern aufrichtig, dass Herr Larsen so viel Trauriges erleben musste [Kabel, 2023] – *Мы сохраним подробности в тайне, господин генеральный директор. Мы искренне сожалеем, что господину Ларсену пришлось пережить столько горя.*

Добавление наречий в приведенных примерах (ср. сухое формульное *Ich bedauere*) придает высказываниям крайне интенсивный характер, показывает, что сожаление исходит из глубины души говорящего и не является поверхностным и формальным.

Важным средством выражения интенсивности сожаления может служить наречие *vielmals*, например: *Bedauere vielmals, dass ich mich verspätet habe. Ich habe gebummelt. Das ist nicht verzeihlich* [Sprang, 2019] – *Мне очень жаль, что я опоздала. Я гуляла. Это непростительно.* Появление этого наречия в высказываниях сожаления кажется нелогичным – нельзя много раз испытывать сожаление по одному поводу, чувство сожаления либо есть (возникло в связи с некоей ситуацией), либо его нет. Но эта нелогичность объясняется, вероятно, действием закона аналогичного уподобления: являясь удобным средством интенсификации, например, побуждения, пришло в сферу употребления извинения и сожаления.

Важным средством выражения эмоционального смысла являются синтаксические параллельные конструкции как в следующем примере: *Ich bereue nicht, dich geheiratet zu haben, Maxime. Ich bereue, wie es passiert ist. <…> Ich bereue, wie alles passiert ist* [Pauls, 2022] – *Я не жалею, что вышла за тебя замуж, Максим. Я жалею о том, как это произошло. <...> Я сожалею о том, как все это произошло.* Первая часть приведенного высказывания (*Ich bereue nicht, dich geheiratet zu haben, Maxime)* противопоставляется последующим утверждениям. При этом несколько раз используется одна и та же перформативная модель *Ich bereue (nicht), ...* Противопоставление (утверждение, что сожаление касается не брака как такового, а жизненных обстоятельств, вплетенных в брак) и синтаксический параллелизм (троекратное повторение *Ich bereue*) усиливают эмоциональный акцент на сожалении и подчеркивает значимость и глубину переживания.

В следующем примере эмоциональный накал порождается повторением однотипных инфинитивных конструкций, что многократно увеличивает степень сожаления:

Es tut mir so leid. Ich hätte dich niemals finden sollen. Alles war ein Fehler. Ich kann das nicht mehr. Ich bereue es, dir den Ring gegeben zu haben und bereue es, in diesen scheiß Wald gegangen zu sein. Ich bereue es, überhaupt nochmal einen Schritt in dieser Welt gemacht zu haben [Saltürk, 2023] – *Мне очень жаль. Лучше бы я тебя никогда не нашел. Все было ошибкой. Я больше так не могу. Я сожалею, что подарил тебе кольцо, и сожалею, что пошел в этот чертов лес. Я сожалею, что когда-либо сделал еще один шаг в этом мире.*

Приведенный пример является образцом комплексного выражения сильного всепоглощающего сожаления, для его репрезентации говорящий использует целый набор языковых средств:

- краткое лаконичное заявление о своем сожалении (о форме *leid tun* см. далее), которое вводит тему раскаяния,

- наречие *so*, которое показывает высокую степень сожаления,

- краткое утверждение о том, что все было ошибкой, в форме двух простых предложений *Alles war ein Fehler. Ich kann das nicht mehr*, создающее эффект обрыва мысли и свидетельствующее о возможной эмоциональной перегрузке говорящего,

- многократное повторение конструкции *Ich bereue es* подчеркивает глобальность сожаления и усиливает ощущение безысходности; варьирование инфинитивных конструкций, выражающих повод для сожаления (*dir den Ring gegeben zu haben, in diesen scheiß Wald gegangen zu sein, überhaupt nochmal einen Schritt in dieser Welt gemacht zu haben*), показывает постепенное углубление эмоциональной рефлексии, когда общее чувство (*Alles war ein Fehler*) трансформируется в детальное перечисление действий, которые привели к ситуации сожаления,

- использование экспрессивной лексики (*scheiß)* выражает сильное негативное отношение к деталям своей биографии, передает гнев и отчаяние и повышает степень эмоциональности высказывания в целом.

Таким образом, совокупность операторов порождения эмоционального смысла в своем взаимодействии репрезентирует глубоко личное и очень интенсивное сожаление, которое касается как отдельных моментов, так и всего жизненного пути в целом (*überhaupt nochmal einen Schritt in dieser Welt gemacht zu haben).*

Постепенное повышение эмоционального накала можно наблюдать в синтаксическом строении следующего высказывания:

Ich bereue alles. Jederzeit, jeden Tag. Ich bereue es, Menschen umgebracht und versklavt zu haben [Bestgen, 2020] – *Я сожалею обо всем. Каждый раз, каждый день. Я сожалею о том, что убивала и порабощала людей.*

Приведенное высказывание начинается с короткого обобщенного сожаления (*Ich bereue alles):* местоимение *alles,* как было сказано выше, подчеркивает всеохватный характер сожаления, без указания на детали. Такое начало оказывает сильное эмоциональное воздействие, показывает масштаб

чувств говорящего. Следующее эллиптическое предложение, состоящее только из перечисления маркеров времени (*Jederzeit, jeden Tag)* показывает непрерывность переживаний говорящего, демонстрирует, что сожаление не ослабевает с течением времени, а становится повседневным состоянием говорящего. Далее следует пояснение поводов для сожаления в деталях (*Ich bereue es, Menschen umgebracht und versklavt zu haben),* говорящий перечисляет тяжелые, морально значимые поступки. Детализация общего *alles* и фокус на аморальных действиях (убийство, порабощение) делают эмоциональный фон высказывания значительно более насыщенным.

Такая множественность форм выражения высокой степени интенсивности сожаления противоречит всем правилам языковой экономии, но именно такая избыточность позволяет выразить не-нейтральное отношение говорящего к положению дел и к адресату – в этом проявляется в том числе и реляционный смысл выссказывания.

Оценочный компонент смысла выражается тоже в пропозициональной части неформального сожаления. Приведенные выше примеры высокоэмоциональных высказываний содержат явную оценку происходящих событий и действий, которая выражается через лексику, синтаксический повтор и детальное называние причин для сожаления-раскаяния. Следующие примеры подтверждают взаимосвязанность эмоций и оценки в распространенных неформальных высказываниях сожаления:

Ich bereue es, dass ich dich je getroffen habe. Ich bereue es, dass ich dich in diesen Menschen verwandelt habe. Ich bereue es, dich nicht genug geliebt zu haben, um dich ziehen zu lassen, als du die Chance dazu hättest [Aurora, 2023] – *Я сожалею, что когда-либо встретила тебя. Я сожалею, что превратила тебя в этого человека. Я сожалею, что не любила тебя настолько, чтобы отпустить тебя, когда у тебя была такая возможность.*

Оценочный смысл в приведенном высказывании тесно переплетается с эмоциональным – говорящий не просто фиксирует совершенные им ошибки –

отрицательно оцениваемые поступки (*dass ich dich je getroffen habe; dass ich dich in diesen Menschen verwandelt habe; dich nicht genug geliebt zu haben)*, но и выражает свое глубокое эмоциональное сожаление в связи с тем, что его действия привели к негативным последствиям в жизни адресата.

Приведем еще один яркий пример выхода в поверхностный смысловой слой эмоционального и оценочного компонентов смысла:

Bereue ich, dass ich damals gegangen bin? Ja, Jaiden, ich bereue es zutiefst. Ich bereue, dass ich meine Schwangerschaften verschwiegen habe. Ich bereue, dass ich so stur war und dich nicht angerufen habe [Eder, 2024] – *Жалею ли я, что ушла тогда? Да, Джейден, я глубоко сожалею об этом. Я сожалею, что скрывала свои беременности. Я сожалею, что была такой упрямой и не позвонила тебе.*

В этом высказывании выражение оценочного смысла тоже реализуется совокупностью языковых средств:

- многократным повторением глагола сожаления *bereuen,* что свидетельствует о постоянной рефлексии говорящего в отношении своих поступков, которые он оценивает отрицательно;

- использованием лексики с негативной семантикой в сочетании с интенсификатором (*so stur)* при оценке своего характера – упрямство как отрицательное качество повлияло на поступки и действия говорящего;

- конкретным указанием на осуждаемые поступки (замалчивание беременностей, уход, отказ от общения) – поводы для сожаления: каждый из них может рассматриваться не только как личная ошибка, но и как нарушение социальных норм и ценностей (честность, ответственность, открытость в отношениях), которое порицается обществом.

Таким образом, эмоциональный компонент в данном высказывании проявляется через выражение глубокого сожаления за конкретные поступки, которых можно было избежать; оценка этих поступков как «неправильных» выражается через признание упрямства и молчания как негативных черт характера. Можно констатировать, что оценочный и эмоциональный смысл тесно

связаны друг с другом: говорящий не только эмоционально переживает свои прошлые действия, но и ясно оценивает их как ошибки, вызывающие у него глубокое сожаление.

Третьим компонентом, «вплетенным» в пару эмоции+оценка, является отношение говорящего к объекту речи и к адресату. В последнем из приведенных примеров это отношение сложное и неоднозначное, оно наполнено чувством вины по отношению к адресату – в сожалении о поступках мы видим сильную эмоциональную привязанность к адресату.

Реляционный компонент смысла вербализуется и становится более заметным при использовании обращений, которые персонализируют высказывание, делают его более личным, ср. в предыдущем примере: *Ja, Jaiden, ich bereue es zutiefst. – Да, Джейден, я глубоко сожалею об этом.*

Форма обращения отражает степень близости между говорящим и адресатом: использование ласкательных вокативов [Трофимова, 2014, с. 98] или неформальных обращений указывает на близкие отношения, тогда как официальные титулы или фамилии демонстрируют уважение и статусную дистанцию. Примеры:

Oh, deine Naivität ist wahrlich zu bedauern, meine Liebe [Nüßler, 2018] – *О, твоя наивность поистине достойна сожаления, моя дорогая.*

Ich bedauere, mein Herr. Mein Mann ist leider nicht da. [Hamilton, 2014] – *Мне очень жаль, мой господин. К сожалению, мой муж не пришел.*

Herr Sholmes, ich bedauere, dass ich Ihnen keinen Sessel anbieten kann [Leblanc, 2022] – *Господин Шолмс, я сожалею, что не могу предложить вам кресло.*

Приведенные примеры показывают, что обращения в высказываниях сожаления вряд ли выполняют функцию привлечения внимания, они скорее нарушают закон языковой экономии – по сути, использование обращений как средств референциальной отнесенности в ситуации непосредственного общения избыточно. Но они увеличивают степень искренности и серьезности сожаления,

лишают высказывание формальности, а следовательно, делают высказывание более эмоциональным, добавляют элемент социального «поглаживания».

Косвенный речевой акт сожаления

Высказывания, не содержащие в своей синтаксической структуре перформативов и производных от них, представляют собой косвенный способ реализации симпативных речевых актов, то есть высказывание приобретает иллокутивную силу, которая не является прямой экспликацией его семантики. Косвенное выражение речевого действия требует от слушающего некоторых логических преобразований, восстановления в уме исходной прямой семантической модели, обращения к контексту.

О. В. Гашева рассматривает косвенный речевой акт как любое несоответствие семантической модели прямого способа выражения смысла речевого акта. Семантическая модель прямого речевого акта в функционально-прагматическом выражении косвенного речевого акта может трансформироваться качественно, количественно и качественно-количественно. В частности, качественная трансформация прямой семантической модели подразумевает отклонение от перформативного глагола (в 1 лице единственного числа), либо использование синонимичного глагола. Количественная трансформация, как правило, предполагает отсутствие протазиса либо аподозиса в высказывании. Третий вид трансформации прямого речевого акта в косвенный представляет собой комбинацию первых двух [Гашева, 2007, с. 11].

В работах других исследователей косвенный способ выражения речевого действия – это всегда отклонение от прямой экспликации иллокутивной силы за счет использования синонимичных конструкций или глаголов. Понимание природы речевого акта, его интенциональной сущности достигается за счет восстановления полной семантической модели (логическое преобразование). Однако, простое отсутствие протазиса не считается косвенным выражением

речевого акта. Такие конструкции все равно относятся к перформативным высказываниям.

Рассмотрим ниже варианты языкового воплощения конвенционального косвенного речевого акта сожаления.

Наиболее частотными синтаксическими моделями языкового воплощения речевого акта Bedauern являются следующие:

I. Конструкции с наречием *schade* – оператором интенционального смысла, которое может употребляться следующим образом:

a) в предложениях с полной субъектно-предикатной структурой: *Es ist schade – Жаль* (АУК).

Предикативное употребление также возможно с усилительной частицей *ja*: *Das ist ja schade – Эх, как же жаль* (АУК). Эта модальная частица маркирует эмоционально насыщенные предложения и помогает говорящему выразить свою реакцию на положение дел, актуализируя тем самым эмоциональный компонент смысла. По классификации В. М. Пророковой, в данном примере частица *ja* употребляется в своем втором лексико-семантическом значении: «когда говорящий открывает что-то новое и неожиданное для себя» [Пророкова, 1991, с. 76].

В качестве синтаксического интенсификатора может выступать инверсия. Инверсия в сочетании с модальной частицей *aber* служит для усиления сожаления, также выводя на передний план эмоциональный смысл: *Ist das aber schade – Как жаль* (АУК). При этом модальная частица *aber* реализует значение некоторой неожиданности и даже легкого разочарования, положения вещей, которое является необычным и которого говорящий никак не ожидал.

Обратим внимание на то, что в приведенных примерах не актуализируется пропозициональный компонент смысла, что подтверждает нашу идею о его второстепенном, подчиненном положении в структуре смысла симпативных речевых актов.

b) Эллиптические конструкции с элиминированными подлежащим и глагольной частью составного именного сказуемого: *Schade! – Жаль!,* иногда с

наречием-интенсификатором эмоционального смысла *sehr: Sehr schade – Очень жаль* (АУК).

Schade, ich hatte mich schon so gefreut, aber dann... – Жаль, я уже так обрадовался, но потом… (АУК)

Schade, na ja... – Жаль, ну что ж… (АУК)

Schade, aber vielleicht gehen wir... – Жаль, но, может, мы пойдем… (АУК)

II. Конструкции с модальным наречием *leider: Leider macht uns das Wetter heute wohl einen Strich durch die Rechnung – К сожалению, погода нам сегодня, видимо, перечеркивает все планы* (АУК) – эксплицитно выражен пропозициональный компонент, интенция выражена косвенным способом, а выбор лексических средств (фразеологическая единица) делает высказывание нестандартным, реализуя тем самым эмотивный смысл.

III. Конструкции с глаголом *leid tun: Das/Es tut mir (sehr) leid – Мне очень жаль* (АУК).

Пропозициональный компонент смысла чаще не актуализируется, однако, если говорящий хочет быть однозначно понятым, повод для выражения сожаления может называться: *Es tut mir wirklich leid, dass ich Ihre Schwiegertochter so flott entführe <…>* [Schmöe, 2011] – *Мне правда очень жаль, что я так неожиданно забираю Вашу невестку <…>*.

Еще пример: *Es tut mir sehr leid, dass ich dir den Vorwurf gemacht habe – Мне очень жаль, что я тебя упрекнул* (АУК) – пропозициональный компонент реализуется эксплицитно с помощью придаточного изъяснительного предложения в постпозиции к главному, актуализирующему интенциональный смысл косвенным способом. Эмоциональный смысл реализован наречием-интенсификатором *sehr*.

Имплицитное выражение сожаления

Анализ собранного нами фактологического материала, в том числе ответов на анкету-опросник, подтверждает мысль о том, что далеко не всегда сожаление прямо или даже косвенно реализуется в речи. Даже испытываемая эмоция,

определяемая носителями языка в опросе как *Bedauern*, необязательно ведет к осуществлению одноименного речевого акта *Bedauern*. Напротив, говорящий старается сохранять оптимизм, держаться уверенно, не дать неблагоприятным условиям себя запугать (*optimistisch sein, entschlossen, sich nicht abschrecken lassen* – комментарии из опросов респондентов – носителей языка). Можно предположить, что категория косвенных речевых актов неоднородна, то есть интенция может быть реализована разными способами даже в рамках данной категории. Так, рассмотренные выше конвенциональные косвенные речевые акты относительно легко декодируются слушающим в процессе коммуникации. В то же время есть ряд косвенных высказываний, в которых истинная интенция настолько далека от содержания высказывания, завуалирована, что требует значительных мыслительных усилий для своего распознавания адресатом. Такого рода высказывания в нашей работе мы обозначим как имлицитные. Рассмотрим ниже способы их языкового воплощения.

1) В ряде коммуникативных ситуаций, предполагающих реализацию сожаления, носители языка приводят высказывания, не содержащих эксплицитного сожаления и явно выраженных негативных эмоций. Но в этих высказываниях реализуется значение «альтернативы», характерное для сожаления, что прослеживается, во-первых, в употреблении оценочных наречий и прилагательных в сравнительной степени: *lieber, besser*. Обе лексемы обозначают выбор говорящего из нескольких предметов или возможностей. В этой связи мы считаем возможным рассмотреть подобную речевую модель как имплицитный способ выражения сожаления:

Sollen wir vielleicht lieber zu Hause bleiben? – Может, нам лучше дома остаться? (АУК) – *lieber* как сравнительная степень наречия *gern – охотно, с удовольствием* предваряет предпочтительную ситуацию, показывает неприемлемость существующего положения вещей, сожаление о нем и поиск более приятной альтернативы. Модальный глагол *sollen* и наречие *vielleicht* делают высказывание менее категоричным, как бы подталкивая собеседника к

собственному выводу и выбору.

Wir warten auf besseres Wetter – Подождем погоды получше (АУК). Прилагательное в сравнительной степени *besseres* предполагает, что мог быть вариант лучше, и жаль, что все так, как есть.

2) Кроме этого, выделяются примеры, в которых используется претеритальная форма Konjunktiv II (форма сослагательного наклонения для выражения нереальности), в семантике которой также выделяется значение «альтернативы»: *Gerne hätte ich mitgefeiert, aber du weißt ja, der Job – Я бы с удовольствием отпраздновал с вами, но ты же знаешь, работа* (АУК). В данном высказывании реализуется также эмоциональный компонент смысла при помощи наречия *gerne*.

Ich hätte es damals doch anders machen sollen – Надо было мне всё-таки тогда поступить по-другому (АУК) – значение возможной, но упущенной альтернативы подчеркивается не только формой сослагательного наклонения (*hätte*), но и наречием *anders,* эмоциональный компонент смысла реализуется усилительной частицей *doch.*

Das hätte ich nicht gedacht, dass ihn das so trifft – Никогда бы не подумал, что это его так заденет (АУК) – интенциональный смысловой компонент выражен имплицитно, при этом придаточное предложение выражает наступившие в результате действий адресанта нежелательные для обоих коммуникантов последствия («ликоущемление»).

So ein Ärger, das hätte ich wissen müssen – Какая досада; я должен был это знать (АУК) – значение упущенной альтернативы (*hätte*) усиливается за счет реализации модального компонента смысла (модальный глагол *müssen*) и яркой экспрессивной конструкции *so ein Ärger*, реализующей эмотивный смысловой комплекс.

Подобного рода высказывания однозначно следует считать формами реализации сожаления с имплицированным интенциональным компонентом смысла. Так, вербальные реакции носителей языка на типичную ситуацию 3 (см. анкету-опросник в приложении): договоренность о совместном

времяпрепровождении, неожиданно нарушенную по не зависящим от обоих коммуникантов причинам (там же) – в 17% случаев содержат заявление, что респонденты осуществят свое намерение, несмотря на испортившуюся погоду, например, одевшись соответствующим образом *(sich wetterfest anziehen)*:

Ich würde trotzdem gehen – Я бы все равно пошел (АУК).

3) Еще часть респондентов в той же типичной ситуации 3 испытает не сожаление, а эмоцию, которую они определяют как *Ärger, Wut – злость, гнев* (по результатам опроса), что определяет выбор используемых лексико-синтаксических средств:

a) ругательств: *Scheiß Wetter, das kann doch jetzt nicht sein! – Дурацкая погода! Ну как так?!* (АУК)*;*

Verdammt! – Проклятье! (АУК)*;*

b) экспрессивных конструкций типа *So ein Ärger! – Какая досада!* (АУК)*;*

So ein Mist!; Nu so ä Mist! (саксонский диалект) – *Вот дерьмо!* (АУК)*;*

c) прочих восклицательных конструкций: *Na toll! – Ну класс!* (АУК)*;*

Ach nein, sieht mal, es regnet! – О нет! Смотри-ка, дождь идет! (АУК).

Несмотря на то, что подобные речевые реакции нельзя напрямую интерпретировать как эксплицитное выражение сожаления, сожаление в них, однако, явно прослеживается; в первую очередь, на наш взгляд, за счет резко негативно выраженного эмотивного компонента смысла (сниженная / обсценная лексика, междометия, частицы).

Доказательством тому, что в вышеприведенных примерах выражается имплицитное сожаление, может служить факт наличия высказываний в идентичных приведенным ситуациях, в которых сожаление не реализуется:

Wir sind ja nicht aus Zucker – Мы же не из сахара (АУК)*;*

Lass uns einen Schirm nehmen – Давай зонт возьмем (АУК)*;*

Es gibt doch richtige Kleidung – Есть же «правильная» одежда (АУК)*;*

Na das macht doch nix (разг. речь) – Ну ничего страшного (АУК)

Говорящие (27% респондентов в нашем опросе) вместо сожаления о текущем положении дел выражают желание перенести прогулку на другой день или заняться чем-нибудь другим, не испытывая при этом отрицательных эмоций (комментарии по результатам опроса: *keine negativen Gefühle, neutral – нейтрально, Unbeschwertheit – спокойствие/ беззаботность, Einsicht – понимание, Gleichgültigkeit – безразличие/равнодушие; nicht so schlimm – не так плохо*), или испытывая даже радость и некоторую жажду приключений (*Freude, Abenteuerlust, heiter*):

Lass uns trotzdem etwas unternehmen! – Давай все равно что-нибудь предпримем! (АУК)*;*

Kein Problem, dann ändern wir das Programm – Не проблема, тогда поменяем нашу программу/наши планы (АУК)*;*

Das holen wir nach – В другой раз обязательно/Мы это наверстаем (АУК)*;*

Nächstes mal – В другой раз (АУК)*;*

Lass uns den Termin verschieben – Давай сдвинем дату (АУК)*;*

Nun ja, da kann man nichts machen – Что ж, ничего не поделаешь (АУК)*;*

Scheiße, macht aber nichts... – Чёрт! Ну да ладно…(АУК).

Несомненно, сам повод для выражения сожаления играет существенную роль в выборе способа его реализации (прямой/косвенный или же имплицитный). Чем значимее повод в жизни коммуникантов, тем больше вероятность реализации сожаления прямым или косвенным способом.

Динамика смысла в высказываниях сожаления

В общей структуре смысла речевого акта сожаления пропозициональный смысл не является превалирующим элементом. Очень часто этот смысловой компонент «прячется», не требуя экспликации, так как повод для реализации сожаления, как правило, известен обоим коммуникантам. Пропозиция актуализируется в том случае, если адресату впервые сообщается о некотором

негативном положении дел, или реализация сожаления темпорально значительно отсрочена от ситуации-повода и есть необходимость в его уточнении. Например:

Keine Überwachungskameras, tut mir leid. [Disher, 2024] – *Камер наблюдения нет, сожалею* – собеседнику впервые сообщается та информация, которая объективно окажет негативное воздействие как на адресата, так и на адресанта сожаления.

Наиболее значимым элементом смысла в сожалении, как, впрочем, и в других симпативных речевых актах, становится интенция. Этот смысловой компонент выражен в высказываниях сожаления всегда, даже при импликации всех прочих компонентов смыслового единства. Интенция может реализовываться прямо либо косвенно (конвенциональным либо неконвенциональным способом):

Caro, <…> es tut mir leid. [Köhler, 2006, S. 395] – *Каро, <…> мне жаль.*

При реализации речевого акта сожаления эмоции (как составляющая эмотивного компонента смысла), как правило, не выражаются, если речевой акт представляет собой церемониальное речевое действие, то есть если сожаление высказывается просто из вежливости. Если же в предложении мы находим средства выражения эмоций – эмоционально-оценочную лексику, модальные частицы, междометия, обращения, специальные синтаксические структуры, эмфатический порядок слов – то тогда мы выходим за рамки ритуала, например:

Es tut mir sehr leid und regt mich auf, dass ich nicht kommen kann – Мне доставляет большое сожаление и досаду (букв. меня волнует) то, что я не могу прийти (говорящий не может прийти на свадьбу к друзьям из-за работы; АУК).

Данное высказывание содержит эмоционально окрашенную лексику: усилительное наречие *sehr – очень*, в поддержку которому говорящий употребляет глагол *sich aufregen – волноваться, тревожиться*, выражающий эмоцию (предикат внутреннего состояния). Модальный смысл возможности совершения действия актуализируется глаголом *können (kann)*. Кроме того, и пропозициональный компонент смысла реализуется эксплицитно, что для

симпативов достаточно редко. Весь комплекс использованных языковых средств в целом передает интенсивность сожаления.

Примером сожалений, содержащих модальные частицы для актуализации эмоционального компонента смыслового комплекса высказывания, могут служить следующие с частицей *doch*:

Ich hätte es damals doch anders machen sollen – Надо было мне всё-таки тогда поступить по-другому (АУК): здесь находим выражение альтернативы, реализованное при помощи формы Konjunktiv II и наречия образа действия *anders,* интенциональный компонент смысла имплицирован*;*

Das ist doch schade – Как же жаль (АУК) – интенциональный компонент смысла эксплицирован.

Doch в данных примерах является именно модальной частицей и выражает попытку говорящего настоять на своем, убедить собеседника в своих чувствах, усилить высказывание. Она «лишь придает всему высказыванию особую убедительность и настоятельность. Говорящий интенсивно, с большой долей экспрессии стремится склонить собеседника к собственному мнению, убедить или даже переубедить его в чем-то» [Пророкова, 1991, с. 44].

Краткие высказывания сожаления, как правило, не выражают оценку эксплицитно. Эмоциональные же речевые акты всегда включают оценку в поверхностную структуру. Это возможно за счет употребления лексических операторов, интенсифицирующих эмоциональную выразительность речевого действия; для сожаления это отрицательно-оценочные прилагательные и наречия. Допускается даже тавтология, что в обычной, неэкспрессивной речи считается избыточностью и нарушает правило языковой экономии: *Es tut mir wirklich unheimlich <u>leid</u>, aber ich bin an dem Tag dienstlich unterwegs – Мне правда безумно жаль, но я в этот день буду в отъезде по работе* (АУК)*;*

Es tut mir furchtbar <u>leid</u>, ich kann aus dienstlichen Gründen <u>leider</u> nicht kommen – Мне ужасно жаль, но я, к сожалению, не смогу присутствовать из-за работы (АУК).

В случае имплицитного сожаления высказывания могут быть восклицательными, характеризоваться либо инверсией, либо эллиптичностью, а также содержать, помимо лексики разговорного регистра, разнообразные модальные частицы и междометия (*na, doch, so, ach, mal*), являющиеся операторами порождения эмотивного смысла (оценочного и эмоционального).

Ausgerechnet mir muss das passieren – Вот именно со мной должно было это случиться (АУК)*;*

Hat uns das Wetter einen Strich durch die Rechnung gemacht! – Да уж, погода нам все планы перечеркнула! (АУК) (экспрессивный эффект в этих двух высказываниях достигается за счет инверсии).

Scheiße, macht aber nichts... – Чёрт! Ну да ладно… (АУК) – эллипсис.

Такие лексические операторы как отрицательно-оценочные наречия и прилагательные, усиливают иллокутивную силу высказывания:

So ein blödes Wetter. Vielleicht gehen wir mit Schirm? – Такая дурацкая погода. Может быть, пойдем с зонтом? (АУК);

Das ist aber blöd – Как по-дурацки (АУК)*;*

So was blödes! – Вот чёрт! (АУК)*;*

Pech gehabt – Невезуха (АУК).

Результаты исследования в целом показывают, что довольно часто (по данным опроса 44% респондентов) немцы, если и сожалеют, то предпочитают свое сожаление эксплицитно не выражать или не выражать вообще, относятся к нарушению своих планов с философским спокойствием, принимая происходящее как должное: *Was soll es – Ну что ж…; Was soll's, ich kann es eh nicht mehr ändern – Ну ладно, всё равно я уже ничего не смогу изменить* (АУК). Это особенно характерно для случаев потенциальной реализации ретроспективного сожаления, когда они чувствуют скорее легкую досаду и несколько удивляются сами себе, своим несбывшимся ожиданиям *(amüsiert über sich selbst)*: *Naja, dann ging es eben anders – Что ж, ну не сложилось; Ich brauche mich da nicht zu ärgern. Nutzen kann ich sie nicht mehr – Нет смысла мне сейчас сердиться из-за этого. Всё равно не*

смогу воспользоваться (АУК). Лишь отдельные лексические средства (наречие *anders;* междометие *na ja;* модальные частицы *eh, eben;* модальный глагол *soll;* глаголы *ändern, sich ärgern* и *nutzen* в сочетании с отрицательной частицей *nicht*) позволяют предположить наличие содержательных элементов сожаления.

Сухое, формализованное, клишированное выражение сожаления *(Es) tut mir leid – Мне жаль* употребляется в немецкой лингвокультуре довольно часто, например, сопровождая любой отказ. В этом смысле формальное сожаление связано с категорией вежливости и не дает говорящему «уронить» как свое «лицо», так и «лицо» собеседника, поскольку отказ обманывает ожидания просящего и представляет отказывающего в невыгодном свете. В случае реализации эмоционального, искреннего сожаления степень интенсивности этой эмоциональной связи проявляется соответствующими дополнительными языковыми средствами.

§ 2.3 Высказывания сочувствия

2.3.1 Определение речевого акта сочувствия

Высказывания сочувствия реализуют одноименные речевые акты, выражающие внутреннее психическое состояния говорящего. Мы определяем сочувствие как речевой акт, в котором говорящий дает слушающему понять, что он в состоянии поставить себя на место слушающего и испытывает те же чувства, что и последний, относительно произошедшей с ним негативной по мнению говорящего (подготовительное условие) ситуации (условие пропозиционального содержания).

Речевой акт сочувствия (в немецком языке *Mitleid, Mitgefühl*) мы вслед за Н. А. Трофимовой [Трофимова, 2008, с. 23] относим к классу социативных экспрессивов: он выражает добрые чувства (симпатию) говорящего по отношению к адресату; способность говорящего испытывать чувства, подобные

(если не идентичные) тем, что испытывает адресат, и, соответственно, разделять и понимать их. Сочувствуя, человек ставит себя на место другого и пытается представить, в каком эмоциональном состоянии находится его собеседник. Следовательно, адресат и отправитель сочувствия являются обязательными элементами коммуникативной ситуации, при отсутствии адресата данный речевой акт несостоятелен. Цель данного речевого действия — поддержать собеседника в неприятной, негативной ситуации посредством выражения собственного эмоционального состояния, соответствующего эмоциональному состоянию адресата, проявить человеческую теплоту, закрепить дружеские отношения. Например: *Ich möchte Ihnen mein tiefes Mitgefühl ausdrücken – Я бы хотел выразить Вам мое глубокое сочувствие* (АУК).

Еще пример: *Armer Kerl! Mein aufrichtiges Mitgefühl ist dir sicher.* [Hartwig, 2002, S. 12] **–** *Бедняга! Мое искреннее сочувствие тебе обеспечено.*

Особенностью речевого акта сочувствия в немецком языке является то, что в нем можно выделить две близких по семантическому наполнению лексемы: *Mitleid* и *Mitgefühl – сострадание* и *сочувствие*. Среди исследователей нет разногласий по поводу отнесения обеих языковых единиц к номинаторам речевых актов. Так, подробно описавший в своем фундаментальном труде все возможные речевые действия немецкий лингвист К. Вагнер рассматривает в качестве речевых актов как Mitgefühl, так и Mitleid. Основной проблемой становится скорее разграничение их в плане значения и вопрос, следует ли рассматривать их как отдельные речевые акты.

К. Вагнер описывает речевой акт сочувствия (Mitgefühl) следующим образом: „*Der Sprecher gibt dem Hörer zu verstehen, dass er sich in dessen Lage, bzw. Situation, – ob sie nun gut* (выделено авт.) *oder schlecht ist, – hineinversetzen kann, dass er mit ihm empfindet und seine Gefühle teilt“* [Wagner, 2001, c. 250] – *Говорящий дает слушающему понять, что он может войти в его положение или ситуацию, будь она хорошей или плохой, и что он ему сочувствует и разделяет его чувства* (пер. автора). Вагнер называет сочувствие также речевым актом выражения

симпатии (Sympathie-zeigen). По мнению исследователя, слушающий не занимает в глазах говорящего какого-либо особого, привилегированного положения (*ist nur „als Mensch unter Menschen gemeint“ – подразумевается просто «как человек среди других людей»* – пер. автора). Сочувствие по Вагнеру может выражаться как в позитивной, так и в негативной ситуации. Этот же компонент значения – положительный – мы находим в словарной дефиниции глагола *mitfühlen: mitempfinden: jmds Unglück, Schmerz, Freude mitfühlen; mit j-m fühlen – сопереживать: чувствовать чье-либо несчастье, боль, радость; чувствовать вместе с кем-либо* (пер. автора) [Wahrig, 2001]. В то же время этот же словарь определяет существительное *Mitgefühl* лишь как *Teilnahme an fremdem Leid, Mitleid – участие (в чужом страдании), сострадание* (пер. автора). В словаре Duden сочувствие (*Mitgefühl*) тоже определяется лишь как *Anteilnahme am Leid, an der Not anderer – участие в страдании, беде другого* (пер. автора). Иначе говоря, компонент «позитивная ситуация, положительное событие» в семантике сочувствия определяется не всегда. Результаты нашего эксперимента показали, что носители языка в 96% случаев семантический компонент «сопереживание чужой радости» также не выделяют.

Mitleid определяется К. Вагнером как речевой акт *«des Mitgefühl-zeigens, wenn den Hörer ein negatives Ereignis, ein Missgeschick getroffen hat» – проявление сочувствия в ситуации, когда слушающего затронуло негативное происшествие или случилась незадача* (пер. автора) [Wagner, 2001, с. 250]. Таким образом, Вагнер разграничивает эти два речевых акта лишь по признаку возможности в первом случае позитивной ситуации в жизни адресата. Если же мы обратимся к дефинициям перформативной номинации *Mitleid*, то обнаружим, что дифференцировать их следует скорее по признаку интенсивности испытываемого чувства: *das starke innere Anteilnahme am Leid des anderen, starkes Mitgefühl – сильное внутреннее участие в страдании другого, сильное сочувствие* [Wahrig, 2001]; *starke (sich in einem Impuls zum Helfen, Trösten o. Ä. äußernde) innere Anteilnahme am Leid, an der Not anderer – сильное (выражающееся в резко*

возникшем желании помочь, утешить и т.д.) внутреннее участие в страдании, беде другого (пер. автора) [Duden, 2007]. Еще один признак *Mitleid* – это готовность помочь, утешить, предпринять какие-либо активные действия для преодоления существующей негативной ситуации.

Такая трактовка семантического содержания рассматриваемых лексем подтверждается данными нашего опроса. Так, большинство респондентов на вопрос об отличии *Mitleid* от *Mitgefühl* ответили, что *Mitleid* является более сильным чувством и поводы для данной эмоции более серьезны и масштабны. Это может быть, например, какое-либо стихийное бедствие с человеческими жертвами, несчастный случай, затронувший большое количество людей, жизненная ситуация, в том числе вызванная социальной несправедливостью, в результате которой люди страдают. В то же время эта эмоция более общая, неперсонифицированная: необязательно лично знать людей, чтобы им сострадать и выражать это в своих высказываниях. *Mitgefühl*, напротив, испытывается в основном по отношению к близким, хорошо знакомым людям, членам семьи, друзьям.

Необходимо в то же время отметить, что лексема *Mitleid* встречается в собранном корпусе примеров гораздо реже, чем *Mitgefühl*. Это может быть связано с возможной негативной коннотацией *Mitleid* в современном социуме. В этой связи представляется интересным комментарий одного из респондентов к употреблению понятия *Mitleid*: „*Das Wort „Mitleid“ kennzeichnet zugleich große Rangunterschiede. Mitleid hat man vor allem dann, wenn man selbst sehr stark ist und der andere extrem schwach. Dabei geht es nicht um mitmenschliche Solidarität auf selber Augenhöhe. Es geht auch nicht um Gerechtigkeit. „Mitleid“ ist besser nur ironisch zu verwenden. Dabei werden die Defizite des anderen zugleich noch einmal besonders herabsetzend hervorgehoben*“ – *«Слово «Mitleid» обозначает, помимо прочего, большие различия в статусе. Человек испытывает Mitleid прежде всего тогда, когда сам он очень силен, а объект его сострадания крайне слаб. При этом речь не идет о человеческой солидарности на одном, равном уровне или о*

справедливости. „Mitleid" лучше употреблять только иронично. Иначе недостатки или проблемы других еще раз подчеркиваются, придавая высказыванию оттенок уничижения» (пер. автора). То есть употребление слова *Mitleid* подчеркивает физическое, психологическое либо социальное превосходство одного человека над другим, и отдельные представители немецкого общества видят в нем некий негативный элемент смысла. Негативная коннотация формируется за счет противоречия *Mitleid* современным представлениям о справедливости и равноправии в обществе. Подтверждение этой мысли находим в следующем примере:

"Du bist tot", sagte er leise, und Efraim überkam eine Welle der Zuneigung für diesen fremden Menschen, der ihn aus sanften Augen mit sehr viel Mitgefühl, aber ohne das lästige Mitleid ansah, das diese Emotion meist begleitete. [Murmann, 2015] – *«Ты мертв», – тихо сказал он, и Эфраима охватила волна симпатии к этому незнакомцу, который смотрел на него кроткими глазами с большим сочувствием, но без раздражающей жалости, которая обычно сопровождает эту эмоцию.*

Еще одно интересное рассуждение на эту тему встретилось нам в произведении «Poppenspäl. Der dritte Fall für Jan Swensen» В. Вилькенло:

Mitgefühl ist kein Mitleid. Leiden wir mit, wenn andere in Schwierigkeiten sind, dann berauben wir uns aller unserer Möglichkeiten. Nur wer in seiner Kraft ruht, hat die Einsicht und den inneren Reichtum, um anderen wirklich helfen zu können. [Wilkenloh, 2011] – *Сочувствие – это не то же самое, что сострадание/ жалость. Если мы сострадаем/жалеем, когда другие попадают в беду, значит, мы лишаем себя всех своих возможностей. Только тот, кто спокоен в своей силе, обладает сознательностью и внутренним богатством, чтобы действительно суметь помочь другим.*

Данные исследования, тем не менее, позволяют сделать вывод о том, что несмотря на имеющиеся отличия в семантическом наполнении лексем *Mitleid* и *Mitgefühl*, их значение в целом все же представляется схожим, а их использование в коммуникативных ситуациях четко не разграничивается ни исследователями, ни

носителями языка, ни составителями словарей. Поскольку семантика этих двух речевых актов, их иллокутивная сила (выразить эмоцию, коррелирующую с эмоцией, испытываемой слушающим) и перлокутивная цель (добиться стабилизации эмоционального состояния собеседника, разделяя с ним негативное чувство, снимая таким образом с собеседника часть эмоционального «груза») близки, то представляется целесообразным считать обе лексемы – *Mitleid* и *Mitgefühl* – номинаторами и средствами реализации речевого акта сочувствия.

Остается вопрос о положительном компоненте семантики рассматриваемого речевого акта. Несмотря на то, что три респондента (4%) в нашем опросе действительно назвали возможным поводом для сочувствия (*Mitgefühl*) какое-либо радостное событие в жизни собеседника, реализация в речи речевого акта «радостного сочувствия», т.е. манифестация сопереживания радостного события, осуществляется все-таки стандартной языковой формулой выражения радости или поздравления: *Ich freue mich mit dir/für dich – Я рад за тебя/вместе с тобой* (АУК)*; Endlich geschafft, Glückwunsch – Наконец-то ты справился, поздравляю* (АУК). Следовательно, использованные языковые средства (глагол *sich freuen*, перформативная номинализация *Glückwunsch*) не соответствуют семантике и не отражают перформативной сути речевого акта сочувствия (**Ich fühle mit dir mit – Я со-чувствую*), а приведенные высказывания нельзя отнести к анализируемому речевому акту.

2.3.2 Прагматический анализ сочувствия и его языковое выражение

2.3.2.1 Поводы для сочувствия

Речевой акт сочувствия связан с регламентированным речевым поведением в определенной ситуации общения и ориентирован на соблюдение социальных норм и ритуалов, являясь, таким образом, представителем социативных речевых

актов. В ответ на сообщение о произошедшей с ним тяжелой жизненной ситуации или неудаче говорящий ожидает от собеседника сочувствия.

Ю. В. Казачкова в своем диссертационном исследовании выделяет для ситуаций выражения сочувствия два основных типа адресата: непосредственный адресат (собеседник) и опосредованный (конкретный или массовый). Автор делает вывод, что сочувствие может быть обращено ко всем типам адресатов, включая и автоадресацию (то есть сочувствие самому себе) [Казачкова, 2006, с. 150]. Материалы настоящего исследования подтверждают мнение автора и позволяют проиллюстрировать все названные типы адресатов.

Пример высказывания, обращенного к непосредственному адресату: *“Sie Ärmste!” Das Mitgefühl in Helgas Stimme tat der älteren Arzthelferin sichtlich wohl. “Das muss ja ein furchtbarer Schock für Sie alle gewesen sein.”* [Schröder, 2011] – *«Ах Вы, бедняжка!» Сочувствие, прозвучавшее в голосе Хельги, заметно порадовало пожилую помощницу врача. «Должно быть, для Вас это стало ужасным потрясением».*

Опосредованный конкретный тип адресата находим в высказывании (ситуация, где одна девушка говорит о другой): *Sie hat mein Mitgefühl. Man hat ihr übel mitgespielt.* [Spencer, 2017] – *Я ей сочувствую. С ней ужасно обошлись.*

В качестве примера автоадресации сочувствия можно привести следующее высказывание: *Leider beantworte ich mir hier Fragen, die sich gar nicht stellen. Es ist so frustrierend. Da mache ich mir Kleinmädchengedanken über Doppelnamen, während sich der Träger der einen Namenshälfte nicht mal dazu herablässt, mich anzurufen – geschweige denn, mich zu heiraten.* [Kürthy, 2009, S. 78] – *К сожалению, я себе тут отвечаю на вопросы, которые даже не возникают. Это так обидно. Я, как маленькая девочка, размышляю о двойной фамилии, в то время как носитель одной половины фамилии даже не соизволит позвонить мне – не говоря уже о том, чтобы жениться на мне.* Так влюбленная взрослая женщина предается мечтам о любимом, возможном замужестве и счастливой жизни с ним, чего ей

очень хочется, хотя с его стороны никаких предложений не поступало, и в его чувствах она еще не может быть уверена.

Прагматические условия осуществления речевого акта сочувствия в немецкой лингвокультуре включают в себя в основном негативные для адресата ситуации. Анализ имеющегося языкового материала позволяет выделить следующие поводы для выражения сочувствия:

1) несчастье, потеря в материальном и нематериальном плане: в частности, расставание с любимым, потеря работы, жилья и имущества, например, при пожаре. Подобные поводы для реализации сочувствия породили такие, например, высказывания:

Das tut mir so leid. <…> Es tut mir leid, dass das passiert ist. [Sheeman-Miles, 2014] – *Мне очень жаль. <…> Мне жаль, что так случилось* – высказывания сочувствия, адресованного молодому человеку, потерявшему ногу в спасательной операции.

Das ist ja furchtbar – Это просто ужасно (АУК).

Oh man, das muss sehr schwer für dich sein – О боже, тебе, должно быть, очень тяжело (АУК).

2) физическая боль в любом проявлении, кратковременная либо долговременная: травма, ушиб, болезнь самого адресата или его близких.

Jemand hat sich weh getan. Ich sage: “Ach, das tut mir leid” – Кто-то ушибся или поранился. Я говорю: «Ах, мне жаль» – высказывание сочувствия преподавателем немецкого университета Р. Кэстнер (АУК).

Еще подобный пример из речи того же преподавателя по поводу простуды студентки: *Oh, Delal, es tut mir so leid! – О, Деляль, мне так жаль!* (АУК)

3) неуспех, неудачное стечение обстоятельств, приведшее к нарушению планов адресата либо являющееся неблагоприятным для рецепиента сочувствия.

Проиллюстрировать данное положение можно следующим примером из устной беседы, где обсуждается то, что ребенок будет расти без отца:

– *Es gibt keinen Mann. – Es tut mir leid.*

– *Нет никакого мужа. – Мне жаль* (АУК).

Как уже было сказано выше, данные исследования не дают оснований отнести позитивное, радостное событие, произошедшее с партнером по коммуникации, к поводам для выражения *Mitgefühl* (со-чувствия). Такое радостное событие как окончание учебы в университете и получение диплома (в нашей анкете-опроснике данная ситуация описана под номером 6 с уточнением, что это событие состоялось не сразу, возможно, не с первой попытки) действительно станет поводом для выражения эмоций, но, как фиксируют в своих ответах респонденты, в 92% случаев это эмоции радости и облегчения, а также гордости. Об этом свидетельствует и выбор языковых средств: *Toll, das freut mich wahnsinnig/sehr (für dich). Du kannst stolz auf dich sein – Класс, я за тебя безумно/очень рад. Ты можешь собой гордиться; Ich bin sehr stolz auf dich – Я очень тобой горжусь; Da freue ich mich aber, Gott sei Dank – Вот уж я рад, слава Богу; Ich gratuliere – Поздравляю; Wow! (Herzlichen) Glückwunsch! – Вау! Поздравляю (от всего сердца)* (АУК). Часто используется односоставная эллиптическая конструкция, состоящая из положительно-оценочного прилагательного: *Super! – Супер!; Prima! – Отлично!; Klasse! – Класс!; Toll! – Здорово!*

Для успеха речевого акта сочувствия не обязательно, чтобы говорящий действительно испытывал манифестируемую эмоцию (хотя, как правило, это происходит). Сочувствие может быть как искренним и эмоциональным, так и поверхностным, фатическим, выполняющим функцию поддержания разговора. «Соблюдение конвенций речевого общения предполагает», что несчастье или неудача, коснувшиеся партнера по коммуникации, оцениваются отрицательно и негативные эмоции по их поводу разделяются окружающими. «Вопрос об искренности сочувствующего не встает до тех пор, пока эти правила соблюдаются, и речевое действие совершается в соответствии с нормами» [Трофимова, 2008, с. 112]. Для сочувствия, как, например, и для поздравления, важны так называемые конвенции проявления чувств.

2.3.2.2 Полиинтенциональность речевого акта сочувствия

Важно отметить, что речевой акт сочувствия носит полиинтенциональный характер, поскольку часто сопровождается выражением извинения, сожаления, соболезнования либо утешения и выполняет наряду с этикетной важную психологическую функцию. Рассмотрение в предыдущем параграфе проблемы полиинтенциональности речевого акта сожаления позволило установить тот факт, что сожаление и сочувствие очень часто сопутствуют друг другу в речи. Даже носителям языка трудно бывает разграничить эти два речевых действия, что подтверждают результаты проведенного эксперимента. При назывании испытываемого чувства или эмоции в ситуациях, предполагающих реализацию сочувствия, респонденты в ряде случаев определяли его одновременно как *Mitgefühl*, *Bedauern* или реже как *Mitleid*.

Собранный корпус примеров реализации данного речевого действия включает также примеры косвенного выражения сочувствия при наличии сопутствующих речевых актов комплимента, благопожелания, комиссивных речевых актов (например, *anbieten* по Ю. Граффе [Graffe, 1990, p. 140]), а также совета. В качестве иллюстрации можно привести следующие высказывания носителей немецкого языка: *Tut mir leid. Kann ich dir helfen? – Мне жаль. Могу я тебе помочь?* (АУК).

Совершенно логичным при близких отношениях партнеров кажется включение в высказывание сочувствия обещания наказать обидчика адресата, отомстить: *Sie haben mein Mitgefühl, Rudd, und ich werde alles tun, um diese Tat zu rächen.* [Wells, 2023] – *Я сочувствую Вам, Радд, и я сделаю все, что смогу, чтобы отомстить за это*.

Сопутствующим сочувствию речевым актом может становится констатация преданности адресату, декларация собственного эмоционального состояния, как в следующем высказывании: *Wir kennen uns schon lange – und mittlerweile sind deine Sorgen meine Sorgen – ich leide mit dir mit bei jedem deiner Abstürze*. [Humor, 2012] –

Мы давно знаем друг друга – и теперь твои заботы – мои заботы – я страдаю вместе с тобой при каждом твоем падении. Говорящий утверждает, что их знакомство с адресатом продолжается уже долгое время (ассертив), выражает сочувствие и сопереживание к проблемам адресата (сочувствие) и заявляет о своем эмоциональном состоянии, устанавливает особую связь между своими чувствами и переживаниями собеседника (декларатив в широком смысле).

Возможным «спутником» сочувствия является извинение по поводу совершенных действий, приведших к ситуации выражения сочувствия, примером такой ситуации может служить следующая: *Das tut mir so leid. Es tut mir leid, dass ich gefragt habe. Es tut mir leid, dass das passiert ist.* [Sheeman-Miles, 2014] – *Мне очень жаль. Мне жаль, что я спросила об этом. Мне жаль, что это случилось.* Автор приведенного высказывания (девушка-журналист) выражает раскаяние и извинение за свои речевые действия («неудобные» вопросы, напомнившие адресату о произошедшей с ним трагедии) и одновременно сочувствует ему, демонстрируя своё эмоциональное состояние.

В примере *Sie haben mein ganzes Mitgefühl, Susan! Ich finde es bewundernswert, was Sie hier machen, aber überfordern Sie sich bloß nicht!* [Wilkenloh, 2011] – *Я Вам сочувствую целиком и полностью, Сьюзан! Я нахожу достойной восхищения Вашу работу здесь, однако же постарайтесь не перенапрягаться!* речевой акт сочувствия сопровождается комплиментом и предостережением, которое можно рассматривать как благопожелание.

Примером имплицированного в сочувствие комплимента может служить и следующее высказывание: *Es schmerzt mich, vollendete Schönheit und Anmut so leiden zu sehen.* [Humor, 2012] – *Мне больно видеть, как совершенная красота и изящество так страдают.* В нем говорящий выражает свои чувства боли и страдания, наблюдая, как подвергаются страданиям положительно оцениваемые им качества адресата. Называние этих качеств (совершенство и грация) и реализуют комплимент при одновременном выражении сочувствия и внутреннего дискомфорта самого говорящего (Ср. «чистый» речевой акт сочувствия: *Es*

schmerzt mich, dich so leiden zu sehen).

Одновременно с речевым действием сочувствия часто реализуются формы положительного пожелания [детальное описание речевого акта пожелания см. у Трофимовой, 2008, с. 72] как, например, *Ich wünsche dir alles Gute! – Желаю тебе всего хорошего!; Gute Besserung! – Скорейшего выздоровления!* (АУК) (вторая форма, в частности, в ситуации болезни адресата).

Наряду с утешением и попыткой подбодрить собеседника в ситуациях выражения сочувствия часто реализуется речевой акт совета: *Du musst möglichst schnell einen neuen Arbeitsplatz finden – Ты должен как можно скорее найти новую работу; Du musst unbedingt dir helfen lassen – Ты непременно должен позволить тебе помочь; Du musst dich jetzt bemühen so schnell wie möglich was neues zu bekommen – Ты должен приложить все усилия, чтобы найти что-то новое как можно скорее; Lass dich nicht unterkriegen – Не сдавайся/не отчаивайся* (АУК). Такого рода высказывания, как правило, характеризуются использованием модального глагола со значением долженствования, а также наречиями и наречными конструкциями со значением обязательности и темпорального ограничения.

Следует указать еще на отдельный тип сочувствия, которое не является прототипическим, поскольку в нем не вполне соблюдается условие искренности – говорящий ограничивается формальным выражением положенного в определенных ситуациях сочувствия, но продолжает в разговоре решать свои прагматические задачи. Пример такой реализации рассматриваемого речевого акта мы видим в ситуации, где представитель банка, выражая сочувствие потере адресата, настаивает на необходимости вернуть банку взятые в кредит деньги:

– *Der Tod meiner Großmutter kam wirklich sehr überraschend.* [Heilmann, 2019] – *Das glaube ich Ihnen und Sie haben mein Mitgefühl, dennoch besteht die Bank auf ihr Geld.*

– *Смерть моей бабушки действительно была неожиданной. – Я Вам верю и сочувствую, и все же банк настаивает на возврате своих денег.*

Сочувствие в диалогическом единстве

Инициатор реализации сочувственного высказывания в диалоге может пожаловаться на состояние своих дел, занятость и отсутствие времени, плохое самочувствие или депрессию, финансовую несостоятельность, наличие иных проблем; а также пожаловаться на действия третьих лиц. В таком случае сочувствие будет реализовано в ответной реплике.

В следующем примере сочувствие реализуется как реакция на сетования организатора фестиваля на то, как тяжело и сложно (в первую очередь психологически) заниматься устройством потенциально развлекательного мероприятия в условиях произошедшего негативного события:

– *Sehr schlecht, Herr Swensen. Es ist sehr schwer, unter diesen Umständen diese eher fröhlichen Veranstaltungen zu betreuen <…>.*

– *Sie haben mein ganzes Mitgefühl, Susan! Ich finde es bewundernswert, was Sie hier machen, aber überfordern Sie sich bloß nicht!* [Wilkenloh, 2011]

– *Очень плохо, господин Свенсен. Очень тяжело при таких обстоятельствах заниматься этим скорее веселым мероприятием <…>.*

– *Я Вам сочувствую целиком и полностью, Сьюзан! Я нахожу достойной восхищения Вашу работу здесь, однако же постарайтесь не перенапрягаться!*

Для выражения самой жалобы и ее однозначной интерпретации собеседником используются прилагательные с отрицательной оценкой, усиленные модификатором *sehr: [Es geht mir] sehr schlecht; sehr schwer.* В ответ на такую жалобу с подробным описанием состояния говорящего реализуется развернутое высказывание сочувствия при наличии полной предикации, выражения обоих антропокомпонентов (один из которых реализован личным местоимением), модификации прилагательным и усиленное обращением.

В ответ на подобного рода жалобу, как и в ответ на объективно плохую, негативную жизненную ситуацию, говорящий ожидает от собеседника сочувствия. Сам факт произнесения жалобы уже свидетельствует о важности данного события либо положения вещей в жизни говорящего. Отсутствие

сочувствия глубоко задевает, а со стороны собеседника является сигналом неуважения, непонимания, отсутствия интереса к личности говорящего и несет, таким образом, важную социальную нагрузку. Особенно отметим в качестве причины для непроизнесения сочувствия отсутствие заинтересованности собеседника в личности инициатора разговора, равнодушие к нему.

Как правило, сочувствие выступает в диалогическом единстве именно в реактивной позиции. Еще один пример:

„Armes Ringeltäubchen“, seufzte Linkohr <…> – „Sie haben mein Mitgefühl“, erwiderte Häberle <…> [Bomm, 2011] – «*Бедняжка», – вздохнул Линкор. «Я Вам сочувствую», – ответил Хеберле*. В инициативной позиции выступает выражение сожаления по поводу происшествия с возлюбленной говорящего, реакцией на сожаление является высказывание сочувствия.

В инициативной позиции сочувствие в диалогическом единстве встречается гораздо реже и возможно только тогда, когда негативная ситуация темпорально приближена к моменту говорения, либо коммуниканты непосредственно являются частью такой ситуации:

Sie haben mein Mitgefühl, Mr. Roe, aber ich muss Sie bitten zu gehen. Das hier ist ein Tatort, und unsere Spurenfahnder waren noch nicht hier. [Disher, 2024] – *Я Вам сочувствую, Мистер Роу, но я вынужден просить Вас уйти. Здесь место преступления, а наши криминалисты еще здесь не были*.

Ответом на сочувствие, как правило, является благодарность за участие:

Sie haben mein Mitgefühl, Mr. Van Thö. Und um der alten Zeiten willen können Sie sicher sein, dass ich Sie in jeder nur erdenklichen Hinsicht unterstützen werde. – Dafür danke ich Ihnen, Mr. Wou. [Bekker, 2022] – *Я Вам сочувствую, господин Ван Тё. И в память о старых временах Вы можете быть уверены, что я поддержу Вас всеми возможными способами. – Я благодарю Вас за это, господин Ву.*

В отдельных случаях в ответ на искреннее сочувствие говорящий получает отказ в его принятии, что происходит, вероятно, в связи с некоторыми сложностями в отношениях партнеров:

– Als ich damals ja gesagt habe, galt das nicht nur für die guten Tage, du dummer Kerl. Bring mich doch nicht um die Chance, auch in schlechten Zeiten für dich da zu sein. – ***Ich will dein Mitleid nicht.*** [Novak, 2016] *– Когда я сказала «да», это касалось не только хороших дней, ты, глупец. Не лишай меня возможности быть рядом с тобой и в трудную минуту. – Мне не нужно твое сочувствие.*

Эксплицитный отказ принять сочувствие противоречит правилам кооперативного общения, он оказывается более или менее уместной репликой только в одном типе ситуации, пресуппозицией которой, как было сказано выше, является конфликт сторон и в стадии, когда адресат сочувствия все еще сердится или обижен.

И еще один – редкий – случай реакции на сочувствие – вопрос о том, в связи с чем оно выражается. Такая ситуация возникает в случае, когда партнеры по-разному оценивают ситуацию и происходящее вокруг, например:

– Sie haben mein Mitgefühl, Major.

– Wieso?

– Wegen Ihrer Schwester! So eine Nervensäge habe ich noch nicht erlebt. [Marni, 2011]

– Я Вам сочувствую, майор.

– Почему?

– Из-за Вашей сестры! Никогда не видел такой занозы в заднице.

Адресат сочувствия в приведенном примере принимает характер сестры как данное и не задумывается о том, что они могут шокировать людей, впервые сталкивающихся с ним. Поэтому выражение сочувствия является для него неожиданностью и вызывает вопросы.

2.3.2.3 Языковое выражение сочувствия

Прямой речевой акт сочувствия

К языковым средствам прямого выражения сочувствия можно отнести:

I. Глаголы *mitfühlen – сочувствовать* и *mitleiden – сочувствовать,*

сострадать, употребляемые в качестве предиката при подлежащем, выраженном личным местоимением 1 лица. С помощью данных глаголов, используемых перформативно, актуализируется интенциональный компонент смысла в высказываниях сочувствия.

Полная прототипическая формула выражения сочувствия в немецком языке, включающая пропозициональный и интенциональный компоненты смысла, может быть представлена эксплицитно-перформативным высказыванием *Ich fühle mit dir/Ihnen mit wegen N – Я со-чувствую тебе/Вам из-за N*, где N – пропозиция.

К языковым средствам актуализации пропозиционального смысла относится не только предлог *wegen*, но и союз *weil*, вводящий обоснование выражения сочувствия (в предложном словосочетании и придаточном причины соответственно):

Sie haben mein Mitgefühl, Major! <…> ***Wegen Ihrer Schwester****. So eine Nervensäge habe ich noch nicht erlebt.* [Marni, 2011] – *Я Вам сочувствую, майор. <…> Из-за Вашей сестры! Никогда не видел такой занозы в заднице.*

Du hast mein ganzes Mitgefühl, ***weil dich dieses Unglück getroffen hat.*** [Gruber, 2024] – *Я тебе очень сочувствую, потому что на тебя обрушилось это несчастье.*

Пропозиция высказывания сочувствия в прототипической форме может выражаться не только в составе простого либо сложного предложения, но и отдельным предложением, стоящим либо до интенциональной части, либо после нее:

Ich fühle mit dir, Gilly. Ganz ehrlich. Was dieser Ed dir angetan hat, ist unverzeihlich, aber es ist ein halbes Jahr her. Du musst endlich wieder nach vorn schauen. [Peterson, 2012, S. 20] – *Я сочувствую тебе, Джилли. Честно. То, как с тобой поступил этот Эд, непростительно, но прошло уже полгода. Тебе нужно наконец снова начать смотреть вперед.*

Schlimme Sache, dass sie dich verlassen hat, Peter. Ich fühle mit dir. [Hausen, 2020, S. 119] – *Ужасно, что она тебя бросила, Петер. Я сочувствую тебе.*

Следует отметить, что полная реализация речевого акта сочувствия в речи, да и сам перформативный глагол *mitfühlen*, встречаются достаточно редко. В

обыденной речи участники коммуникации реагируют на сообщение о негативных событиях в жизни партнера, как правило, короткой констатацией своего эмоционального состояния (*Ich fühle mit – Сочувствую; Ich fühle mit dir mit – Я тебе сочувствую* (АУК)). Более распространенное высказывание с включением в него пропозиции будет расцениваться адресатом как насмешка, сарказм и может привести к результатам, противоположным заложенной в сочувствие интенции поддержать партнера в сложной ситуации – обиде, упрекам, эмоциональному напряжению в отношениях.

II. Существительные *Mitgefühl – сочувствие, Mitleid – сочувствие, сострадание,* которые представляют собой средства актуализации интенционального смыслового компонента. Они могут употребляться

а) в качестве прямого дополнения с глаголами говорения *ausdrücken/aussprechen/äußern – выражать, высказывать*. Такой способ реализации сочувствия требует наличия либо одного, либо обоих антропокомпонентов высказывания. Точно так же, как и в случае с соответствующими перформативными глаголами, прямая эксплицитная распространенная формула речевого акта сочувствия *Ich drücke mein Mitgefühl aus / Ich äußere dir/Ihnen mein Mitgefühl – Я выражаю / высказываю тебе / Вам мое сочувствие* (АУК) не является частотной и характерна больше для официального дискурса.

Еще пример многословного сочувствия невесте в связи с болезнью жениха и отложенной свадьбой: *Dann haben der Herr Bräutigam sich wohl erkältet? Ich spreche mein* ***innigstes*** *Mitleid aus, gnädigstes Fräulein, den frohen Tag hinausgeschoben zu sehen*. [Humbracht, 2024] – *Значит, жених простудился? Выражаю глубочайшее сочувствие, милостивейшая госпожа, в связи с тем, что счастливый день был отложен.*

б) в качестве прямого дополнения к глаголу *haben* (*Sie haben/Du hast mein Mitgefühl*).

В следующем примере описана ситуация, когда полицейский инспектор, прибыв впервые на место преступления, выражает сочувствие (достаточно формальное) брату потерпевшего, который был найден избитым до полусмерти на пороге собственного дома. Сухость выраженного сочувствия в данном случае может объясняться некоторым раздражением полицейского из-за того, что посторонний может затоптать возможные следы: *Sie haben mein Mitgefühl, Mr. Roe, aber ich muss Sie bitten zu gehen. Das hier ist ein Tatort, und unsere Spurenfahnder waren noch nicht hier*. [Disher, 2024] – *Я Вам сочувствую, Мистер Роу, но я вынужден просить Вас уйти. Здесь место преступления, а наши криминалисты еще здесь не были.*

Еще пример употребления указанной формулы сочувствия в ответ на заявление адресата о негативном жизненном опыте:

– *Aber glauben Sie mir, ich weiß, was es bedeutet, ohne Vater aufzuwachsen.*

– *Sie haben mein Mitleid, Signor Michel*. [Isau, 2022]

– *Но поверьте, я знаю, что значит расти без отца.*

– *Я Вам сочувствую, синьор Михель.*

в) в виде краткой перформативной номинализации: *Mein Mitgefühl. – Сочувствую (*дословно: *Мое сочувствие).* Крайне редко: *Mein Mitleid. – Сочувствую*. (АУК)

Такая краткая клишированная фраза (она, собственно представляет собой усеченный вариант формулы с глаголом *haben)* появляется в ситуациях, где говорящий произносит ее скорее из вежливости, не испытывая при этом глубоких переживаний по поводу негативного состояния дел адресата. Примером функционирования такого клише может служить следующая ситуация: девушка жалуется бармену на трагичные события в своей биографии – два года назад погиб ее жених, свадьба с которым обещала быть началом воплощения ее долгосрочных жизненных планов. Бармен, соблюдая социальные конвенции, коротко реагирует на сердечные излияния девушки: – *Mein geliebter Juan, wir wollten heiraten. Er wurde mir genommen, bevor ich seine Frau werden konnte. – Wie*

tragisch, mein Mitgefühl. [Vandenberg, 2018] – *Мой любимый Хуан, мы хотели пожениться. Его забрали у меня прежде, чем я смогла стать его женой. – Как трагично, сочувствую.*

Все три варианта конструкций с существительным включают облигаторный антропокомпонент, выраженный притяжательным местоимением 1 лица (***mein*** *Mitleid/Mitgefühl*). Он придает высказыванию особую значимость, сближает участников разговора, демонстрирует доверие и близость, а также выражает теплоту и искренность, как в следующем примере: *Sie haben mein Mitgefühl, Rudd, und ich werde alles tun, um diese Tat zu rächen.* [Wells, 2023] – *Я сочувствую Вам, Радд, и я сделаю все, что смогу, чтобы отомстить за это*.

Во всех названных вариациях определением к существительному *Mitgefühl* могут выступать прилагательные (*aufrichtig, innig, tief, herzlich*), выражающие степень, меру либо оценку, актуализируя тем самым эмоциональный компонент смысла: *Armer Kerl! Mein* ***aufrichtiges*** *Mitgefühl ist dir sicher*. [Hartwig, 2002, S. 12] – *Бедный парень! Мое искреннее сочувствие тебе обеспечено*.

Усиление иллокутивной силы сочувствия и выражение реляционного смысла достигаются через использование обращений, которые выполняют функцию адресации и управления отношениями между говорящим и слушающим. Эти обращения обычно свидетельствуют о благожелательном отношении говорящего к адресату, усиливают эиоциональную связь и солидарность в общении: *Sie haben mein Mitgefühl,* ***Mr. Van Thö.*** [Bekker, 2022] – *Я Вам сочувствую, господин Ван Тё.* В ситуациях неформального общения обращение облекается в фамильярную форму, что придает ему оттенок личного участия, превращается в вербальное похлопывание по плечу: ***Alter,*** *du hast mein Mitgefühl!* [Röndigs, 2020] – *Чувак, я тебе сочувствую!*

Существительные *Mitgefühl* и *Mitleid* в полной мере реализуют интенциональный компонент модели смысла высказывания. При этом пропозициональный смысл при таком способе выражения сочувствия, как правило, не представлен эксплицитно, поскольку – с учетом преимущественно

реактивной позиции сочувствия в диалогическом единстве – чаще всего известен из контекста. Эмотивный смысл может быть актуализирован в каждом из трех своих элементов, как в приведенном выше примере *Armer Kerl! Mein* ***aufrichtiges*** *Mitgefühl ist dir sicher* (оценочный + реляционный + эмоциональный компоненты смысла).

Косвенный речевой акт сочувствия

Выше уже раскрывалась суть того, что мы в настоящей работе считаем косвенным способом реализации того или иного речевого акта. К косвенному речевому акту сочувствия будут относиться высказывания, содержащие языковые средства, прямо не называющие сочувствие, но предполагающие наличие соответствующей интенции[2].

Анализ эмпирического материала исследования показал, что достаточно частым и конвенциональным выражением сочувствия будут формулы *Das tut mir leid (für dich) – Мне жаль (тебя); Das ist (sehr) schade! – (Очень) жаль!*, которые, как было установлено выше, также служат для выражения сожаления.

I. Результаты опроса носителей языка свидетельствуют, что конструкция *(Das/Es) tut mir (aber) (sehr/so) leid – (Но) мне (очень/очень) жаль* используется для реализации сочувствия в 32% всех случаев и может сопровождаться операторами порождения дополнительных смыслов (чаще эмоционального), такими как междометия, наречия, прилагательные и частицы: *(Oh man,) Tut mir (sehr) leid – (О, боже) мне (очень) жаль; Das tut mir (aber) (sehr) (aufrichtig) leid (für dich) – Мне (однако) (очень) (искренне) жаль (тебя)* (АУК).

Анализ нашего языкового материала показывает справедливость выводов, сделанных в результате опроса. Приведем пример такого косвенного выражения сочувствия, где интенция реализуется параллельно с реляционным смыслом (последний актуализируется путем использования обращения): – *Ich will auch*

[2] Особенно важную роль в выявлении интенции сочувствия в высказывании играют данные анкеты-опросника, в частности, данные self-report – анализ и фиксация носителями языка испытываемой ими эмоции или психологического состояния в той или иной моделированной ситуации.

keine Polizei am Friedhof sehen. Bitte haben Sie dafür Verständnis. – Selbstverständlich. ***Sie tun mir leid, Frau Brecht.*** [Vertacnik, 2011] – *Я также не хочу, чтобы на кладбище присутствовала полиция. Пожалуйста, поймите это. – Конечно. Я Вам очень сочувствую, госпожа Брехт.*

На повышение эмоциональности и одновременно создание некой интимности ситуации реализации сочувствия «работают» наречия степени как *sehr, unendlich* и др., выражающие степень интенсивности эмоционального переживания: *Es tut mir so* ***unendlich*** *leid, dass Sie das erleben müssen. Sie haben mein Mitgefühl und meine Bewunderung*. [Vandenberg, 2019] – *Мне очень жаль, что Вам пришлось это пережить. Я Вам сочувствую и восхищаюсь Вами.* В приведенном примере интенсивность выражения сочувствия удваивается последовательным использованием конвенциональной формулы сочувствия (*es tut mir leid),* «приправленной» наречием-интенсификатором *unendlich,* и прямого называния эмоционального состояния (*mein Mitgefühl*). Такое гибридное высказывание не выходит за рамки правил вежливости, но показывает расположенность говорящего к адресату и высокую степень его внутреннего эмоционального участия в ситуации.

Сочувствие становится более эмоциональным при использовании названного выше междометия *oh man,* которое появляется в речи в ситуациях незапланированного выражения сочувствия, когда говорящий сталкивается с неожиданным поворотом в разговоре (например, необдуманные слова, которые могут напомнить партнеру что-то неприятное или трагичное) или хочет подчеркнуть свое эмоциональное отношение к обсуждаемому. Примером такого выражения сочувствия с очевидно вынесенным в поверхностный слой эмоциональным смыслом может служить следующий фрагмент: *Welche Eltern tun das ihrer Tochter an? Oh man,* ***du tust mir so leid.*** [Frühsommernächte, 2022] – *Какие родители так поступают со своей дочерью? Ох, я так тебе сочувствую.* Междометие в приведенном примере указывают на спонтанность эмоции и свидетельствуют тем самым о ненамеренности соответствующего речевого

действия и искренности сочувствия в связи с пережитым.

Следует в этой связи вслед за В. Ланге [Lange, 1984, с. 96] указать на интересный дейктический феномен, который позволяет нам отделить речевой акт сочувствия от речевого акта извинения, выражаемого часто той же универсальной формулой (*tut mir leid):* в сочувствии в качестве подлежащего такой формулы выступает либо местоимение *das,* указывающее на основание сочувствия (*Emma, das tut mir so unendlich leid.* [Frühsommernächte, 2022] – *Эмма, мне бесконечно жаль*), либо местоименное указание на самого адресата, как в примере выше – *Du tust mir leid.*

II. Косвенное выражение сочувствия также может быть реализовано при помощи лексемы *schade – жаль*: *Das/Es ist (aber sehr) schade! – (Очень) жаль; Schade (für dich) – Жаль (тебя); Find ich wirklich schade – По мне, так это очень жаль* (АУК). Испытываемая при этом эмоция, тем не менее, характеризовалась респондентами как «сочувствие, сострадание» (*Mitgefühl, Mitleid*) либо «сожаление» (Bedauern), что еще раз доказывает состоятельность идеи о полиинтенциональности речевого акта сочувствия.

Наш языковой материал тоже показывает множество случаев функционирования формулы *Es ist schade (für dich)* в ситуациях выражения сочувствия, например, в следующей ситуации, где иронично высказывается сочувствие девушке в связи с как будто бы несоответствием обсуждаемого лица предъявляемым к нему требованиям:

– *Ich, für den begeistert?! Der tut doch bloß so, als wäre er flott.*

– ***Ach wie schade für dich****! Herzlichstes Beileid!* [Dettmeyer, 2020]

– *Я – в восторге?! От него? Да он просто делает вид, что шустрый.*

– *Ах, как я тебе сочувствую! Глубочайшие соболезнования!*

Имплицитное выражение сочувствия

Языковые средства для имплицитной реализации неконвенционального речевого акта сочувствия представлены достаточно разнообразно. Имлицитное

выражение сочувствия не включает ни лексем *mitfühlen*, *mitleid*en, ни всех тех лексем, которые мы отнесли к косвенному способу его реализации.

I. Первая группа языковых средств для имплицитного выражения сочувствия представляет собой декларативную констатацию отрицательного для адресата положения дел. Она включает прилагательные и существительные с негативно-оценочной семантикой в предикативном употреблении, как в следующих примерах из нашего опроса (АУК):

Das ist sicher erst mal ein Schock für dich. – Это, должно быть, шок для тебя.

(Oh man,) das muss schrecklich/sehr schwer für dich sein – (О, Боже,) это, должно быть, ужасно/очень тяжело для вас;

Das ist traurig/schlimm – Это грустно/плохо;

Das ist ein Unglück (eine Katastrophe) – Это беда (катастрофа);

Das ist ja eine schlechte Nachricht – Это плохая новость;

Das ist scheiße/Ach Mist! – Вот черт/Вот дерьмо/!

(Oh je) wie ärgerlich/furchtbar – (Ох) как досадно/ужасно;

Das ist ja blöd für dich; Unfassbar – Да, ты в дурацкой ситуации; Немыслимо.

Показательно, что конструкция *Das ist ja schrecklich /furchtbar (was dir passiert ist) – Это ужасно/страшно (то, что с тобой случилось)* составляет 15% от всех полученных в результате опроса речевых реакций.

Приведенный перечень, очевидно, демонстрирует популярность стратегии выражения сочувствия путем отрицательной оценки и порицания сложившейся у адресата ситуации. При этом меняется референтная соотнесенность объекта сочувствия: конкретная референция (*du und deine Situation*) меняется на неопределенную *das* (*Das ist furchtbar!)* или расширяется на обобщенный объект, как в следующем примере: *Es schmerzt mich, vollendete Schönheit und Anmut so leiden zu sehen.* [Humor, 2012] – *Мне больно видеть, что так страдает совершенная красота и изящество*. Сочувствие в приведенном высказывании направлено конкретной девушке, но вместо прямой референции к ней

констатируется болезненное восприятие говорящим страданий выраженного метафорой объекта. К буквальному смыслу высказывания можно прийти, развернув имплицированную часть высказывания в несколько семантических шагов: <*Du bist vollendete Schönheit und Anmut. Du leidest sehr. Ich sehe, dass du leidest* > *Es schmerzt mich, dich so leiden zu sehen.*

Другой вид косвенных речевых актов сочувствия – это высказывания, которые не дают явной оценки ситуации, но констатируют наличие личного опыта говорящего. В таких случаях последний рассчитывает на понимание со стороны адресата, который должен самостоятельно восстановить неявную информацию (в первую очередь о том, что опыт оценивается отрицательно), используя свои знания и языковую компетенцию. Примером такого сочувствия может служить следующий фрагмент: *Aber glauben Sie mir, ich weiß, was es bedeutet, ohne Vater aufzuwachsen.* [Isau, 2022] – *Но поверьте мне, я знаю, что значит расти без отца.* Такие высказывания становятся сочувствием при определенных условиях – они будут успешны, если адресат высказывания понимает, что констатация говорящего есть попытка показать свою причастность к эмоциональному контексту происходящего. Прагматическая сущность сочувствия зависит от того, насколько содержание высказывания актуально для конкретной ситуации общения. Такая симметричная конструкция сочувствия имплицирует высокую меру солидарности и соответствует присутствующему всегда (хотя и не всегда осознанному) желанию адресата получить поддержку.

Следующий пример показывает переплетение стратегий выражения сочувствия в одном высказывании: *Erschütternd, dieses Schicksal. Ich kann mir vorstellen, wie man sich da als Ehemann fühlt.* [Vertacnik, 2008] – *Ужасно, такая судьба. Могу себе представить, что может чувствовать супруг.* В первой части высказывания смещается объект оценки – оценивается не жизненная ситуация собеседника, а судьба третьего лица, которая, собственно, является основанием для сочувствия. Во второй части высказывания говорящий, опираясь на собственный опыт, утверждает свою эмоциональную компетентность в ситуациях

такого рода и, следовательно, солидарность с адресатом.

Нам встретился пример сочувствия, имплицированного в побуждение принять желание говорящего поддерживать адресата, в том числе и в трудные моменты жизни: *Als ich damals ja gesagt habe, galt das nicht nur für die guten Tage, du dummer Kerl. Bring mich doch nicht um die Chance, auch in schlechten Zeiten für dich da zu sein.* [Novak, 2016] – *Когда я сказала «да», это касалось не только хороших дней, ты, глупец. Не лишай меня возможности быть рядом с тобой и в трудную минуту.*

О правильном декодировании речевого акта сочувствия свидетельствует реакция адресата на приведенное высказывание: *Ich will dein Mitleid nicht.* Сочувствие распознано верно, хотя перлокутивный эффект речевого акта не соответствует задуманному.

II. Междометия: *Oh nein – О нет; Oh, mein Gott – О, Боже мой* (АУК).

Такой выбор языковых средств актуализирует в первую очередь эмоциональный компонент смыслового единства, оставляя все прочие в переферии. Как правило, эти междометия выступают в паре с вокативами типа *du Arme/Armer,* которые указывают на оценку ситуации говорящим (ситуация настолько неприятна, что того, кто в нее попал, можно назвать беднягой и посочувствовать ему): *O nein, du Arme! Dich hat es wohl sehr erwischt, was?* [Marten, 2009] – *О нет, бедняжка! Должно быть, тебе действительно досталось, верно?*

III. Предложения, включающие в себя глаголы с семантикой действия, предложения помощи в сопровождении модальных глаголов.

Так, следующее высказывание представляет собой интересный пример одного из вариантов реализации речевого акта сочувствия имплицитным способом: *Bist du schon untergenommen? – Ты уже где-то устроился?* (АУК). Вопрос следует здесь понимать не столько как вопрос, сколько как предложение разместить пострадавшего у себя, что косвенно свидетельствует об испытываемом говорящим сочувствии. Для немецкой лингвокультуры характерно

деятельное, практичное сочувствие в тех ситуациях, которые возможно решить не словами, а действиями. Необходимо заметить, что корпус подобных высказываний в рамках нашего исследования достаточно обширен. Фраза *Kann ich dir helfen? – Могу я тебе помочь?*, которую мы встречаем в 40% речевых реакций на одну и ту же ситуацию, подтверждает активную позицию немцев в таких случаях. Еще 30% ответов сводятся к фразе *Was ist (denn) passiert? – Что (же) случилось?*

Напомним, что высказывания, имеющие подобную синтаксическую структуру (*Kann ich dir helfen?; Soll ich dir helfen?; Kann ich dich (nicht) wegbringen?*) Ю. Граффе относит к комиссивным речевым актам, а конкретно к речевому акту *anbieten* (предложение) [см. Полиинтенциональность речевого акта сочувствия]. Он пишет, что „das fokussierte Handlungsmuster kann ebenso mit [solchen] Äußerungsformen … realisiert werden“ – «описываемое речевое действие может быть реализовано [подобными] высказываниями» [Graffe, 1990, с. 140].

Коммуникативный статус собеседников находит свое отражение в конкретных высказываниях, реализующих исследуемые речевые акты. Так, если потерявший все при пожаре является другом, то предложения помощи носят более конкретный характер: *Kommst du schon irgendwo unter? Willst du bei mir schlafen? Ich borg dir Klamotten und geb dir Essen – Ты уже где-то остановился? Хочешь переночевать у меня? Я одолжу тебе одежду и покормлю* (АУК). В той же ситуации, но по отношению к незнакомому человеку будет сказано: *Wie kann ich Ihnen helfen? Sind Sie verletzt? – Чем я могу Вам помочь? Вы не пострадали?* (АУК).

Нужно отметить, что высказывание *Wie kann ich dir helfen? – Как я могу тебе помочь?* и выбор глагола *helfen* (с более узкой семантикой) характерны, с одной стороны, для ситуации, в которой коммуниканты необязательно являются близкими друзьями, а с другой стороны, сама ситуация позволяет оказать помощь. Фраза же *Was kann ich für dich tun? – Что я могу для тебя сделать?* характерна для ситуации, где, во-первых, взаимоотношения коммуникантов более близкие, дружеские, а во-вторых, положение дел таково, что реальная помощь

может оказаться и невозможной. Отсюда употребление глагола с более широкой семантикой – *tun*.

Динамика смысла в высказываниях сочувствия

Результаты проведенного исследования показывают, что пропозициональный смысл в высказываниях сочувствия, как правило, не представлен эксплицитно, поскольку чаще всего известен из контекста. При этом интенциональный компонент смысла в речевых актах сочувствия в отличие от пропозиционального смысла выражен всегда.

Потребность в экспликации пропозиции (повода для сочувствия) говорящим возникает в процессе коммуникации тогда, когда адресат искренне не понимает, в связи с чем ему выражается сочувствие. Однако, на наш взгляд, включение пропозиционального смыслового компонента в высказывание часто создает эффект иронии, подтрунивания над слушающим. Зная о неприятной ситуации, в которой оказался адресат, и имея серьезные коммуникативные намерения (то есть намереваясь соблюсти постулаты вежливости), говорящий старается лишний раз не напоминать ему о его несчастье. Основное внимание адресанта направлено на то, чтобы показать, что испытываемые им эмоции совпадают с эмоциями, которые по его представлению должен испытывать адресат, дать свою оценку произошедшему. Таким образом, при выражении сочувствия на передний план выходит эмотивный компонент целостного смысла, а точнее его эмоциональная составляющая. Вместе с тем любое выражение сочувствия содержит в себе оценку пропозиционального содержания.

Краткая форма выражения сочувствия является предпочтительной, так как отражает спонтанность реакции говорящего на пропозициональное условие, а значит и его искренность. При этом анализ корпуса примеров позволяет сделать вывод о том, что наличие определений в данных формулах может выполнять две функции:

1) свидетельствовать о теплых, близких, дружеских отношениях между коммуникантами, либо желании их таковыми представить (например, *Sie haben*

mein ***ganzes*** *Mitgefühl, Susan! Ich finde es bewundernswert, was Sie hier machen…* [Wilkenloh, 2011] – *Я Вам сочувствую* ***целиком и полностью****, Сьюзан! Я нахожу достойной восхищения Вашу работу здесь…*);

2) придавать высказыванию ироничный смысл, то есть скорее нивелировать свойственный сочувствию стабилизирующий эффект, эффект поддержки, превращая высказывание в саркастическое. Например, шеф, полицейский детектив, говорит своему подчиненному: – *Entschuldigung, Chef, aber ich kenn das ja alles. Außerdem bin ich heute Morgen schon so früh raus.* ***– Du hast mein zutiefst empfundenes Mitgefühl!*** [Franzinger, 2011] – *Простите, шеф, но я это все уже знаю. К тому же я сегодня с самого утра на ногах.* ***– Сочувствую тебе от всей души!***

В качестве операторов, актуализирующих эмотивный смысл, выступают различные негативно-оценочные прилагательные как в атрибутивной, так и в предикативной позиции: *schrecklich – ужасный, furchtbar – ужасный, страшный, schwer – трудный, тяжелый, traurig – печальный, schlimm – плохой, schlecht – плохой, ärgerlich – досадный, unfassbar – непостижимый, немыслимый, blöd – глупый*. Операторами, модифицирующими и усиливающими реализацию эмотивного компонента, являются многочисленные междометия: *Oh man; Oje; ja; nun; Oh nein; Oh, mein Gott; Ach; Ach du meine Güte; Auweia; – О, боже; ах; ах ты, боже мой; ой-ой-ой; ну; ой* (АУК). В ряде высказываний междометия являются единственной вербальной реакцией адресанта на пропозицию, поскольку сочувствие часто выражается паралингвистическими средствами.

Сочувствие представляет собой речевой акт, который наиболее часто воплощается невербальными средствами. Часть респондентов указывают на невербальные сигналы, которые призваны усилить эффект выражаемого сочувствия: *zunächst würde ich ihn in den Arm nehmen – сначала я его обниму*. В целом довольно часто сочувствие реализуется вовсе не речевыми, а паралингвистическими средствами, такими как объятия, прикосновения, поглаживания, похлопывания по плечу. Например: *Sanftes streicheln über sein [des Sohnes] lockiges, nachtblaues Haar drückte mein Mitgefühl aus* [Thomson, 2016] –

Нежное поглаживание по его [сына] вьющимся иссиня-черным волосам выразило мое к нему сочувствие.

Многие респонденты отметили, что важно и нужно бывает взять адресата сочувствия за руку, обнять. Исключительное значение имеет взгляд. Подобная востребованность невербальных средств выражения сочувствия объясняется тем, что в тяжелой, неприятной ситуации у говорящего часто «нет слов, чтобы выразить» свои чувства.

Итак, иллокутивный компонент сочувствия в случае его репрезентации часто имеет свернутую форму, представленную номинализациями *Mein Mitgefühl* или *Mein Mitleid – Мое сочувствие*. Выбор такой формы реализации сочувствия свидетельствует о спонтанности речевой реакции, а следовательно, и об искренности речевого акта.

Вербальные реакции даже в самой тяжелой ситуации отражают немецкий прагматичный, рациональный подход: *(Be)Zahlt die Versicherung (wenigstens einen Teil)? – Выплатит ли страховая компания (хотя бы часть)?; Du findest bestimmt bald etwas neues wo du mehr verdienst – Ты наверняка скоро найдешь что-то, где ты будешь зарабатывать больше*. Положительная сторона такого рационализма выражается в оказании немедленной помощи или других активных действиях (*Ich werde mich über die Heilungschancen informieren – Я ознакомлюсь с информацией о шансах на выздоровление; Hast du schon einen 2. Arzt konsultiert? – Ты уже проконсультировался еще с одним врачом?* (АУК)).

Речевой акт сочувствия в целом представляет собой полиинтенциональный речевой акт, так как в одних и тех же ситуациях носители языка одновременно с эмоцией «сочувствие» указывают на наличие у них эмоционального состояния сожаления. Данный факт указывает на то, что сочувствие и сожаление в определенных ситуациях сопутствуют друг другу, неотделимы друг от друга и вместе составляют некий сложный комплекс чувств, который данная ситуация реального мира вызывает у партнеров по коммуникации: «Я тебе сочувствую и при этом сожалею о том, что так случилось».

Такой вывод подтверждается и выбором языковых средств и синтаксических структур для реализации речевого акта сожаления в подобных ситуациях. Идентичная семантическая модель *Das tut mir sehr leid – Мне очень жаль* используется носителями языка и для выражения сожаления, и для выражения сочувствия.

§ 2.4 Высказывания соболезнования

2.4.1 Определение речевого акта соболезнования

Соболезнование представляет собой речевой акт, направленный на выполнение определенного социального акта, ритуала. Особенностью речевого акта соболезнования является его появление только в одной конкретной ситуации – ситуации смерти близкого адресату человека. Эта особенность заложена в семантику основной лексемы-вербализатора речевого акта соболезнования: *Beileid: Mitgefühl, Anteilnahme (bei Todesfällen) – сочувствие, участие (в случаях смерти)* [Wahrig, 2001]. Соболезнование — это речевой акт, по своей сути противоположный поздравлению, можно сказать, что это «отрицательно заряженное» поздравление.

Соболезнование как речевой акт в немецкоязычной научной литературе имеет несколько названий: Beileid-Aussprechen (высказывание соболезнования), Beileid-Bezeigen (выражение/проявление соболезнования), Beileid-Wünschen («пожелание» соболезнования), Kondolieren (соболезнование), которые рассматриваются как синонимичные. Анализ словарных дефиниций подтверждает семантическую идентичность двух понятий: *Beileid – Mitgefühl, [offizielle] Anteilnahme bei einem Todesfall – сочувствие, [официальное] участие в случае смерти* [Duden, 2007]; *Kondolenz – Beileid, Beileidsbezeigung – соболезнование, выражение соболезнования* [Wahrig, 2001]. К. Вагнер раскрывает суть соболезнования так: говорящий в ритуальной форме выражает слушающему свое сочувствие по поводу постигшего последнего негативного события („*der Sprecher*

drückt dem Hörer in einer eher rituellen Form sein Mitgefühl über ein negatives Ereignis (Schicksalsschlag, Todesfall) aus, von dem dieser betroffen ist“ [Wagner, 2001, с. 244]).

Подробно описывает семантику речевого акта соболезнования Э. Рольф: *H ist von einem familiären Ereignis, normalerweise einem Todesfall,* [vgl. Vanderveken, 1990, с. 219] *betroffen – в семье слушающего произошло некое событие, как правило, смерть (родственника)* (= Bedingung θ des propositionalen Gehalts – условие пропозиционального содержания θ). *Der Sprecher präsupponiert, dass es sich dabei um ein Unglück für H handelt – говорящий предполагает, что данное событие представляет собой несчатье для слушающего* (= vorbereitende Bedingung Σ – подготовительное условие Σ). Die Aufrichtigkeitsbedingung Ψ beinhaltet: *Mitgefühl des Sprechers* – условие искренности Ψ подразумевает: *сочувствие говорящего*. Из сказанного Э. Рольф выводит иллокутивную формулу соболезнования: [Ψ][Σ][θ]¬ [ср. Рольф, 1997, с. 233; Searle, Vanderveken, 1985, с. 212; Marten-Cleef, 1991, с. 275].

Соболезнование можно, таким образом, определить как речевой акт, в котором говорящий дает слушающему понять, что он воспринимает понесенную собеседником утрату (как правило, смерть близкого человека — условие пропозиционального содержания) как несчастье для собеседника и для себя (подготовительное условие), скорбит по этому поводу. «…социальной целью речевого акта соболезнования является декларация сочувствия горю адресата и тем самым демонстрация собственного соответствия нормам этикета, принятым в данном обществе» [Трофимова, 2007, с. 170].

Иначе говоря, коммуникативный успех речевого акта соболезнования зависит от следующих условий:

1. Один из коммуникантов переживает смерть близкого человека: родственника, друга – условие пропозиционального содержания (соболезнование обречено на коммуникативный провал, если у собеседника никто не умер).

2. Второй коммуникант однозначно полагает, что адресат испытывает в связи с этим горе, то есть оценивает положение дел как крайне негативное для него, а в ряде случаев (наличие социальных связей с умершим) и для себя – предварительное условие.

3. Существенное условие: адресат предпочитает, чтобы говорящий разделил с ним его горе и произнес соболезнование, выказав ему тем самым уважение.

4. Условие искренности: а) Говорящий желает искренне разделить с собеседником тяжелые чувства, облегчив его состояние.

б) Говорящий, зная о горе адресата соболезнования, искренне хочет быть вежливым и соответствовать требованиям речевого этикета.

Общая тональность соболезнования в большой степени зависит от эмоционального состояния адресанта. Чем сильнее смерть близкого затрагивает говорящего, его чувства, тем искреннее и с бо́льшим сочувствием он будет выражать соболезнование. При отсутствии социальных связей или контактов с умершим (например, если речь идет о смерти в семье коллеги, неблизкого знакомого) говорящий приносит свои соболезнования формально, с помощью стандартных языковых средств. В подобном случае можно сказать, что речевой акт выполняет чисто этикетную функцию: адресант проявляет соответствующую нормам поведения в обществе вежливость. Примером может служить высказывание соболезнования представителем власти в ситуации опознания адресатом своего погибшего родственника: *“Mein Beileid!”, murmelt Beckmann vor sich hin* [Klösel, 2011] – «*Мои соболезнования!» – бормочет Бекманн себе под нос.*

Еще одним примером служит краткое соболезнование человеку, которого детектив впервые видит и еще не разобрался во всех взаимоотношениях адресата: *“Sie war Ihre Freundin?”, fragte ich. “Mein Beileid”* [Imbsweiler, 2011] – *«Она была вашей девушкой?» – спросил я. «Мои соболезнования».*

В случае же близости адресата либо умершего говорящему соболезнование будет более искренним, реализовываться распространенной формой высказывания, сопровождаться речевыми актами утешения, сочувствия,

сожаления, положительного пожелания и другими, часто в сочетании с невербальными средствами. В примере *Ich wollte dir mein Beileid ausdrücken, <…>, ich bin total geschockt. Wir alle sind total geschockt* [Bomm, 2012] – *Я хотела выразить тебе свои соболезнования, <...>, я совершенно потрясена. Мы все совершенно потрясены* доверительные отношения между коммуникантами очевидны. Здесь, помимо прямой развернутой формулы соболезнования, включающей оба антропокомпонента, используется и имплицитный способ его реализации, усиленный синтаксическим повтором (экспрессивный синтаксис) и оценочным наречием. Отклонение от стандартной клишированной краткой формулы соболезнования, которую рассматривали в примерах выше, свидетельствует о желании говорящего проявить искреннее участие, смягчить горькие чувства адресата в ситуации потери им близких людей, манифестировать понимание психического состояния собеседника. Вербальная реализация этого желания представляет собой иллокутивную цель высказывания соболезнования, успешность речевого акта достигается при достижении этой цели – наступлении ожидаемого перлокутивного эффекта соболезнования: возникновении у адресата чувства утешения и поддержки, возникновении чувства, что он не одинок, что его горе признано и разделено собеседником, на которого он может положиться в трудные времена.

2.4.2 Прагматический анализ соболезнования и его языковое выражение

2.4.2.1 Поводы для соболезнования. Особенности реализации соболезнования в немецкой лингвокультуре

Обратим еще раз внимание на то, что повод для реализации в речи соболезнования может быть по сути только один – это случай смерти. Именно

повод для реализации соболезнования является отличительным и разграничительным признаком, позволяющим дифференцировать речевые акты соболезнования, сочувствия и сожаления. При этом речевой акт соболезнования может быть реализован средствами, стандартно относимыми к средствам реализации сочувствия, но не наоборот. То есть языковые средства, прямо эксплицирующие интенцию соболезнования, не используются для реализации речевых актов сочувствия либо сожаления. Если такое применение языковых средств имеет место, то возникает дополнительный оттенок смысла, часто саркастический:

“<…> Ich hab nur eine leichte Gehirnerschütterung. Morgen darf ich wieder in die Schule.” Orpheus grinste. “Mein herzliches Beileid!” [Wich, 2014] – *«<…> У меня всего лишь легкое сотрясение мозга. Завтра мне уже можно в школу». Орфей усмехнулся. «Мои искренние соболезнования!»*

Прочие экстра- и социолингвистические параметры реализации соболезнования в речи могут меняться. Степень близости и статус коммуникантов, степень значимости умершего в жизни говорящего, возраст умершего, причина смерти, фактор скоропостижности, неожиданности смерти – все эти факторы оказывают свое влияние на реализацию соболезнования в речи. В нашу анкету-опросник, моделирующую типичные ситуации для произнесения рассматриваемых речевых актов, с подачи носителей языка была включена даже ситуация смерти животного – домашнего питомца.

Как и в случае с сочувствием, адресат соболезнования может быть как непосредственным (см. примеры выше), так и опосредованным:

Ich wollte ihr, ob Sie es nun glauben oder nicht, Sir, mein Beileid und Mitgefühl ausdrücken. [Dönges, 2024] – *Я хотел выразить ей – хотите верьте, хотите нет, сэр – свое соболезнование и сочувствие.*

В отличие от речевого акта сочувствия соболезнование не допускает автоадресации, то есть соболезновать самому себе нельзя.

Результаты нашего опроса показывают, что случай смерти в семье друга, хорошего знакомого становится стимулом для следующего типичного поведения: пойти к другу и выразить ему соболезнование, поддержать его, используя для этого в том числе невербальные средства общения (*Den anderen umarmen, Worte unnötig – Обнять собеседника, слова излишни; Ach du Scheiße! (in den Arm nehmen) – О черт! (обнять)* (АУК)). Для многих респондентов в подобной ситуации оказалось проще описать свои поведенческие реакции, в том числе поведение при участии в ритуале прощания и погребения, чем вербальные.

Особенностью реализации рассматриваемого речевого акта в немецкой лингвокультуре, по данным опроса, можно считать неожиданный факт, что, лично выражая соболезнования другу по поводу смерти кого-то из его близких людей, говорящий предпочитает избегать употребления слова *Beileid*, прямо репрезентирующего соответствующую интенцию (напротив, 64% всех реакций респондентов на смерть в семье коллеги либо знакомого содержат слово *Beileid).* Многие представители немецкой лингвокультуры воспринимают это слово как слишком холодное, сухое и официальное – оно, по мнению опрошенных, не передает той теплоты и искренности, которые должно выражать дружеское соболезнование. Поэтому немцы предпочитают сухой ритуальной формуле *Mein Beileid – Мои соболезнования* менее формализованные, а, следовательно, более личные и эмоциональные высказывания типа *(Es/Das) tut mir (sehr/so) Leid/leid (für dich/dass du...verloren hast) – Мне (так/очень) жаль (тебя/что ты потерял …)* (28% ответов, ситуация 7 в анкете-опроснике). Они показывают большую вовлеченность говорящего в ситуацию, это делает их более утешительными в трудной ситуации.

Результаты опроса позволяют достаточно четко дифференцировать степень эмоциональной затронутости, сопереживания, со-болезнования говорящего в ситуации потери, понесенной адресатом, в зависимости от близости отношений между коммуникантами, соответствующая корреляция представлена в таблице 2.

Таблица 2 – Зависимость эмоции носителя языка от степени его близости к адресату соболезнования

Ситуация	Описание эмоции респондента (на основе данных self-report)
Смерть в семье близкого друга	*(sehr) traurig – (очень) грустно* (10% всех реакций)*;* *sehr betroffen – очень тронут;* *mitfühlend – сочувствую; anteilnehmend – проявляю участие*
Смерть в семье коллеги/ знакомого	*nicht sehr betroffen – не очень затронут;* *traurig, aber nicht sehr betroffen – огорчен, но не сильно;* *neutral – нейтральные чувства;* *eine nicht so tiefe Anteilnahme – не очень глубокое участие;* *eigentlich kaum Emotionen – почти никаких эмоций;* *kollegiales Mitleid, aber ohne große Emotion – сочувствие коллеге, но без сильных эмоций;* *eher neutral, gleichgültig – скорее нейтральные чувства, равнодушие*

Еще одной особенностью реализации соболезнования является трактовка респондентами ситуации смерти домашнего питомца. Выше уже упоминалось, что такой повод для осуществления данного речевого действия был включен в опросник с подачи носителей языка. Далее, с одной стороны, позицию говорящего в ситуации утраты в семье близкого друга можно обозначить как *Der Verlust ist für dich nicht zu ersetzen – Эту потерю тебе никак не возместить* (АУК), в то время как в ситуации смерти домашнего питомца говорящий считает: *Das ist für dich traurig, aber ersetzbar – Это печально для тебя, но потерю можно возместить* (АУК). Этим подчеркивается ценность и уникальность человеческой жизни. 15% респондентов даже считают возможным и этичным сразу предложить потерявшему питомца человеку замену: *Bestimmt findest du bald ein neues Haustier für dich – Я уверен, что ты скоро найдешь себе нового питомца* (АУК);

Ach, das ist aber traurig! Möchtest du dir ein neues Haustier anschaffen? – Ах, это очень печально! Не хочешь завести себе нового питомца? (АУК);

Du schaffst dir bestimmt Ersatz an? – Ты же возьмешь нового питомца? (АУК)

С другой стороны, в ситуации смерти питомца (ситуация 9 в опроснике) использованные респондентами средства актуализации интенционального компонента смысла отличаются бóльшим разнообразием и меньшей клишированностью, большей эмоциональной маркированностью. Это связано с тем, что говорящий в меньшей степени боится нарушить какие-либо табу и, соответственно, чувствует себя гораздо свободнее в общении, что ведет к большему разнообразию реакций. Говорящий может свободно завести разговор о погибшем любимце: *Hat dir dein Hund sehr viel bedeutet? – Твоя собака много значила для тебя?* (АУК)

Таблица 3 иллюстрирует зависимость степени эмоциональной затронутости и выбора средств реализации соболезнования на примере реакций двух респондентов в одних и тех же ситуациях.

Таблица 3 – Зависимость степени эмоциональной вовлеченности адресанта от прагматических условий коммуникации

Ситуация	Вербальная реакция (респондент 1)	Поведенческая реакция (респондент 2)
Смерть в семье близкого друга	*Das ist schade und traurig. Wann ist die Beerdigung? – Очень жаль и очень печально. Когда похороны?*	*Ich bin betrübt und sage es – Я опечален и сообщаю об этом*
Смерть в семье коллеги/ знакомого	*Das ist ja traurig. Woran ist er denn gestorben? – Да уж, печально. И от чего он умер?*	*ich kondoliere höflich – я вежливо выражу соболезнования*
Смерть домашнего питомца близкой подруги/друга	*Das ist aber schade um das Tier. Du schaffst dir bestimmt Ersatz an? – Очень жалко животное. Ты ведь новое заведешь?*	*ich höre ihr zu – выслушаю ее/его*

Следует отметить, что для ситуации утраты в семье близкого друга прямой эксплицитный вопрос о причине смерти не характерен, так как представляет собой отклонение от выполнения коммуникативной задачи – посочувствовать, поддержать собеседника, и может восприниматься адресатом как праздное любопытство. Однако, такой вопрос нередко (порядка 13% ответов) задают, если о смерти близкого сообщает коллега: *Woran ist er denn gestorben? – От чего же он умер* (АУК)*?; Was war die Ursache? – Какова причина [его смерти]?* (АУК) Причем во всех этих ответах подобный вопрос не сопровождался эксплицитным выражением соболезнования.

В 27% реакций на ситуацию утраты в семье коллеги или просто знакомого опрошенные открыто говорят об отсутствии у них каких-либо эмоций. При этом половина из них, тем не менее, сообщает, что воспользуется стандартной формулой соболезнования, чтобы не нарушить принятого в обществе ритуала речевого поведения в подобной ситуации и соблюсти нормы вежливости: *Mein Beileid – Мои соболезнования* (АУК) (cf. *ich kondoliere höflich – я вежливо принесу соболезнования*). В ряде случаев говорящий вообще не считает нужным сказать хоть что-нибудь, что свидетельствует о коммуникативной и социальной дистанции между коммуникантами:

Ich nehme es so hin. – Я просто приму к сведению (АУК).

Еще пример из нашего текстового корпуса: *Ohne ein Wort des Beileids, bloß mit einem kurz hingeworfenen "Wo ist die Leiche?", trampelten er und seine Ermittler am gebrochenen Erwin Seidl vorbei in dessen Wohnung vor.* [Bauer, Karambolage, 2011] – *Не сказав ни слова соболезнования, только бросив быстрое «Где труп?», он [инспектор полиции] и его следователи протопали мимо подавленного Эрвина Зайдля в его квартиру.*

Подобное отсутствие принесения соболезнований в случае, если коммуниканты знают друг друга и, соответственно, ожидают такого социального «поглаживания», не проходит незамеченным:

“Keine sehr charmante Begrüßung.” Frau Stephanus senior kniff die Lippen zusammen. “Es hätte sich gehört, mich anzurufen. Nachzufragen. Zu kondolieren. Nichts dergleichen.”

“Ich habe von dir auch keinen Anruf bekommen, Bernhild”, bemerkte Paula spitz <…>. “Ist dir aufgefallen, dass mein Mann gestorben ist?” [Schmöe, 2011]

– «Не слишком сердечное приветствие». Фрау Штефанус-старшая поджала губы. «В таких случаях полагается позвонить. Поинтересоваться. Принести соболезнования. Ничего из этого не было».

«От тебя тоже не было звонка, Бернхильд», – едко заметила Паула <...>. «Ты заметила, что у меня муж умер?»

В немецкой лингвокультуре распространен обычай в случае смерти родственника или знакомого подписывать и отправлять специальную открытку (Beileidskarte) (доступны во всех точках продаж наряду с поздравительными открытками). Особо ценится, если такая открытка написана от руки, а не просто содержит напечатанный шаблонный текст:

Knobel nahm einige Karten in die Hand. Es waren auffallend viele individuelle Abschiedsworte und keine vorgedruckten Beileidskarten. [Erfmeyer, 2011] – *Кнобель взял в руки несколько открыток. Среди них было поразительно много личных прощальных слов и ни одной открытки с заготовленными соболезнованиями.*

Фрагмент письма с выражением соболезнования из нашего текстового корпуса:

<...> das [der Tod Ernst Hodels] ist eine sehr traurige Nachricht. Ich brauche Ihnen nicht zu sagen, wie sehr ich den Verewigten geschätzt habe, wie viel ich durch seinen Tod verliere. – Ich weiß nicht, warum ich bei ihm nie an die Möglichkeit des Sterbens dachte. Vielleicht habe ich mir wirklich eingebildet, daß er durch unser Buch vor dem Tod gefeit sei. [Mattle, 2002, S. 297] – *<...> это [смерть Эрнста Ходеля] очень печальная новость. Мне не нужно говорить Вам, как я ценил этого ушедшего в вечность человека, как много я теряю из-за его смерти. – Не знаю,*

почему я никогда не задумывался о том, что он может умереть. Возможно, я действительно воображал, что он неуязвим для смерти благодаря нашей книге.

2.4.2.2 Полиинтенциональность речевого акта соболезнования

Соболезнование как речевой акт не ограничивается реализацией только одной единственной интенции. Высказывания соболезнования часто репрезентируют целый интенциональный комплекс, так как простая констатация печального, траурного психического состояния коммуникантов не дает решения коммуникативной задачи.

В первую очередь речевой акт соболезнования включает в свою семантику выражение **сочувствия**, иногда наряду с эксплицитной оценкой говорящим положения дел: *Mein Mitgefühl, das ist aber traurig! – Сочувствую, это так печально!* (АУК)

Соболезнование может сопровождаться и декларацией понимания эмоционального состояния адресата и сопереживания с ним: *Wir können Euren seelischen Aufruhr und Eure Verzweiflung sehr gut nachempfinden <…> ich möchte Euch und Eurer Familie mein tief empfundenes Beileid aussprechen.* [Meier, 2018] – *Мы хорошо понимаем Ваше душевное потрясение и Ваше отчаяние <…> я хочу выразить Вам и Вашей семье мои глубочайшие соболезнования.*

Речевой акт соболезнования близкому другу может сочетаться с речевым актом **благопожелания** либо быть имплицитно выраженным в нем:

Herzliches Beileid, ich wünsche dir jetzt viel Kraft – Искренние соболезнования, желаю тебе много сил сейчас (АУК);

Und ich möchte Euch mein tief empfundenes Beileid ausdrücken. Ihre geht jetzt durch eine sehr harte Zeit, für die ich Euch viel Kraft wünsche! [Meier, 2018] – *И я хотел бы выразить Вам свои глубочайшие соболезнования. Вы сейчас переживаете очень тяжелые времена, для преодоления которых я желаю Вам много сил!*

При этом включение в пожелание временного актанта (*jetzt; für die kommende, schwere Zeit; in dieser schweren Zeit*) является облигаторным. За счет этого устанавливаются временные границы, в которые адресату, потерявшему близкого человека, предстоит прощание с ним и осознание тяжести потери. Тяжелые времена пройдут, и собеседнику станет легче.

Соболезнование в ряде случаев сопровождается эксплицитным выражением **сожаления** относительно одного и того же пропозиционального содержания. Два речевых акта реализуются непосредственно друг за другом: *Er [Ihr Bruder] wurde erschossen. Es tut mir leid. Mein herzliches Beileid.* [Bomm, 2011] – *Его [Вашего брата] застрелили. Мне очень жаль. Примите мои искренние соболезнования.*

Осуществляя речевой акт соболезнования, адресант понимает, что он не в состоянии изменить ситуацию и эмоциональное состояние адресата, а адресат не способен просто силой воли заставить себя перестать испытывать горечь потери. Но слова утешения, поддержка говорящего имеют для адресата огромное значение, облегчают горе и страдания, помогают справиться с эмоциональной болью.

При этом при осуществлении интенционального комплекса соболезнование + **утешение** используются следующие тактики (причем, как со стороны приносящего, так и со стороны принимающего соболезнования):

1) признание неизбежности определенных событий в нашей жизни (в частности, болезни, смерти):

– *Mein Beileid! E schlimme Sach is des mit deim Vater!*

– *Danke. Das ist halt der Lauf der Welt.* [Danz, 2011]

– *Мои соболезнования! Ужасно, что случилось с твоим отцом!*

– *Спасибо. Так уж устроен этот мир*.

2) признание положительных качеств усопшего, его положительная характеристика: *Es tut mir sehr Leid um Ihren Vater. Er war ein guter Arzt und ein guter Mensch* [Stahl, 2005, S. 74] – *Я очень сожалею о вашем отце. Он был хорошим врачом и хорошим человеком.*

Таким образом, очевидно, что полиинтенциональность соболезнования показывает, что этот речевой акт наряду с выполнением значимой ритуальной функции имеет и важное психологическое значение – он оказывает поддержку скорбящему, дает ему почувствовать, что он не одинок и может рассчитывать на помощь и поддержку окружающих.

Речевой акт соболезнования в составе диалогического единства

В составе диалогического единства соболезнование может появляться в инициативной позиции, например, сопровождая речевой акт сообщения адресату соболезнования о трагической смерти или несчастном случае: *Ich habe Ihnen leider eine sehr traurige Mitteilung zu machen, Frau Nowotny. <…> Ihr Sohn ist auf tragische Weise ums Leben gekommen. Es deutet alles auf einen Selbstmord hin. Mein herzlichstes Beileid* [Bauer, Fernwehträume, 2011] – *К сожалению, у меня для Вас очень печальные новости, госпожа Новотны. <...> Ваш сын трагически погиб. Все указывает на самоубийство. Примите мои самые искренние соболезнования.*

Кроме того, речевой акт соболезнования может осуществляться как инициирующая реплика в диалоге, если пропозициональный компонент смысла не требует актуализации, то есть в том случае, когда о кончине кого-либо говорящему уже известно, и его первоочередной коммуникативной целью становится реализация интенции соболезнования: „*Ich möchte Ihnen als Erstes mein Beileid aussprechen", begann Bichlmaier* [Mader, 2011] – *«Я хотел бы, прежде всего, выразить Вам свои соболезнования», – начал Бихльмайер.*

В рамках диалогического единства соболезнование также может осуществляться в реактивной позиции – как ответная реплика на сообщение о смерти кого-либо:

– *Die Mutter meiner Frau ist gestorben <…>.*

– *Das tut mir leid. <…> Mein herzliches Beileid.* (Wilkenloh, Poppenspäl: Der dritte Fall für Jan Swensen, 2011]

– *Мама моей жены умерла <...>.*

– Мне очень жаль. <...> Примите мои искренние соболезнования.

Другими словами, говорящий сначала получает информацию о том, что кто-то умер, или о том, что перед ним человек, понесший утрату, и это сообщение служит стимулом для реализации описываемого речевого акта. Еще один пример: *“Sie Armer. Wie gesagt, mein Name ist Grünberg. Sie bearbeiten den Tod meines Vaters” – “Mein Beileid. Nehmen Sie doch Platz.”* [Vertacnik, 2008] – *«Бедный Вы. Как я уже сказала, моя фамилия Грюнберг. Вы работаете над делом о смерти моего отца». – «Примите мои соболезнования. Присядьте, пожалуйста».*

Как этикетный речевой акт соболезнование в любом случае требует ответной реакции адресата. Как правило, ответ на соболезнование представляет собой **благодарность** за проявленное участие и воплощается соответствующими языковыми средствами: *“Mein Beileid!”, murmelt Beckmann vor sich hin. – “**Danke**.”* [Klösel, 2011] – *«Мои соболезнования!» – бормочет Бекманн себе под нос. – «**Спасибо**».*

Или еще пример: *“Mein Beileid”, sagte sie und versuchte, dabei möglichst vertraulich zu wirken. <…> “**Danke, Frau Heller**”, antwortete Olga Fellner betont leise.* [Bauer, Karambolage, 2011] – *«Мои соболезнования», – сказала она, пытаясь звучать при этом как можно более доверительно. <…> «**Спасибо, госпожа Хеллер**», – очень тихо ответила Ольга Фелльнер.*

Реакция на соболезнование может осуществляться и невербальными средствами, например, кивок головы выражает принятие соболезнования адресатом: *“Ich möchte Ihnen als Erstes mein Beileid aussprechen”, begann Bichlmaier. Ruth Güllner nickte wiederum, sagte aber nichts.* [Mader, 2011] – *Он сел. «Я хотел бы, прежде всего, выразить Вам свои соболезнования», – начал Бихльмайер. Рут Гюльнер снова кивнула, но ничего не сказала.*

Подобные невербальные реакции на соболезнование довольно распространены, так как человеку, которому адресуется данный речевой акт, трудно бывает не то чтобы подобрать слова, а вообще разговаривать. Кивок может сопровождаться объятиями при условии близости коммуникантов друг

другу: *Georg trat auf Rosi zu und umarmte sie. “Mein Beileid, Rosi!” Rosi nickte nur stumm und erwiderte seine Umarmung.* [Danz, 2011] – *Георг подошел к Рози и обнял ее. «Мои соболезнования, Рози!» Рози лишь молча кивнула и обняла его в ответ.*

В случае неодинаковой оценки коммуникантами сложившейся ситуации (например, адресант переоценивает значимость утраты для адресата) речевой акт соболезнования может стать нежелательным, а говорящий потерпит коммуникативную неудачу. Например, в следующем фрагменте показано, что реакция адресата на сочувствие по поводу кончины ее сестры, отношения с которой уже давно испортились, далека от благодарности:

“Der Anlass ist ja leider kein besonders lustiger. Mein herzlichstes Beileid, Frau Gertrud.” Sie machte eine wegwerfende Handbewegung. “Beileid. Ich bitte Sie!” [Bauer, Fernwehträume, 2011] – *«К сожалению, повод не слишком радостный. Примите мои самые искренние соболезнования, госпожа Гертруд». Она сделала пренебрежительный жест рукой. «Соболезнования. Я Вас умоляю!»*

Неприятие слов соболезнования появляется и в случае нахождения адресата в острой фазе горя и страдания от потери, как в следующем примере:

Mein Beileid zum Tod Ihres Sohnes, Vonda. – Ihr Beileid. Bringt Ihr Beileid mir mein Baby zurück? [Pelecanos, 2018] – *Мои соболезнования в связи со смертью Вашего сына, Вонда. – Ваши соболезнования. Ваши соболезнования не вернут мне моего ребенка.*

Для адресата соболезнования – матери, потерявшей своего малыша – слова соболезнования кажутся недостаточными или даже бессмысленными, поскольку они не могут восполнить утрату. Поэтому в ответе выражается отчаяние и отказ от соболезнования и утешения.

2.4.2.3. Языковое выражение соболезнования

А. А. Кузнецова, анализируя речевой акт соболезнования, выделяет «простую и сложную иллокутивные модели» его реализации [Кузнецова, 2010,

с. 98], где простая модель представляет собой высказывание с перформативом, а сложная, в том числе иерархически структурированная (под этим понимается определенная последовательность речевых актов в составе комплексного развернутого высказывания, например: сообщение – обещание – сочувствие), является сочетанием соболезнования с другими, вспомогательными речевыми актами или даже комплексом речевых актов, не включающим собственно соболезнование (но в целом реализующим искомую интенцию). В нашей работе такого рода высказывания мы рассматриваем как полиинтенциональные и относим к гибридному способу реализации интенции. Простая иллокутивная модель, на наш взгляд, есть не что иное, как прямой речевой акт соболезнования.

Прямой речевой акт соболезнования

К языковым средствам прямого выражения **интенционального** смысла в высказываниях соболезнования относятся:

I. Глагол *kondolieren – соболезновать,* употребляющийся перформативно: *Kondoliere noch einmal. – Danke. Es ist schön, es überstanden zu haben* [Ragde, 2022] *– Еще раз соболезную. – Спасибо. Хорошо, что все закончилось.*

Высказывания с глаголом *kondolieren* встречаются в нашем корпусе реже по сравнению с другими способами выражения соболезнования, поскольку этот глагол имеет более формальный и несколько старомодный оттенок значения.

II. Производное от упомянутого глагола существительное *Kondolenz – соболезнование,* часто в качестве прямого дополнения с глаголами говорения *aussprechen/äußern/ausdrücken – высказывать/выражать*:

Meine Kondolenz, Signor Maggiore. – Ich danke dir, Alfredo. [Jaeger, 2010] – *Мои соболезнования, сеньор Маджоре. – Спасибо тебе, Альфредо.*

Zunächst möchte ich Ihnen meine Kondolenz zum Versterben Ihres Papas vor einer Woche aussprechen [Färber, 2021] – *Прежде всего я хотел бы выразить соболезнования в связи с кончиной вашего отца неделю назад.*

Это существительное тоже стилистически маркировано и относится к более формальному, высокому стилю речи (традиции официальной риторики), что свидетельствует об уважительной, но несколько дистанцированной, «холодной» форме отношений коммуникантов, не передает личное участие и эмпатию.

III. Существительное *Beileid – соболезнование* в идентичной существительному *Kondolenz* семантико-синтаксической модели (см. II):

Mein Beileid wegen deiner Mama [Burdick, 2024] – *Мои соболезнования в связи с уходом твоей мамы*.

Ich spreche dir mein aufrichtiges Beileid aus – Я приношу тебе мои искренние соболезнования (АУК).

<…> und ich möchte allen hier mein tiefstes Beileid aussprechen [Wilkenloh, Poppenspäl: Der dritte Fall für Jan Swensen, 2011] – *<…> и я бы хотела всем здесь выразить свои глубочайшие соболезнования*.

IV. Существительное *Anteilnahme – участие, соболезнование* также в виде краткой перформативной номинализации:

Herzliche Anteilnahme – Искренние соболезнования (АУК).

Meine aufrichtige Anteilnahme. Sie war eine wunderbare Frau mit einem Herzen aus Gold. [Verant, 2022] – *Мои искренние соболезнования. Она была замечательной женщиной с золотым сердцем.*

Лексемы *Beileid* и *Anteilnahme* используются в высказываниях соболезнования синонимично, но имеют разные оттенки значения. *Beileid* имеет формальный характер, фокусируется на факте утраты и используется в стандартных высказываниях как элемент ритуала, *Anteilnahme* менее формально, подчеркивает эмоциональное соучастие и выражает сопереживание не только по поводу утраты, но и общую эмоциональную боль.

Наше исследование, в том числе результаты опроса показывает, что подавляющее большинство высказываний соболезнования (по данным опроса, 94% всех прямых высказываний соболезнования) реализуется именно посредством усеченной (свернутой) перформативной формулы, в предикативной

позиции которой находится номинализация *Beileid.* Такая форма реализации соболезнования является, по сути, безошибочным способом совершить необходимое социально обусловленное речевое действие; это некое экспресс-высказывание, которое всегда наготове на случай, если с ходу не получается подобрать нужные слова. С другой стороны, использование в речи этого клише дает говорящему время на то, чтобы найти более проникновенные, более теплые и искренние средства выражения своего эмоционального состояния в ситуации, которая, как правило, является шоком для говорящего. Этим можно объяснить тот факт, что в 90% случаев (согласно опросу) клишированная формула при произнесении соболезнований близкому другу далее дополняется декларацией понимания и готовности оказать поддержку, высказываниями утешения, сочувствия и других речевых действий (см. Полиинтенциональность речевого акта соболезнования).

Пропозициональный смысл высказываний соболезнования, как правило, не требует экспликации, он очевиден из контекста происходящего и предполагается уже самой ситуацией произнесения соболезнования. Кроме того, в ситуациях скорби люди часто находятся в уязвимом эмоциональном состоянии, поэтому прямое называние пропозиции – напоминание об утрате может усилить боль или вызвать нежелательные эмоции у адресата, быть воспринято как нарушение этических границ. Общий ритуализированный характер соболезнования сосредоточен именно на выражении сопереживания без обсуждения деталей или обстоятельств ситуации.

Вербализация пропозиции дополняет высказывание новым смыслом: делает высказывание более конкретным, подчеркивает осведомленность и участие говорящего именно в данной ситуации (ср. *Mein Beileid!* и *Mein herzliches Beileid zum Tod deiner Mutter),* позволяет ему более явно выразить свое сочувствие. Иногда говорящий предваряет выражение соболезнования осторожным извинением за ситуативную необходимость сделать это: *Mr. Anders, ich muss das leider erwähnen. Mein Beileid zum Tod Ihres Sohnes* [Nicol, 2015] – *Мистер Андерс,*

к сожалению, мне приходится об этом упомянуть. Мои соболезнования в связи со смертью Вашего сына.

Пропозиция вербализуется в форме предложного дополнения с предлогом *zu* или предлогом *wegen:*

Mein Beileid zu ihrem familiären Verlust – Мои соболезнования в связи с потерей в вашей семье (АУК).

Mein aufrichtiges Beileid zu Ihren Verlusten, Frau Lettenberg. [Emme, 2011] – *Примите мои искренние соболезнования в связи с Вашей утратой, госпожа Леттенберг.*

Mein Beileid wegen deiner Mama! [Burdick, 2024] – *Мои соболезнования в связи с уходом твоей мамы.*

Выражение пропозиции придаточным предложением в высказываниях соболезнования в принципе тоже возможно (*Mein Beileid, weil du deine Mutter verloren hast*), но такая форма менее частотна по сравнению с краткими и лаконичными формулами, она является скорее исключением, чем правилом.

Эмотивный смысл реализуется в высказываниях соболезнования при использовании нескольких инструментов. Наличие в высказывании обоих антропокомпонентов (притяжательные и личные местоимения *mein* и *dir/Ihnen)* выделяют **реляционный** компонент смысла, свидетельствуют о персонализации соболезнования, то есть подчеркивает личное отношение говорящего к утрате (*mein Beileid, wegen deiner Mama)*, делают высказывание более личным и эмпатичным. В приведенном выше примере (*und ich möchte allen hier mein tiefstes Beileid aussprechen*) антропокомпонент расширяет адресатное поле (*allen hier*), создавая ощущение коллективного сопереживания, подчеркивает общую скорбь и единство в момент утраты.

Указанием на адресата может являться обращение: *Mein Beileid, Frau Stephanus.* [Schmöe, 2011] – *Примите мои соболезнования, госпожа Штефанус.* Оно свидетельствует о желании говорящего создать более личный и эмоционально близкий контакт с адресатом. Высказывание становится

индивидуализированным, перестает быть формальным выражением сочувствия, несмотря на использование клише.

В модели с лексемой *Beileid* часто актуализируется **эмоциональный** смысл, операторами которого становятся оценочные прилагательные (*herzlich – сердечный, aufrichtig – искренний, tief – глубокий*), в том числе в превосходной степени (*mein tiefstes Beileid*), например: *Mein herzliches Beileid zum Tod deiner Mutter*. [Bradley, 2014] – Мои *глубочайшие соболезнования в связи со смертью твоей матери.*

Конструкция с лексемой *Beileid* часто модифицируется модальным глаголом *möchte*, смягчающим высказывание, делающим его более деликатным и являющимся оператором **модальной** прослойки в общей структуре смысла:

Ich möchte dir mein Beileid aussprechen! Es tut mir sehr leid... – Я бы хотел(а) принести тебе мои соболезнования! Мне очень жаль.... (АУК)

Zunächst einmal möchte ich Ihnen mein herzliches Beileid aussprechen zum Tod Ihres Freundes. [Wittelkindt, 2016] – *Прежде всего я хотел бы выразить свои глубочайшие соболезнования в связи со смертью Вашего друга.*

Модальный глагол эксплицитно показывает желание говорящего выразить соболезнование, создает ощущение искренности и подчеркивает неформальность высказывания. Но только выражением намерения функции модального глагола не ограничивается: высказывание с *möchte* звучит более осторожно, что особенно важно в момент горя, показывает уважение к эмоциональному состоянию адресата, как бы оставляя пространство для восприятия соболезнования, уменьшая давление клишированной формулы.

Косвенный речевой акт соболезнования

Конвенциональный косвенный способ реализации интенции соболезнования включает следующие языковые средства:

I. Средства, идентичные средствам актуализации интенции сочувствия прямым способом, то есть: глагол *mitfühlen*, существительное *Mitgefühl* в качестве

прямого дополнения с глаголами говорения *aussprechen/ausäußern/ausdrücken* и перформативная номанализация *Mein Mitgefühl/Mitleid:*

Jan Swensen, Kriminalpolizei Husum, wir ermitteln im Todesfall von Hanna Lechner. Erst mal möchte ich Ihnen mein aufrichtiges Mitgefühl aussprechen. [Wilkenloh, Poppenspäl: Der dritte Fall für Jan Swensen, 2011]

– Ян Свенсен, уголовный розыск Хузума, мы расследуем смерть Ханны Лехнер. Прежде всего, я хотел бы выразить Вам свои искренние соболезнования.

Такой способ выражения соболезнования часто используется при статусном равенстве коммуникантов: *Ich fühle mit dir. Sag mir, wenn ich helfen kann – Я сочувствую тебе. Скажи мне, если я могу помочь* (АУК)*;*

Darf ich dir mein herzliches Mitgefühl aussprechen? – Позволь мне выразить тебе мое искреннее сочувствие (АУК)*;*

Mein herzliches Mitgefühl – Мое искреннее сочувствие (АУК).

Можно сказать, что подобные высказывания реализуют одновременно две иллокутивных цели: выражение сочувствия и соболезнования. Они встречаются в неформальных, более интимных контекстах, когда человек хочет подчеркнуть, что он понимает и разделяет чувства гори и скорби. Косвенность высказываний с лексемами *mitfühlen, Mitgefühl* проявляется в том, что вместо прямого выражения соболезнования говорящий фокусируется на передаче своего эмоционального состояния и сочувствия по отношению к горю адресата.

II. Глагол *leid tun*: *Es tut mir leid – Мне жаль* (АУК);

Mein Sohn ist vor ein paar Jahren bei einem Segeltörn ertrunken. – Das tut mir wirklich sehr leid. [Wittelkindt, 2016] – *Мой сын утонул во время морского путешествия несколько лет назад. – Мне очень, очень жаль.*

При выражении соболезнования с использованием этого глагола говорящий выражает свое сочувствие относительно ситуации (указательное местоимение *das)* через выражение своего эмоционального состояния – меняет референтную ситуацию, что смягчает прямоту соболезнования и передает интенцию поддержки более завуалированно.

При использовании говорящим данной конструкции **пропозициональный** элементарный смысл может быть выражен придаточным подлежащным либо изъяснительным в постпозиции к главному предложению:

Es tut uns sehr leid, was mit Ihrem Sohn passiert ist. [Bekker, 2023] – *Мы очень сожалеем о том, что случилось с Вашим сыном.*

В высказывании *Es tut mir sehr Leid um Ihren Vater. Er war ein guter Arzt und ein guter Mensch.* [Stahl, 2005, S. 74] – *Я очень сожалею о вашем отце. Он был хорошим врачом и хорошим человеком* пропозициональный смысл актуализируется частично конструкцией предлог *um* + существительное (возможен также предлог *für*). Полностью повод для выражения соболезнования не называется, так как оно произносится непосредственно после констатации смерти врачом, и таким образом, полная пропозиция становится избыточной.

Использование глагола *leid tun* в немецкой лингвокультуре не характерно для прагматической ситуации соболезнования коллеге или знакомому (всего в 2 ответах), но характерно для соболезнования близкому другу по поводу кончины кого-то из родственников, а также по поводу смерти питомца (в этой ситуации встречается в 37% ответов). Характерно в этом случае, что высказывание включает разнообразные междометия, частицы и вокативы, которые представляют собой операторы порождения дополнительного **эмоционального** смысла: *Oh, Mensch/Oh, du Ärmste, das tut mir aber so leid für dich – О, Боже/Ох, ты бедняжка, мне ведь так тебя жаль...* (АУК)

<u>Ach</u> <u>Veronika</u>, es tut mir <u>ja so</u> leid. Nun hat er es doch nicht geschafft. [Trittin, 2016] – *Ах, Вероника, мне очень жаль. Он все-таки не справился.*

<u>Ach</u> <u>Veronika</u>, es tut mir <u>aber</u> leid. [Trittin, 2016] – *Ах, Вероника, мне так жаль.*

Глагол *leid tun* используется, как показывает наше исследование, во всех симпативных речевых актах, что дает нам основание назвать их «словами-раковинами» *(shell nouns),* используя метафору Х. Шмида [Schmid, 2000, с. 30, цит. по: Трофимова, 2008, с. 332]. Он рассматривает такого типа слова как

контейнеры, в которые в определенном контексте, благоприятном для раскрытия «створок раковины», как жемчужина вкладывается «правильное» содержание: искреннее сожаление, глубокое сочувствие или соболезнование. Такого рода слова (в перечень можно включить и рассмотренные выше существительные *Mitleid, Mitgefühl*) открывают пространство для интерпретации, позволяя говорящему выразить свою эмпатию в разнообразных контекстах. Этот факт в свою очередь подчеркивает важность контекста, который раскрывает «створки раковины», наполняя высказывание нужным смыслом и соответствующей эмоцией. Таким образом, универсальные лексемы типа *leid tun* иллюстрируют способность языка гибко адаптироваться к потребностям коммуникации, обеспечивая адекватность и разнообразие способов выражения эмоций и намерений.

Имплицитное выражение соболезнования

Соболезнование может быть реализовано имплицитно, то есть не через явные и стандартные фразы, включающие прямое выражение соболезнования при помощи лексем *Beileid, Kondolenz, Anteilnahme, kondolieren* или конвенциональное косвенное при помощи лексем *Mitgefühl, Mitleid, leid tun*. Имплицитное выражение соболезнования не обязательно содержит прямое упоминание печального события, но передает сопереживание и поддержку, которые считываются из контекста, тона голоса, ситуации. Так, следующий пример показывает первую реакцию на сообщение адресатом о смерти близкого ему человека: *Oh Gott, Liebling! Bei Allah, das ist ja entsetzlich! Nadja, Habibi! Es tut mir so leid!* [Lind, 2023] – *О Боже, дорогая! Клянусь Аллахом, это ужасно! Надя, хабиби! Мне очень жаль!* В этом высказывании говорящий прямо оценивает услышанное как крайне отрицательное (*das ist ja entsetzlich)* и сожалеет о том, что случилось (*Es tut mir so leid*). Высказывание эмоционально выделяется употреблением междометных выражений *Oh Gott* и *Bei Allah,* интимные обращения *Liebling* и *Habibi* (оба означают «дорогой, любимый») подчеркивают

эмоционально близкие отношения между коммуникантами. В целом это высказывание без сомнения интерпретируется как эмоционально насыщенное соболезнование, в котором говорящий выражает глубокое потрясение и сочувствие утрате адресата.

Следующий пример содержит оценку факта ранней кончины супруга женщины-адресата, прямо слова соболезнования не реализуются, однако высказывание однозначно интерпретируется как соболезнование: *Furchtbar, dass er so früh gehen musste… – Ужасно, что ему пришлось уйти так рано…* (АУК). Несмотря на то, что пропозициональный компонент смысла здесь выражен эксплицитно при помощи придаточного изъяснительного предложения, акцент сделан на оценочном смысловом элементе, который тесно переплетен с эмоциональным за счет использования прилагательных *furchtbar* и *früh*, а также интенсификатора *so*.

Соболезнование может выражаться внешне неоценочными высказываниями. Этот вид речевого акта отличается непредсказуемостью форм, которые зависят от личности говорящего, его языковых потенций, различных социально обусловленных особенностей. Правильностью прочтения интенции в таких случаях управляет контекст и пресуппозиция – сообщение о смерти человека, близкого адресату. Примером такого типа соболезнования может быть формальная декларация осведомленности говорящего о печальном событии: *Nadja, wir haben gehört, was passiert ist. Liebes, wir sind alle ganz außer uns! Du Arme!* [Lind, 2023] – *Надя, мы знаем, что произошло. Дорогая, мы все вне себя! Бедная!* Маркером интенции в приведенном высказывании является указание на знание говорящего о том, что случилось (*wir haben gehört, was passiert ist*). Семантические шаги, определяющие расстояние между этой подсказкой и правильной интерпретацией высказывания, следующие: W*ir haben das gehört, was passiert ist (dass Karim gestorben ist). Wir sind emotional erschüttert und wir sind ganz außer uns. Wir wissen, wie viel er für dich bedeutet hat, und verstehen, wie schwer du es jetzt hast. Wir haben ein tiefes Mitgefühl mit dir, weil wir dich für einen uns*

nahestehenden Menschen halten, und schätzen deinen emotionalen Zustand als einen ärmlichen. – Мы слышали, что произошло (что Карим умер). Мы эмоционально опустошены и вне себя от печали. Мы знаем, как много он для тебя значил, и понимаем, как тебе сейчас тяжело. Поэтому, относясь к тебе как к очень близкому нам человеку, мы сочувствуем тебе всей душой и оцениваем твое эмоциональное состояние как плохое.

Имплицитное соболезнование может выражаться в форме констатации собственного эмоционального состояния в связи со смертью третьего лица, как в следующем примере: *...ich bin total geschockt. Wir alle sind total geschockt* [Bomm, 2012] – *… я совершенно потрясена. Мы все совершенно потрясены.* В приведенном высказывании нет элементов, называющих причину эмоционального состояния говорящего, однако в общем контексте оно однозначно интерпретируется не только как эмоциональное потрясение, вызванное неожиданностью и трагичностью события, но и как включенное в эту констатацию соболезнование. Говорящий делает акцент на своем шоковом состоянии и затем экстраполирует эту констатацию на всю группу причастных людей, создает ощущение коллективного переживания утраты. Такой синтаксический повтор (*ich bin total geschockt, wir sind total geschockt)* значительно повышает интенсивность и эмоциональность высказывания. Выбор лексических средств (*total, geschockt)* тоже передает глубокое потрясение от известия о печальном событии и свидетельствует о том, что оно вышло за пределы обычного эмоционального диапазона. Очевидно, что в высказываниях такого рода практически все смысловое пространство заполняет эмоциональный компонент, отодвигая все остальные – не менее важные – на второй план, в имплицитное.

Как показывает анализ, имплицитное соболезнование может выражаться просто при помощи междометий и междометных выражений, модифицированных частицами и вокативами. В такого рода высказываниях интенциональный и пропозициональный элементы смысла скрыты, спрятаны «в дальнем углу»

смыслового комплекса. Единственным вербализованным, а, следовательно, занимающим весь передний план, элементом смысла становится эмотивный смысл в его триединстве. Собственно междометия реализуют эмоциональный смысловой компонент; факт произнесения сочувственной фразы свидетельствует о не-нейтральном отношении говорящего к адресату, то есть актуализирует реляционный смысл; а семантическое наполнение выбранных операторов может передавать оценочный смысл. Например:

Ach/Oh nein – Ах/О, нет (АУК)*;*

Oh, du Ärmste – Ох, ты бедняжка (АУК)*;*

Ach der arme... – Ах, бедный... (АУК);

Ach du Scheiße! – О черт! (АУК);

Du Arme. Tut es sehr weh? – Ты бедняжка. Тебе очень больно? (АУК).

Динамика смысла в высказываниях соболезнования

Подробно рассматривая процесс формирования смысла речевого акта соболезнования, можно сделать вывод о доминировании в нем **интенционального** компонента. Эта часть смысла соответствующих высказываний является самой важной для реализации социально заданных для соболезнования регулирующих правил кооперативного речевого поведения. Эта часть смыслового комплекса показывает готовность говорящего к контактоподдержанию, его принадлежность к социализированным членам общества. Именно эта часть смысла прямо или косвенно эксплицируется в подавляющем большинстве высказываний соболезнования:

Herzliches Beileid, Bernd [Imbsweiler, 2011] – *Искренние соболезнования, Бернд.*

С одной стороны, прагматические условия коммуникации делают полную перформативную формулу соболезнования функционально избыточной: сказав слишком много и не зная всех нюансов, говорящий рискует задеть чувства скорбящего. С другой стороны, анализ конституирования смысла речевого акта соболезнования позволяет говорить о том, что изолированное употребление

кратких перформативных номинализаций (*Beileid! Anteilnahme! Kondolenz! – досл. Соболезнования!*) фактически сводит на нет интенцию говорящего проявить искреннее участие в жизни скорбящего. Прямой перформатив соболезнования при отсутствии модификаторов (напр.: *Ich spreche Ihnen mein Beileid aus; Ich sage Ihnen mein Beileid – Я приношу Вам свои соболезнования; Я выражаю Вам свои соболезнования*) звучит слишком официально и подходит скорее для публичного принесения соболезнований.

Говорящий, искренне разделяющий с адресатом горечь утраты, всегда стремится снизить формальность, клишированность высказываемого соболезнования, подчеркивая тем самым свое сопереживание и неподдельное сочувствие. Таким образом, **реляционный** смысл в высказываниях соболезнования выводится на передний план [Трофимова, 2015, с. 42]. Так, нетипичная для соболезнования развернутая конструкция в сочетании с косвенной формой его реализации сразу привлекают внимание:

Erlauben Sie mir erstens, mein Mitgefühl für den Tod von Francisco zum Ausdruck zu bringen… [Stollner, 2024] – *Прежде всего, позвольте мне выразить мои соболезнования в связи со смертью Франциско...*

В следующем примере говорящий не ограничивается стандартной формулой *Mein Beileid*, так как его коммуникативные намерения не сводятся лишь к отправлению формальной вежливости. Говорящий хочет расположить к себе и разговорить адресата, заставить его излить душу, и делает это, выражая «искреннее» сочувствие, но преследуя свои цели:

“Mein Beileid”, sagte sie und versuchte, dabei möglichst vertraulich zu wirken. “Sie müssen ja einiges durchgemacht haben in den letzten Tagen.” [Bauer, Karambolage, 2011]

– «Мои соболезнования», – сказала она, пытаясь звучать при этом как можно более доверительно. «Вы, должно быть, многое пережили за последние несколько дней».

Высказывание соболезнования с использованием краткой перформативной номинализации может сопровождаться эксплицитным выражением оценки сложившейся ситуации *(eine schwierige Situation),* усиленной такими наречиями как *sicher* и *sehr*. Здесь высвечивается **оценочный** компонент смысла. Наречие *nun* тоже, в свою очередь, модифицирует смысловой комплекс высказывания: *Es ist sicher für Sie nun eine sehr schwierige Situation, mein Beileid – Это, безусловно, очень тяжелая ситуация для Вас, мои соболезнования* (АУК).

Эмоциональный смысловой компонент актуализируется в высказываниях соболезнования стандартными, клишированными прилагательными, стоящими в позиции атрибута к анализируемым в данном параграфе существительным. Напомним, что ряд таких прилагательных включает лексемы *herzlich – сердечный, aufrichtig – искренний, tief – глубокий.* Возможно некоторое усиление эмоционального компонента за счет использования формы превосходной степени прилагательного.

Группу операторов, также реализующих эмоциональный смысл, составляют разнообразные междометия, частицы и вокативы (примеры см. выше), придающие речевому акту соболезнования дополнительную эмоциональность тогда, когда это соответствует коммуникативной задумке говорящего.

Следующий пример демонстрирует смысловое единство, в котором можно, тем не менее, четко вычленить отдельные компоненты. Интенция реализуется эксплицитно. Не-нейтральное отношение к адресату проявляется за счет дополнительной фразы, смягчающей клише, и за счет обращения по имени. Эмоциональный и оценочный компоненты сплелись воедино, актуализируемые словосочетанием *so unfassbar*. И только пропозициональный компонент остается невербализованным, так как о событии в основе пропозиции хорошо знают оба коммуниканта:

Mein Beileid, Bernhild. Es ist so unfassbar! [Schmöe, 2011] – *Прими мои соболезнования, Бернхильд. Просто в голове не укладывается!*

Необходимо отметить, что, как правило, речевой акт соболезнования не требует эксплицитного выражения повода его высказывания, то есть пропозициональный компонент остается на периферии смысла. Если же пропозиция выводится в вербализованную часть высказывания, то это, как правило, происходит в ситуациях, темпорально отсроченных от момента трагедии, либо если один из коммуникантов не знает о случившейся беде:

Mein Beileid übrigens zu seinem so plötzlichen Tod! [Dönges, 2024] – *Кстати, примите мои соболезнования в связи с его внезапной смертью!*

Если повод для соболезнования все же называется, то он часто вербализуется эвфемистическими выражениями, или вуалируется. В примере *Der Anlass ist ja leider kein besonders lustiger. Mein herzlichstes Beileid, Frau Gertrud* [Bauer, Fernwehträume, 2011] – *К сожалению, повод не самый радостный. Примите мои самые искренние соболезнования, госпожа Гертруда* пропозиция намеренно не вербализуется, о ней говорит лишь общее обозначение *Anlass*, оцениваемое как печальное.

Интересной и распространенной модификацией смыслового единства высказываний соболезнования можно считать актуализацию **модального** смысла.

Модальный смысл, составляющий в общем смысловом комплексе лишь небольшую прослойку и далеко не всегда находящийся в вербализованной части высказывания, выводится на передний план в соболезнованиях модальными глаголами *möchten – хотел бы, dürfen – позволять себе, иметь/получать разрешение, wollen – хотеть*. Проявление модального смысла возможно исключительно в синтаксических моделях, где описываемая интенция реализуется глаголами говорения в сочетании с существительными *Beileid/Mitgefühl*. Следует заметить, что наиболее характерна такая смысловая модификация именно для выражений соболезнования, поскольку указанные модальные глаголы снижают прямолинейность иллокутивного компонента и позволяют говорящему несколько лавировать в рамках прагматической ситуации:

Darf ich mein Beileid aussprechen? – Позвольте мне выразить мои соболезнования (АУК)*;*

Ich wollte Ihnen noch einmal mein Beileid aussprechen und alles Gute wünschen. [Gibert, 2011] – *Я хотел еще раз выразить Вам свои соболезнования и пожелать всего наилучшего.*

Ich möchte Ihnen mein Beileid sagen – Я хотел бы высказать Вам свои соболезнования (АУК).

В данных примерах наряду с полной формой эксплицитного выражения интенции соболезнования используются модальные глаголы в качестве модифицирующих смысл операторов со «смягчающим» иллокутивную силу действием. Так, значение модального глагола *dürfen* предполагает получение права на совершение речевого действия [Duden, 1998, с. 94].

В целом очевидно, что для реализации в речи очень ритуализированного речевого действия соболезнования в распоряжении говорящего имеется относительно небольшой арсенал клишированных средств выражения. Однако, как уже было замечено выше, стандартная усеченная перформативная формула соболезнования в случае искреннего участливого выражения сочувствия разворачивается, дополняется элементами, эмоционализирующими высказывание, реализующими дополнительные интенции говорящего. Говорящий может также прибегнуть к косвенному способу выражения соболезнования.

§ 2.5. Структура смысла в симпативных высказываниях

Анализ формирования смысла в высказываниях, реализующих симпативные речевые акты соболезнования, сочувствия и сожаления, показывает, что они включают элемент почтения, с помощью которого адресату регулярно сообщается об уважительном отношении к нему [Goffmann, 1973, с. 55]. Оказание партнеру знаков внимания было даже возведено в принцип [Leech, 1983, с. 82], который в применении к речевой коммуникации определяется как особая стратегия речевого

поведения, направленная на предотвращение возможных конфликтных ситуаций и реализуемая с помощью различных правил и тактических приемов.

В результате проведенного исследования мы обнаружили, что симпативы вслед за социативами, часть которых они по сути составляют, действительно в той или иной степени подчиняются правилам и, незначительно видоизменяясь и адаптируясь к прагматическим условиям речевого взаимодействия, воспроизводят то, что уже множество раз повторялось членами языкового сообщества в типичных ситуациях общения. Поэтому коммуникативные акты, реализующие соболезнование, сочувствие и сожаление, часто выстроены по определенному шаблону, следуют известной коммуникантам заранее установленной схеме, предписывающей им совершение тех или иных речевых шагов. Коммуницирование в подобных ситуациях – это своего рода ритуал. Так, соболезнование прямо относят к ритуальным действиям. Отсюда и особенности языкового воплощения симпативов – коммуниканты зачастую прибегают к стереотипным речевым моделям, языковая форма которых оттачивалась на протяжении веков. Такая коммуникативная стратегия освобождает говорящего от необходимости внимательно следить за отдельными ступенями коммуникативного акта, речевой акт осуществляется автоматически, почти бессознательно. При этом ритуальный характер общения представляется «выгодным» не только для адресанта, но и для адресата: ему легче декодировать высказывание, оформленное привычными, ожидаемыми для него самого языковыми средствами.

Основным элементом, конституирующим смысл симпативных речевых актов, представляется интенциональный смысл, так как именно он вербально реализуется в симпативах в обязательном порядке. Реализация интенции – это собственно то, ради чего осуществляется любой экспрессивный – не только симпативный – речевой акт. Очень часто в симпативах бывает вербально выражена только иллокутивная часть. Это подчеркивает важность данного компонента смысла:

1) *Ich fühle mit Ihnen.* [Klugmann, 2004] – *Я Вам сочувствую.*

2) *„Mein Beileid“, sagte sie und versuchte, dabei möglichst vertraulich zu wirken.* [Bauer, Karambolage, 2011] – *«Примите мои соболезнования», – сказала она, стараясь казаться при этом как можно более участливой.*

Набор средств актуализации интенционального смысла в симпативах ограничивается соответствующими перформативными глаголами и синонимичными им перформативными номинализациями: *bedauern, bereuen, Leid tun* или прилагательное *Schade* при сожалении, *mitfühlen, mitleiden, Mitgefühl, Mitleid* при сочувствии, *kondolieren, Kondolenz* или *Beileid, Anteilnahme* при соболезновании. Эти эксплицитно-перформативные средства в основном функционируют самостоятельно (*Es tut mir Leid! – Мне жаль!)*, но могут быть модифицированны интенсифицирующими или модализирующими операторами (модальными глаголами, частицами, наречиями образа действия), порождающими новые, в том числе окказиональные, нюансы смысла:

Mein herzliches Beileid – Мои искренние соболезнования. (АУК)

Herzliche Anteilnahme! – Искренние соболезнования! (АУК)

Ich möchte Ihnen mein Beileid sagen. – Я хотел бы принести Вам мои соболезнования. (АУК)

Sehr schade. – Очень жаль. (АУК)

Das ist ja schade. – Как же жаль. (АУК)

Пропозициональный компонент смысла в симпативах представлен всегда, однако, форма его реализации неодинакова в разных высказываниях. Этот компонент смысла часто бывает нематериализован, имплицирован, скрыт, поскольку пропозиция представляет собой повод для произнесения соболезнования, сочувствия или сожаления, что предполагает общую для всех симпативов отрицательную оценку события-пропозиции как говорящим, так и слушающим. Это некое положение дел в реальном мире, которое рассматривается как негативное для адресата, а адресант испытывает отрицательные эмоции как бы заодно с адресатом, из «солидарности», тем самым проявляя эмпатию. Суть

симпативного речевого акта состоит в самом факте его осуществления, соответственно, нет необходимости проговаривать снова и снова то плохое, что послужило поводом для его реализации. И говорящий, и слушающий понимают, о чем идет речь:

1) *„Das tut mir leid“, bringt Mielke mit Mühe über die Lippen. „Mein herzliches Beileid.“* [Wilkenloh, Poppenspäl, 2011] – *«Мне жаль», – с трудом произносит Мильке. «Мои искренние соболезнования».*

2) *Sie nickte stumm. „Noch einmal herzliches Beileid“, murmelte Juricek verlegen. Er war für solche Situationen nicht geschaffen.* [Bauer, Karambolage, 2011] – *Она молча кивнула. «Еще раз искренние соболезнования», – смущенно пробормотал Юричек. Он не был создан для подобных ситуаций.*

Однако, нельзя говорить о полном отсутствии в смысловой структуре симпативных высказываний пропозиционального смысла. Он виртуально присутствует, находясь на периферии смыслового комплекса, подразумевается, а при любом недопонимании может быть озвучен и выведен тем самым на передний план. Пропозиция может быть вербализована, например, тогда, когда реализация речевого действия темпорально отсрочена от ситуации-повода или когда симпатив используется в качестве реплики-стимула в инициирующей диалог позиции:

Schade, dass du gehst – Жаль, что ты уходишь (АУК).

Здесь придаточное изъяснительное предложение *dass du gehst – что ты уходишь* является пропозициональным содержанием и нуждается в вербализации, иначе смысл речевого акта может быть истолкован по-разному.

Еще пример эксплицитного выражения пропозиции в реплике-стимуле:

Leider muss ich Ihnen mitteilen, dass Ihr Chef am frühen Morgen verstorben ist, mein herzliches Beileid. [Schneider, 2011] – *К сожалению, я должен Вам сообщить, что Ваш шеф скончался сегодня рано утром, мои искренние соболезнования.*

Как правило, пропозиция в симпативах воспринимается участниками коммуникации как событие негативное для адресата. В случае сожаления, однако,

вектор пропозиции не ограничен: факт действительности, рассматриваемый как нежелательный может относиться как к говорящему либо слушающему, так и к третьему лицу: *Schade, dass Martina so schlecht Französisch kann. – Жалко, что Мартина так плохо говорит по-французски* (АУК). Иными словами, в случае сожаления пропозиция не ограничена направленностью только на адресата. Факт действительности предстает с точки зрения говорящего как бы объективно негативным, негативным для всех.

Таким образом, рассматривая все симпативы, мы можем заметить, что общая конфигурация фундаментальных смыслов конвенциональных симпативов характеризуется двумя основными признаками: облигаторной вербальной выраженностью интенционального смысла и «скрытостью», имплицированностью пропозиционального смысла.

Следующий элемент смыслового единства – эмотивный смысл – объединяет три элементарных смысла: эмоциональный, оценочный и реляционный. Данные элементарные смыслы представлены в высказываниях соболезнования, сочувствия, сожаления неравнозначно. Операторами, актуализирующими эмотивный смысл, являются различные прилагательные соответствующей семантики, наречия-интенсификаторы, частицы, междометия. Их появление в высказывании манифестирует попытку уйти от ритуальности, клишированности речевого действия, сделать его более теплым и искренним, оказывая тем самым большее влияние на адресата.

Реляционный компонент смысла присутствует в высказываниях, реализующих симпативные речевые акты, всегда и является наиболее важным в рамках «триединого» эмотивного смысла, так как произнесение соболезнования, сочувствия или сожаления само по себе говорит о «не-нейтральном» отношении отправителя высказывания к собеседнику. Этот смысловой компонент может быть усилен. На передний план его выводят нарушения стандартной синтаксической структуры предложения, развернутая формула высказывания вместо клише, использование вокативов либо модификаторов – прилагательных и

наречий (*ehrlich, wirklich, echt, aufrichtig – честно, действительно, правда, искренне*). Реляционный смысл часто предстает как тесно сплетенный с эмоциональным, так как реализуется схожими операторами. Выход за рамки ритуала, формул, конвенций вносит элемент персонализации в ситуацию общения, свидетельствует об особо теплом, сердечном отношении говорящего к партнеру. В этой связи можно сравнить произносимое «на бегу» клише *Mein Beileid! – Мои соболезнования!* и искреннее, прочувствованное соболезнование, реализованное развернутой формулой при наличии двух антропокомпонентов: *Darf ich dir mein herzliches Mitgefühl aussprechen? – Позволь мне выразить тебе мое искреннее сочувствие.*

Или, например: *Ich möchte Ihnen als Erstes mein Beileid aussprechen.* [Mader, 2011] – *Прежде всего, я хотел бы выразить Вам мои соболезнования.*

Важным оператором, актуализирующим постоянно незримо присутствующий в симпативном высказывании реляционный смысл, являются обращения. Формально они нарушают закон языковой экономии, но вместе с тем располагают адресата к говорящему, дополнительно фокусируют его внимание на факте высказывания, подчеркивают искренность, заинтересованность говорящего. Обращения снижают степень клишированности симпативного речевого акта, делая его более индивидуальным: *Mein Beileid zum Tod Ihres Sohnes, Vonda.* [Pelecanos, 2018] – *Мои соболезнования в связи со смертью Вашего сына, Вонда.*

Еще один пример вербализации реляционного смысла при помощи обращения, развернутой формулы высказывания и эксплицитного называния обоих антропокомпонентов:

Bitte entschuldigen Sie, dass ich Sie einfach anrufe, Frau Leimbach. Ich wollte Ihnen nur mein Beileid aussprechen. [Karnani, 2011] – *Пожалуйста, извините, что я Вам так запросто звоню, госпожа Леймбах. Я просто хотела выразить Вам свои соболезнования.*

Оценочный смысл «спрятан», как правило, в глубинных слоях целостного смысла высказывания и не выводится в вербализованную часть. Причиной этому

является исключительный объем выражаемого интенционального смысла, который заполняет все «уголки» поверхностного смыслового слоя, не допуская, но предполагая другие элементы. Кроме того, ситуации произнесения соболезнования, сочувствия и сожаления конвенциональны и предполагают совершенно однозначно определенную оценку положения дел – повода для их совершения. При нарушении конвенций и произнесении, например, сочувствия по поводу, оцениваемому адресатом положительно, речевой акт заранее обречен на коммуникативную неудачу – он будет рассматриваться как саркастический, неуважительный и может привести к конфликту. Такая априорная квалификация выраженного в пропозиции событийного фона делает вербализацию оценочного смысла избыточной.

Примерами актуализации оценочного компонента смысла могут послужить следующие высказывания:

Mein Mitgefühl, das ist aber traurig! – Сочувствую, это очень печально! (АУК)

Es ist sicher für Sie nun eine sehr schwierige Situation, mein Beileid! – Для Вас сейчас, несомненно, очень тяжелая ситуация, мои соболезнования! (АУК)

Особенность актуализации эмоционального смысла при совершении симпативных речевых актов заключается в том, что выражение эмоций сдерживается рамками ритуала, имеющего четкие правила и определяющего регламент общения. Поэтому эмоциональный смысл (так же, как и оценочный) остается чаще всего невостребованным и находится в дальней, периферийной части смыслового единства, хотя и в степени готовности к актуализации при первой необходимости. Открытое выражение эмоций выводит речевое действие за границу конвенционального, того, «как принято», и позиционирует его в сферу либо искреннего высказывания, либо чересчур эмоционального и оттого не в полной мере адекватного:

Du hast mein <u>zutiefst</u> <u>empfundenes</u> Mitgefühl! [Franzinger, 2011] – *Я тебе очень глубоко сочувствую!*

Следующие высказывания представляют собой яркие примеры экспликации эмоционального смысла в симпативах:

1) *Es tut mir wirklich unheimlich leid, aber ich bin an dem Tag dienstlich unterwegs. – Мне правда безумно жаль, но в этот день я буду в отъезде по работе* (АУК).

2) *Es tut mir furchtbar leid, ich kann aus dienstlichen Gründen leider nicht kommen. – Мне ужасно жаль, но, к сожалению, я не смогу приехать из-за работы* (АУК).

Типичными операторами, актуализирующими эмоциональный смысл высказывания, выступают прилагательные и наречия, такие как *herzlich, tief, aufrichtig, wirklich, ehrlich, echt, sehr* и др., использованием которых говорящий заверяет адресата в искренности испытываемых им чувств:

Meine aufrichtige Anteilnahme! – Мои искренние соболезнования! (АУК)

Es tut mir echt leid – Мне, правда, очень жаль. (АУК)

Das ist echt schade! – Очень жаль, правда! (АУК)

Существенным элементом эмотивного смысла в симпативах является выражение такого отношения говорящего к собеседнику, которое можно определить как максимальное уважение. При отсутствии уважения говорящему не придет в голову выразить сочувствие или соболезнование (чему есть достаточно подтверждений по результатам проведенного опроса носителей языка), то есть симпативный речевой акт не будет реализован в речи. Это, в свою очередь, не соответствует требованиям этикета, свидетельствуя либо о намеренном нарушении общественных норм говорящим (тем самым создается новая грань смысла), либо о его недостаточной прагматической компетенции.

«Статус» эмотивного смысла симпативов подчеркивается увеличением степени «комплектности» высказывания: реализация полной прототипной формулы сожаления, сочувствия и соболезнования характерна в первую очередь для подчеркнуто торжественного или статусно маркированного дискурса, где важно напомнить, что именно говорящий совершает речевой акт (и выражает тем

самым уважение к адресату), и подчеркнуть, что именно адресат и событие в рамках его жизненной сферы являются объектом интереса отправителя высказывания. В торжественной ситуации существенным и необходимым становится эксплицитное называние повода для реализации симпативного высказывания, хотя в обычной, повседневной интеракции это является избыточным и противоречит правилам речевого общения, предполагающим имплицирование очевидной или хорошо известной информации. Ритуальное называние повода подчеркивает его значимость, придает высказыванию коммуникативный объем.

Проведенный анализ эмпирической базы исследования показывает, что косвенный – особенно неконвенциональный – способ реализации симпативных речевых актов, хотя и имеет место, не пользуется популярностью при совершении отдельных симпативов, в частности соболезнования. Вуалирование истинного коммуникативного намерения говорящего препятствует быстрому и успешному декодированию смысла высказывания слушающим. Подобная коммуникативная стратегия может даже создавать ненужную двусмысленность, никак не способствуя решению коммуникативной задачи. Поэтому в случае, если говорящий хочет быть однозначно понятым партнером по коммуникации, он воспользуется прямым способом выражения интенции и привычными средствами выражения.

С учетом всех полученных данных построим новую визуализацию. Рисунок 4 иллюстрирует то, как рассматриваемая модель смысла реализуется в симпативных речевых актах и какой вид она принимает.

Рисунок 4 – Смысл в симпативных речевых актах

Рисунок 4 позволяет наглядно увидеть изменения, которые претерпевают положение и значимость отдельных элементарных смыслов в общей структуре смысла исследуемых речевых актов:

1) **пропозициональный** смысл в симпативах выражается кратко (если вообще выражается вербально), часто подразумевается, вытекает из контекста и тем самым отодвигается на периферию смыслового содержания. Пропозиция в симпативах – повод для выражения почтения, уважения к адресату.

2) **интенциональный** смысл в симпативных высказываниях становится ведущим смысловым компонентом, выдвигается на передний план и занимает весь объем смыслового содержания высказывания. Этот компонент смысла всегда выражается вербально, актуализируясь перформативными глаголами и номинализациями.

3) **эмоциональный** смысл в симпативах сдерживается рамками ритуала, регламентирующего поведение участников события, в том числе и речевое; часто нейтрализован, «законсервирован», не вербализуется, но способен при необходимости актуализироваться и составить пару интенциональному смыслу. Открытое выражение эмоций выводит речевое действие за границу конвенционального.

4) **оценочный** смысл в симпативах обычно «прячется» в глубинных слоях смыслового единства и не вербализуется. Это происходит из-за большого объема интенционального смысла, оценка является фоном для реализации интенции. Поскольку ситуации произнесения симпативов предполагают однозначную оценку положения дел говорящим, вербализация оценочного смысла избыточна. При нарушении конвенций в общении речевой акт обречен на неудачу.

5) **реляционный** смысл в симпативах имплицитно присутствует всегда, но при этом также «прячется» в глубинных слоях смыслового единства и, как правило, не вербализуется, так как сама ситуация произнесения симпативов уже предполагает не-нейтральное отношение говорящего к собеседнику.

Элементарные смыслы могут «прослаиваться» модальным смыслом, который в симпативах, как правило, выполняет функцию смягчения выполняемого социального речевого действия и дает пространство для коммуникативного маневра. Смысловой комплекс может включать и иногда возникающие окказиональные смыслы.

Названные компоненты целостного смысла функционируют и взаимодействуют на фоне прагматической компетенции говорящего, представляющей собой, в первую очередь, его осведомленность о нормах речевого этикета, о положении дел в целом и о ситуации, касающейся слушающего, в особенности, об участниках событий, их ролях и социальном статусе. Сюда же можно отнести презумптивные сведения адресата. Прагматическая компетенция, как совокупность всех этих знаний, определяет выбор говорящим языковых форм, соответствующих коммуникативной ситуации. Отсутствие у говорящего прагматической компетенции приводит к прагматическим неудачам: неправильная оценка ситуации ведет к неверной стратегии речевого акта, что может вызвать неадекватную реакцию в виде возникновения (или усугубления) конфликта.

Выводы по главе 2

В результате комплексного функционально-синтаксического, семантического и прагматического анализа речевых актов соболезнования, сочувствия и сожаления в немецком языке можно сделать следующие выводы:

1. Соболезнование, сочувствие и сожаление имеют в своей семантике и прагматике общие элементы, функционируют в языке схожим образом, являясь конвенциональными, ритуальными, высококлишированными речевыми действиями, реализуют схожие интенции и располагают частично общим, взаимопроникающим арсеналом языковых средств выражения. Так, высказывание *Es tut mir leid* может являться формой реализации как сожаления, так и сочувствия, извинения, соболезнования. Все это позволяет объединить их в отдельную группу в рамках класса экспрессивов, подкласса социативов, которую предлагается назвать симпативными речевыми актами.

2. Исследование подтверждает идею о многокомпонентной структуре смысла в симпативных речевых актах. При этом смысл способен модифицироваться и видоизменяться в зависимости от конкретного типа речевого акта, прагматической ситуации общения и языковых средств, которыми владеют говорящий и слушающий и которые отбираются говорящим для реализации своего коммуникативного намерения.

3. Изменения в общей конфигурации смысла симпативных высказываний происходят за счет дислокации, актуализации, перемещения или же сворачивания каждого из элементарных смыслов. Элементарные смыслы актуализируются определенными, специфичными для симпативов операторами порождения и модификации смысла.

4. Симпативные речевые акты часто полиинтенциональны: основная интенция высказывания может сопровождаться другими интенциями.

5. Рациональное начало в современной немецкой культуре и языке характеризуется редкостью использования эксплицитно-перформативной формы выражения сожаления.

6. Mitgefühl и Mitleid репрезентированы с равной частотностью в одних и тех же ситуациях, что подтверждает их семантическую близость и «взаимозаменяемость» в процессе коммуникации.

7. Выбор конкретной формы выражения соболезнования обусловлен социальными параметрами общения, в частности таким, как контакность/ дистантность коммуникантов. В случае близости коммуникантов друг другу используются неклишированные (либо косвенные) формы высказываний. Чем сильнее смерть кого-либо затрагивает говорящего, его чувства, тем искреннее и с большим сочувствием он будет выражать соболезнование.

8. В структуре смысла симпативных речевых актов доминирует интенциональный компонент.

9. Пропозициональный компонент смысла в симпативных речевых актах обычно не выражен эксплицитно.

10. Оценочный, эмоциональный и реляционный компоненты смысла обязательно присутствуют в общей структуре смысла симпативных речевых актов, однако реализуются неравномерно. Наиболее важным элементом эмотивного смысла является реляционный компонент, выражающий уважение к адресату.

11. Оценочный и эмоциональные смыслы, как правило, не вербализуются. В том случае, если они актуализируются, высказывание выходит за рамки ритуала, свидетельствуя о теплом, сердечном отношении говорящего к адресату.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новейшие исследования в области теории речевых актов и лингвистической прагматики требуют пересмотра существующих таксономий речевых актов в целом и многообразного класса экспрессивов в частности – представляется недостаточным разделение последних на подклассы социативов и инфлуктивов. В настоящей работе обосновывается необходимость выделения внутри подкласса социативов группы симпативных речевых актов, объединяющей сожаление, сочувствие и соболезнование. Основой объединения следует считать их функционально-семантическую общность и демонстрацию максимального уважения к адресату.

В исследовании проведен анализ особенностей языковой репрезентации симпативных речевых актов в немецкоязычном повседневном общении и специфики динамического смыслообразования в них. Для решения этих задач был собран обширный языковой материал, разработана методика проведения опроса носителей языка на основе принципа «типичных ситуаций» с учетом социолингвистических показателей и использованием технологии self-report. Кроме того, на основе собранного автором эмпирического материала выполнен когнитивно-прагматический и морфосинтаксический анализ речевых актов соболезнования, сочувствия и сожаления, типологически описаны возможные формы их реализации. В ходе исследования выявлена зависимость выбранной формы речевого акта от прагматических условий коммуникации, а также взаимосвязь между эмоциональным состоянием говорящего, его интенцией и формой реализации речевого акта.

Работа включает в себя краткое введение в класс экспрессивных речевых актов, составной частью которых являются рассматриваемые симпативы, введение в проблему смысла высказывания, ознакомление с универсальной многокомпонентной динамической моделью смысла, анализ многочисленных высказываний соболезнования, сочувствия и сожаления и непосредственно

результаты исследования актуализации элементарных смыслов в таких высказываниях. Описание каждого из симпативных речевых актов дается по схеме – от общего прагматического анализа и выявления их специфики к определению конфигурации их общего смысла и роли и места в нем отдельных смыслов, а также выявлению операторов их порождения.

Используя теорию речевых актов как фундамент для настоящего исследования, мы определяем речевой акт как речевое событие, которое совершает определенный субъект коммуникации по отношению к определенному адресату в определенных условиях с определенным намерением. Речевой акт выступает как минимальная единица диалогического единства. Это мотивированная, психически регулируемая и целенаправленная активность говорящего, направленная на воздействие на адресата посредством осуществления высказывания. Высказывание в рамках речеактовой теории мы рассматриваем как реализацию интенции адресанта — осуществление его коммуникативной цели.

Второй методологической основой исследования является концепция динамического смыслообразования Н. А. Трофимовой, в соответствии с которой в работе строится модель смысла симпативных речевых актов. Данная концепция постулирует смысл как многомерную динамичную сущность, не застывшую в одном своем проявлении, но способную к модификации, изменениям. Смысл не является устойчивой величиной, он конституируется заново в каждом новом высказывании за счет изменения его конфигурации, то есть изменения места и объема составляющих его элементарных смыслов: интенционального, пропозиционального, эмотивного (включающего реляционный, эмоциональный и оценочный элементарные смыслы), модального и возможных окказиональных смыслов.

В результате проведенного исследования установлено, что для симпативных речевых актов концепция динамического смыслообразования реализуется следующим образом: основополагающими компонентами модели смысла являются интенция и эмотивное отношение говорящего к адресату.

Оценка является фоном для реализации интенции, а пропозиция – поводом для выражения почтения, уважительного отношения к адресату. Эмоциональный компонент иногда совсем нейтрализован, «законсервирован» и находится в самом дальнем «углу» модели, готовый, однако, при первой необходимости изменить свою позицию и выйти на передний план, составив партнерскую пару интенциональному смыслу.

Каждый из этих смысловых компонентов актуализируется определенным набором специфичных языковых средств, которые включают фонетические, словообразовательные, лексические, грамматические и синтаксические средства. Так, базовый «кирпичик» в модели смысла, на который надстраивается все смысловое единство – интенция – реализуется в основном перформативными глаголами и производными от них существительными в определенных синтаксических конструкциях, отдельными прилагательными и наречиями. Пропозициональный смысл в случае его экспликации выражается придаточным изъяснительным предложением или дополнением с предлогом. Прочие смыслы репрезентируются при помощи лексики с оценочным значением, наречий образа действия, вокативов, междометий, частиц, степеней сравнения прилагательных и наречий, притяжательных местоимений, модальных глаголов, аффиксов субъективной оценки, окказионализмов, описания реакции на свойства объекта или явления (позволяет имплицитно выразить оценку объекта).

Данные исследования позволяют сделать следующие выводы относительно выбора той или иной формы выражения исследуемых речевых актов:

1. В целом формы реализации речевых актов соболезнования, сочувствия и сожаления в современном немецком языке отражают преобладание рационального начала над эмоциональным. Этикетные формулы имеют тенденцию к обезличиванию, что проявляется в универсальном использовании кратких ритуальных формул.

2. Использование языковых клише как гарантированно социально приемлемых речевых действий, особенно в щекотливых ситуациях, снижает риск

совершить ошибку и задеть чувства адресата, что обеспечивает говорящему беспрепятственную социальную интеракцию.

3. Рациональное начало в современной немецкой культуре и языке характеризуется редким использованием эксплицитно-перформативной формы выражения сожаления.

4. Выбор конкретной формы выражения соболезнования обусловлен социальными параметрами общения, в частности таким, как контакность/ дистантность коммуникантов. В случае близости коммуникантов друг другу используются неклишированные (либо косвенные) формы высказываний. Чем сильнее смерть кого-либо затрагивает говорящего, его чувства, тем искреннее и с большим сочувствием он будет выражать соболезнование.

5. Лексемы Mitgefühl и Mitleid репрезентированы с равной частотностью в одних и тех же ситуациях, что подтверждает их семантическую близость и «взаимозаменяемость» в конкретных прагматических ситуациях общения.

6. Принадлежность конкретного высказывания к тому или иному речевому акту, то есть распознавание интенции говорящего, зависит от прагматической ситуации общения в широком понимании (статус коммуникантов, фоновые знания, знание подготовительных условий и условий пропозиционального содержания и прочих). Так, высказывание *Es tut mir leid* может являться формой реализации как сожаления, так и сочувствия, извинения, соболезнования.

7. Данные исследования подтверждают предположения лингвистов о полиинтенциональности экспрессивных речевых актов (при имплицитном выражении одной из интенций) и многосоставной динамичной сущности феномена смысл, актуализация различных возможностей которого определяется прагматической ситуацией и специальными языковыми средствами, находящимися в арсенале говорящего и слушающего.

В ходе исследования было установлено, что существует достаточно заметный пласт косвенных симпативных высказываний, которые можно разделить на 1) конвенциональные и потому легко узнаваемые и декодируемые и

2) скрытые, завуалированные, при которых адресат вынужден искать скрытый смысл и причину отклонения от рационального общения. Последние рассматриваются в работе как имплицитные симпативные речевые акты. Конвенциональные косвенные и имплицитные высказывания являются оригинальным способом выражения дополнительных смыслов, дающим говорящему неисчерпаемые возможности варьировать реализацию различных прагматических значений и смысловых нюансов.

При этом мы допускаем, что смыслы в любом высказывании при рецепции актуализируются для каждого реципиента по-разному, поскольку понимание осуществляется через призму базовой совокупности присущих ему когнитивных единиц знания. Таким образом, отдельные (как правило, не базовые, но окказиональные) элементарные смыслы могут остаться нерасшифрованными слушающим.

В самом общем виде итог проведенного исследования сводится к подтверждению валидности идеи о многосоставной динамичной (конституируемой) сущности феномена смысл, актуализация различных потенций которого определяется прагматической ситуацией и специальными языковыми средствами, находящимися в распоряжении говорящего и слушающего. Высказывания, реализующие симпативные речевые акты, являются ярким доказательством справедливости такой трактовки, позволяющей раскрыть все потенциальные возможности языковых единиц для реализации коммуникативных замыслов и намерений говорящего.

Полученные в ходе исследования данные и результаты, в частности зависимость формы речевого акта от статуса коммуникантов, знания подготовительных условий, могут быть использованы в вузах при профессиональной подготовке студентов языковых факультетов и разработке лекционных курсов и спецкурсов по межкультурной коммуникации и культуре речи, психолингвистике, социолингвистике, прагматике, лексикологии, стилистике, по проблемам языковой личности и по другим проблемам в рамках актуальных лингвистических исследований.

Методика сбора языкового материала и когнитивно-прагматического анализа речевых актов, применяемая в данном исследовании, рекомендуется к использованию при анализе речевых актов других классов. Сложность объекта и приоритет интеграции лингвистических дисциплин в процессе исследования диктуют применение именно такой комплексной методики.

Дальнейшие перспективы научного исследования в рамках разрабатываемой темы определяются возможностью и необходимостью учета при анализе речевых актов социолингвистических показателей, что позволило бы проследить влияние статусных характеристик коммуникантов на выбор адресантом языковых средств выражения сочувствия, сожаления и соболезнования. Кроме того, невербальные средства актуализации смыслов высказывания, играющие особую роль при реализации экспрессивных речевых актов и включающие паралингвистические (паузы, дикция, темп, громкость, ритмика, тональность, мелодика), кинестетические (кинесические) (жесты и мимика), проксемические (позы, телодвижения, дистанции во время общения) и экстралингвистические (плач, шумы, смех) характеристики, оставшиеся за рамками настоящего исследования, могли бы стать предметом дальнейшей научной разработки.

Исследование и описание в русле когнитивной семантики и лингвистической типологии, например, с использованием методики видеостимулов, немецких концептов Mitleid и Mitgefühl, Beileid, Bedauern и Beklagen также представляет большой интерес.

Наконец, интересным могло бы стать сравнительно-сопоставительное исследование на материале разных языков с целью выявления национальных, культурных, языковых особенностей указанных речевых актов и форм их реализации, что внесет вклад в развитие сопоставительного языкознания и лингвистической типологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамчук, Т. В. Тематизация эмоций в тексте : на материале современного английского языка : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Адамчук Татьяна Валерьевна ; Мордовский ГУ. – Саранск, 1996. – 189 с. – Текст : непосредственный.

2. Алексеева, И. С. Профессиональный тренинг переводчика / И. С. Алексеева. – Санкт-Петербург : Союз, 2001. – 278 с. – Текст : непосредственный.

3. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – Москва : Языки русской культуры, 1995. – 766 с. – Текст : непосредственный.

4. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика : синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – Москва : Наука, 1974. – 367 с. – Текст : непосредственный.

5. Апресян, Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре / Ю. Д. Апресян. – Текст : непосредственный // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1986. – Т. 45, № 3. – С. 208–233.

6. Арутюнова, Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике: лингвистическая прагматика. – Москва, 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 21–38.

7. Арутюнова, Н. Д. Жанры общения / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. – Москва, 1992. – С. 52–56.

8. Арутюнова, Н. Д. О стыде и совести / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Логический анализ языка. Языки этики / ответственные редакторы Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. – Москва, 2000. – С. 54–78.

9. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 2003. – 383 с. – Текст : непосредственный.

10. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск : Издательство Уральского университета, 1989. – 184 с. – Текст : непосредственный.

11. Безменова, Л. Э. Функционально-семантические и прагматические особенности речевых актов : на материале комплиментов в современном английском языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Безменова Лариса Эдуардовна ; Самарский ГПУ. – Самара, 2001. – 18 с. – Текст : непосредственный.

12. Безрукова, А. В. Эмоциональные адъективные и субстантивные двусоставные предложения в современном английском языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Безрукова Ангелина Васильевна ; ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Ленинград, 1981. – 19 с. – Текст : непосредственный.

13. Бенвенист, Э. Общая лингвистика ; перевод с французского / Э. Бенвенист. – Москва : Прогресс, 1974. – 446 с. – Текст : непосредственный.

14. Берн, Э. Игры, в которые играют люди : психология человеческих взаимоотношений ; Люди, которые играют в игры : психология человеческой судьбы : перевод с английского / Э. Берн. – Санкт-Петербург : Лениздат, 1992. – 399 с. – Текст : непосредственный.

15. Богданов, В. В. Иллокутивная функция высказывания и перформативный глагол / В. В. Богданов. – Текст : непосредственный // Содержательные аспекты предложения и текста : сборник научных трудов. – Калинин, 1983. – С. 27–38.

16. Богданов, В. В. Классификация речевых актов / В. В. Богданов. – Текст : непосредственный // Личностные аспекты языкового общения : сборник научных трудов. – Калинин, 1989. – С. 27–37.

17. Богданов, В. В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты / В. В. Богданов. – Ленинград : ЛГУ, 1990. – 86 с. – Текст : непосредственный.

18. Бондарко, А. В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики / А. В. Бондарко. – Текст : непосредственный // Текст: структура и семантика : сборник статей. – Москва, 2001. – Т. 1. – С. 4–13.

19. Бондарко, А. В. Функциональная модель грамматики (теоретические основы, итоги и перспективы) / А. В. Бондарко. – Текст : непосредственный // Язык и речевая деятельность : сборник статей. – Санкт-Петербург, 1998. – С. 17–30.

20. Буторина, Е. П. Русский язык и культура речи : учебное пособие / Е. П. Буторина, С. М. Евграфова. – Москва : Форум, 2009. – 295 с. – Текст : непосредственный.

21. Вежбицка, А. Речевые акты / А. Вежбицка. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике : сборник статей. – Москва, 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 251–276.

22. Вежбицка, А. Речевые жанры / А. Вежбицка. – Текст : непосредственный // Жанры речи : тематический сборник статей. – Саратов, 1997. – С. 99–111.

23. Вежбицка, А. Толкование эмоциональных концептов / А. Вежбицка. – Текст : непосредственный // Язык. Культура. Познание : сборник статей. – Москва, 1996. – С. 201–375.

24. Вендлер, З. Иллокутивное самоубийство / З. Вендлер. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва, 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 238–250.

25. Виттгенштейн, Л. Философские работы. Часть 1 / Л. Виттгенштейн. – Москва : Гнозис, 1994. – 320 с. – Текст : непосредственный.

26. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – Москва : URSS, 2020. – 278 с. – Текст : непосредственный.

27. Выготский, Л. С. Психология развития человека / Л. С. Выготский. – Москва : Эксмо, 2003. – 1136 с. – Текст : непосредственный.

28. Гайда, Ст. Проблемы жанра / Ст. Гайда. – Текст : непосредственный // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация : межвузовский сборник научных трудов / главный редактор М. Н. Кожина. – Пермь, 1986. – С. 22–28.

29. Гак, В. Г. К проблеме сопоставительно-типологического анализа речевого акта и текста / В. Г. Гак. – Текст : непосредственный // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку : сборник статей. – Москва, 1987. – С. 37–48.

30. Гашева, О. В. Речевой акт обещания в современном французском и английском языках: семантико-прагматический и грамматический аспекты : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Гашева Ольга Викторовна. – Екатеринбург, 2007. – 24 с. – Текст : непосредственный.

31. Гловинская, М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов / М. Я. Гловинская. – Текст : непосредственный // Русский язык в его функционировании : сборник статей. – Москва, 1993. – Т. 1. Коммуникативно-прагматический аспект. – С. 158–218.

32. Глушак, В. М. Лингвопрагматический аспект речевого поведения коммуникантов в ситуациях повседневного общения : на материале немецкого языка : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.04 / Глушак Василий Михайлович. – Москва, 2010. – 430 с. – Текст : непосредственный.

33. Гольдин, В. Е. Проблемы жанроведения / В. Е. Гольдин. – Текст : непосредственный // Жанры речи : сборник научных статей. – Саратов, 1999. – Вып. 2. – С. 4–6.

34. Гольдин, В. Е. Речь и этикет : книга для внеклассного чтения учащихся 7-8 классов / В. Е. Гольдин. – Москва : Просвещение, 1983. – 109 с. – Текст : непосредственный.

35. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва, 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 217–237.

36. Громова, А. В. Жанровая система творчества Б. К. Зайцева : литературно-критические и художественно-документальные произведения : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.01.01 / Громова Алла Витальевна. – Орел, 2009. – 522 с. – Текст : непосредственный.

37. Гулейко, Н. Является ли сильное сожаление (сильное обвинение себя) грехом? / Н. Гулейко. – Текст : электронный. – URL: https://www.pravmir.ru/vopros-otvet/yavlyaetsya-li-silnoe-sozhalenie-silnoe-obvinenie-sebya-grexom/ (дата обращения: 20.06.2024).

38. Гуссерль, Э. Собрание сочинений. Т. 3. Логические исследования. Т. 2. / Э. Гуссерль. – Москва : Гнозис, Дом интеллектуальной книги, 2001. – 275 с. – Текст : непосредственный.

39. Декарт, Р. Избранные произведения / Р. Декарт. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1950. – 712 с. – Текст : непосредственный.

40. Дементьев, В. В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров / В. В. Дементьев. – Текст : непосредственный // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 34–44.

41. Дементьев, В. В. Фатические речевые жанры / В. В. Дементьев. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 37–55.

42. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры / В. В. Дементьев. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 2000. – 246 с. – Текст : непосредственный.

43. Еемерен, Ф. Х. ван. Аргументация, коммуникация и ошибки : перевод с английского / Ф. Х. ван Еемерен, Р. Гроотендорст. – Санкт-Петербург : Васильевский остров, 1992. – 207 с. – Текст : непосредственный.

44. Зализняк, А. А. Русская семантика в типологической перспективе / А. А. Зализняк. – Москва : Языки славянской культуры, 2013. – 640 с. – Текст : непосредственный.

45. Звегинцев, В. А. Смысл и значение / В. А. Звегинцев. – Текст : непосредственный // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики : сборник статей. – Москва, 1973. – С. 91–98.

46. Зимняя, И. А. Вербальное общение (психологический аспект) / И. А. Зимняя. – Текст : непосредственный // Исследования речевого мышления в психолингвистике. – Москва, 1985. – С. 51–72.

47. Золотова, Г. А. О перспективах синтаксических исследований / Г. А. Золотова. – Текст : непосредственный // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1986. – Т. 46, № 6. – С. 500–514.

48. Иванов, В. Д. Функции дискурсивных частиц в немецком языке : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Иванов Владимир Дмитриевич. – Мытищи, 2019. – 179 с. – Текст : непосредственный.

49. Изард, К. Эмоции человека : перевод с английского / К. Изард. – Москва : Издательство МГУ, 1980. – 439 с. – Текст : непосредственный.

50. Имаева, Е. З. Построение смысла в текстах неявного смыслообразования / Е. З. Имаева. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2012. – № 2 (256). – С. 42–45.

51. Иорданская, Л. Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства / Л. Н. Иорданская. – Текст : непосредственный // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – Москва, 1970. – Вып. 13. – С. 3–26.

52. Казачкова, Ю. В. Выражение сочувствия в русском и английском речевом общении : жанровый аспект : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19 / Казачкова Юлия Владимировна. – Саратов, 2006. – 177 с. – Текст : непосредственный.

53. Карасик, В. И. Семантика этикетного действия / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Действие: лингвистические и логические модели : тезисы докладов. – Москва, 1991. – С. 45–57.

54. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002. – С. 166–205.

55. Карасик, В. И. Смысловая свобода знака и типы общения / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности : коллективная монография. – Екатеринбург, 2006. – С. 316–328. – (Труды Уральского МИОНа. Вып. 20).

56. Карнап, Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике / Р. Карнап. – Москва : Эдиториал УРСС, 2007 . – 384 с. – Текст : непосредственный.

57. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Москва : URSS, 2009. – 218 с. – Текст : непосредственный.

58. Киселева, Л. А. Мир эмоций человека и регуляция деятельности : учебно-методическое пособие / Л. А. Киселева, Т. Н. Помазуева. – Екатеринбург : Уральский государственный лесотехнический университет, 2007. – 68 с. – Текст : непосредственный.

59. Кириленко, Ю. Н. Проблема интерпретации ритуала в теории речевых актов Дж. Остина / Ю. Н. Кириленко. – Текст : электронный // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 350 (сентябрь). – С. 63–65. – URL: http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/350/image/350-063.pdf (дата обращения: 23.04.2024).

60. Кожеко, А. В. Лингвопрагматические особенности речевого жанра «соболезнование» в интернет-коммуникации / А. В. Кожеко. – Текст : непосредственный // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева (Вестник КГПУ). – Красноярск, 2020. – № 1 (51). – С. 169–181.

61. Колодина, Н. И. Проблемы понимания и интерпретации художественного текста / Н. И. Колодина. – Тамбов : Издательство ТГТУ, 2001. – 184 с. – Текст : непосредственный.

62. Коренькова, Л. Н. Сравнение лексических средств выражения концепта «сочувствие» в немецком, испанском, английском языках / Л. Н. Коренькова, М. В. Тарасова, Л. Н. Уткина. – Текст : непосредственный // Вестник Тверского государственного университета. – Тверь, 2016. – №4. – С. 110–117.

63. Костюшкина, Г. М. Когнитивная лингвистика и психомеханика языка / Г. М. Костюшкина. – Текст : непосредственный // Когнитивная лингвистика : современное состояние и перспективы развития : материалы I международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. – Тамбов, 1998. – Ч. 1. – С. 21–22.

64. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской культурах / Н. А. Красавский. – Волгоград : Перемена, 2001. – 495 с. – Текст : непосредственный.

65. Кузнецова, А. А. Речеактовый анализ средств выражения соболезнования (на материале французского языка) / А. А. Кузнецова. – Текст непосредственный. // Вестник Башкирского университета. – Уфа, 2010. – Т.15. – №1. – С. 95–98.

66. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи : что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с. – Текст : непосредственный.

67. Ленец, А. В. Коммуникативный феномен лжи: лингвистический и семиотический аспекты : на материале немецкого языка : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук :

10.02.19, 10.02.04 / Ленец Анна Викторовна. – Ростов-на-Дону, 2010. – 39 с. – Текст : непосредственный.

68. Леонтьева, Л. Е. Коммуникативно-прагматическое описание вокативов в разноструктурных языках / Л. Е. Леонтьева, Г. Г. Яковлева. – Чебоксары, 2014. – 128 с. – Текст : непосредственный.

69. Лукина, Т. В. Семантико-синтаксические и коммуникативно-прагматические особенности выражения физического и эмоционального состояний человека в современном немецком языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Лукина Татьяна Васильевна ; ТГУ им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2008. – 23 с. – Текст : непосредственный.

70. Манджиева, Э. Б. Формульные выражения традиционного этикета в русской и калмыцкой лингвокультурах : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Манджиева Элина Борисовна ; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2009. – 24 с. – Текст : непосредственный.

71. Митина, Е. А. Речевой жанр «соболезнование» в русской лингвокультуре / Е. А. Митина. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 2 (257). – С. 56–58.

72. Мягкова, Е. Ю. Эмоциональная нагрузка слова : опыт психолингвистического исследования / Е. Ю. Мягкова. – Воронеж : ВГУ, 1990. – 109 с. – Текст : непосредственный.

73. Мягкова, Е. Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова / Е. Ю. Мягкова. – Курск : КГПУ, 2000. – 110 с. – Текст : непосредственный.

74. Мягкова, Е. Ю. Культурно-специфические модели эмоций и проблемы перевода / Е. Ю. Мягкова. – Текст : непосредственный // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности : сборник научных трудов / редакторы Л. И. Гришаева, Т. Г. Струкова. – Воронеж, 2002. – С. 143–152.

75. Мягкова, Е. Ю. Эмоциональная сторона языка в свете проблем межкультурной коммуникации / Е. Ю. Мягкова. – Текст : непосредственный // Картина мира и способы ее репрезентации : научные доклады. – Воронеж, 2003. – С. 70–75.

76. Мягкова, Е. Ю. Психологические основания эмоционально-чувственного значения слова / Е. Ю. Мягкова. – Текст : непосредственный // Горизонты психолингвистики – 3 : сборник научных трудов. – Тверь : ТГУ, 2020. – С. 37–42.

77. Никонова, Ж. В. Когнитивные основы иллокутивного дейксиса : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.19, 10.02.04 / Никонова Жанна Викторовна ; Нижегородский государственный лингвистический университет. – Нижний Новгород, 2016. – 451 с. – Текст : непосредственный.

78. Никонова, Ж. В. Проблема косвенности речевых актов (на примере современного немецкого языка) / Ж. В. Никонова, Е. О. Мидова. – Текст : непосредственный // Современная германистика и западноевропейская литература. – Москва, 2021. – С. 71–100.

79. Никонова, Ж. В. Особенности реализации речевого акта соболезнования в современном немецком публицистическом дискурсе / Ж. В. Никонова. – Текст : непосредственный // Русская германистика : Ежегодник Российского союза германистов. – Москва, 2021. – Т. 18. – С. 444–456.

80. Никонова, Ж. В. Когнитивные механизмы формирования коммуникативного смысла речевого акта / Ж. В. Никонова. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – Москва, 2024. – № 2-1 (58). – С. 60–65.

81. Орлова, Г. А. Биография (при) смерти: заметки о советском политическом некрологе / Г. А. Орлова. – Текст : электронный // Неприкосновенный запас. – 2009. – № 2. – URL: https://magazines.gorky.media/

nz/2009/2/biografiya-pri-smerti-zametki-o-sovetskom-politicheskom-nekrologe.html (дата обращения: 20.04.2023).

82. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике : сборник научных трудов. – Москва, 1986. – Вып. 17. Теория речевых актов. – С. 22–129.

83. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений / Е. В. Падучева. – Москва : Наука, 1985. – 271 с. – Текст : непосредственный.

84. Падучева, Е. В. Высказывание и диалог / Е. В. Падучева. – Текст : электронный // Русский язык. – 2001. – № 37. – URL: https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200103702 (дата обращения: 19.04.2024).

85. Перевод как проблема межкультурной коммуникации : сборник. Часть 2 / составитель О. В. Петрова. – Нижний Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2003. – 123 с. – Текст : непосредственный.

86. Писарек, Л. Речевые действия и их реализация в русском языке в сопоставлении с польским / Л. Писарек. – Wrozlaw : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1995. – 173 с. – Текст : непосредственный.

87. Попова, К. А. Анализ языковых способов выражения сочувствия в жанре интернет-комментария в немецком языке : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Попова Ксения Александровна. – Москва, 2022. – 232 с. – Текст : непосредственный.

88. Поспелова, А. Г. Функциональный аспект изучения речевых актов: иллокутивно-интерактивная характеристика / А. Г. Поспелова. – Текст : непосредственный // Трехаспектность грамматики : на материале английского языка : сборник статей. – Санкт-Петербург, 1992. – С. 68–85.

89. Почепцов, Г. Г. О месте прагматического элемента в лингвистическом описании / Г. Г. Почепцов. – Текст : непосредственный // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. – Калинин, 1985. – С. 14–17.

90. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – Москва : Гнозис, 2001. – 651 с. – Текст : непосредственный.

91. Пророкова, В. М. Слова-«приправы», слова-«заплаты». Модальные частицы в немецкой разговорной речи / В. М. Пророкова. – Москва : Высшая школа, 1991. – 127 с. – Текст : непосредственный.

92. Ресенчук, А. А. Соболезнование как форма экспрессивного речевого акта / А. А. Ресенчук, М. Ю. Рябова. – Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2015. – № 2-3 (62). – С. 194-197.

93. Ресенчук, А. А. Соболезнование как акт этикетной коммуникации : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19 / Ресенчук Анна Александровна. – Кемерово, 2017. – 174 с. – Текст : непосредственный.

94. Руди, Е. В. Этикетные речевые акты в современном немецком языке : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Руди Елена Владимировна. – Нижний Новгород, 2011. – 213 с. – Текст : непосредственный.

95. Рябцева, Н. К. Мысль как действие / Н. К. Рябцева. – Текст : непосредственный // Логический анализ языка: модели действия : сборник статей. – Москва, 1992. – С. 60–69.

96. Савченко, А. Н. Лингвистика речи / А. Н. Савченко. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1986. – № 3. – С. 62–74.

97. Сёрль, Дж. Р. Что такое речевой акт? / Дж. Р. Сёрль. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике : сборник научных трудов. – Москва, 1986. – Вып. 17. Теория речевых актов. – С. 151–169.

98. Сёрль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Сёрль. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике : сборник научных трудов. – Москва, 1986. – Вып. 17. Теория речевых актов. – С. 170–194.

99. Сёрль, Дж. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Сёрль, Д. Вандервекен. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике : сборник статей. – Москва, 1986. – Вып. 18. Логический анализ языка. – С. 252–255.

100. Сожаление о прошлом // Православный паломник : онлайн журнал, официальное издание Паломнического центра Московского Патриархата. – URL: https://www.journalpp.ru/page.php?id=2938 (дата обращения: 20.06.2024). – Текст : электронный.

101. Сорокина, Ю. А. Особенности функционирования речевого акта соболезнования в современной деловой коммуникации (на материале английского языка) / Ю. А. Сорокина. – Текст : непосредственный // Профессиональная коммуникация : актуальные вопросы лингвистики и методики. – Пятигорск, 2013. – № 6. – С. 206–213.

102. Стернин, И. А. Национальная специфика мышления и проблема лакунарности / И. А. Стернин. – Текст : непосредственный // Связи языковых единиц в системе и реализации : межвузовский сборник научных трудов. – Тамбов, 1998. – С. 22–31.

103. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие : монография / И. А. Стернин. – Москва : РГБ, 2001. – 252 с. – Текст : непосредственный.

104. Стернин, И. А. Русский речевой этикет / И. А. Стернин. – Воронеж : ВОИПКПРО, 1996. – 128 с. – Текст : непосредственный.

105. Сусов, И. П. Прагматическая структура высказывания / И. П. Сусов. – Текст : непосредственный // Языковое общение и его единицы. – Калинин, 1986. – С. 4–18.

106. Сусов, И. П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система / И. П. Сусов. – Текст : непосредственный // Языковое общение: процессы и единицы : сборник статей. – Калинин, 1988. – С. 7–13.

107. Тарасенко, Т. В. Этикетные жанры русской речи : благодарность, извинение, поздравление, соболезнование : диссертация на соискание ученой

степени кандидата филологических наук : 10.02.01 / Тарасенко Татьяна Васильевна ; Красноярский ГУ. – Красноярск, 1999. – 169 с. – Текст : непосредственный.

108. Телия, В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация / В. Н. Телия. – Текст : непосредственный // Человеческий фактор в языке : языковые механизмы экспрессивности. – Москва, 1991. – С. 14–56.

109. Трофимова, Н. А. Экспрессивные речевые акты. Семантический, прагматический, грамматический анализ : монография / Н. А. Трофимова. – Санкт-Петербург : Издательство ВВМ, 2008. – 371 с. – Текст : непосредственный.

110. Трофимова, Н. А. Мозаика смысла: элементы и операторы их порождения : монография / Н. А. Трофимова. – Санкт-Петербург : ИВЭСЭП, 2010. – 110 с. – Текст : непосредственный.

111. Трофимова, Н. А. От любви до ненависти: смысловые узоры экспрессивов : монография / Н. А. Трофимова. – Санкт-Петербург : ИВЭСЭП, 2011. – 295 с. – Текст : непосредственный.

112. Трофимова, Н. А. Ласкательные вокативы : деривационный аспект / Н. А. Трофимова. – Текст : непосредственный // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – Санкт-Петербург, 2014. – Т. 1. – № 1. – С. 95–103.

113. Трофимова, Н. А. Соболезнование: лингвистический взгляд : на материале немецкого языка / Н. А. Трофимова. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. – 2015. – Т. 15, № 2. – С. 39–44.

114. Труфанова, И. В. Прагматика несобственно-прямой речи / И. В. Труфанова. – Москва : Прометей, 2000. – 568 с. – Текст : непосредственный.

115. Труфанова, И. В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика / И. В. Труфанова – Текст : непосредственный // Филологические науки. – 2001. – № 3. – С. 56–65.

116. Формановская, Н. И. Употребление русского речевого этикета / Н. И. Формановская. – Москва : Русский язык, 1984. – 198 с. – Текст : непосредственный.

117. Формановская, Н. И. Речевая интенция как объект исследования в лингвистическом и методическом аспектах / Н. И. Формановская. – Текст : непосредственный // Лингводидактический поиск на рубеже веков. – Москва, 2000. – С. 213–224.

118. Формановская, Н. И. Эмоции, чувства, интенции, экспрессия в языковом и речевом выражении / Н. И. Формановская. – Текст : непосредственный // Эмоции в языке и речи : сборник научных трудов. – Москва, 2005. – С. 106–116.

119. Франкл, В. Человек в поисках смысла : сборник статей : пер. с нем и англ. / В. Франкл. – Москва : Прогресс, 1990. – 368 с. – Текст : непосредственный.

120. Фреге, Г. Логические исследования : сборник статей : пер. с нем. / Г. Фреге. – Томск : Водолей, 1997. – 127 с. – Текст : непосредственный.

121. Харитонова, О. Е. Формирование смысла в высказываниях сочувствия (на материале немецкого языка) / О. Е. Харитонова. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка : сборник научных статей. – Тамбов, 2015. – № 21. – С. 604–607.

122. Харитонова, О. Е. Средства реализации интенционального и эмотивного смыслов в высказываниях сожаления (на материале немецкого языка) / О. Е. Харитонова. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка : сборник научных трудов. – Москва ; Тамбов, 2017. – Вып. 29. – С. 745–752.

123. Харитонова, О. Е. Симпативы в составе экспрессивных речевых актов / О. Е. Харитонова. – Текст : непосредственный // Вопросы филологии и переводоведения в контексте современных исследований : сборник научных статей. – Чебоксары, 2019. – С. 101–104.

124. Харитонова, О. Е. Формирование смысла в высказываниях соболезнования (на материале немецкого языка) / О. Е. Харитонова. – Текст :

непосредственный // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – Чебоксары, 2020. – № 1 (106). – С. 104–109.

125. Цейтлин, С. Н. Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика / С. Н. Цейтлин. – Текст : непосредственный // Синтаксис и стилистика. – Москва, 1976. – С. 161–181.

126. Чернышов, М. Ю. Сущность вербально выраженной мысли-скрепа как медиатора смысловой интегративности текста / М. Ю. Чернышов. – Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. – Москва, 2011. – № 3. – С. 187–193.

127. Чиршева, Г. Н. Речевые акты сожаления как проявление особенностей языковой личности / Г. Н. Чиршева, Т. С. Лукина. – Текст : непосредственный // Вестник Череповецкого государственного университета. – Череповец, 2018. – № 4 (85). – С. 84–91.

128. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж : ВГУ, 1987. – 192 с. – Текст : непосредственный.

129. Шаховский, В. И. Эмотивное слово / В. И. Шаховский. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы лингвистики в вузе и школе : материалы Школы молодых лингвистов. – Москва ; Пенза, 1997. – Вып. 1. – С. 7–19.

130. Шаховский, В. И. Полистатусная репрезентация категории эмотивности в языке и речи / В. И. Шаховский. – Текст : непосредственный // Композиционная семантика. В 2 ч. / ответственный редактор Н. Н. Болдырев. – Тамбов, 2002. – Ч. 2. – С. 8–10.

131. Шаховский, В. И. Эмоции – мотивационная основа человеческого сознания / В. И. Шаховский. – Текст : непосредственный // Аксиологическая лингвистика: проблемы языкового сознания : сборник научных трудов / Н. А. Красавский. – Волгоград, 2003. – С. 3–11.

132. Шаховский, В. И. Голос эмоций в языковом круге homo sentiens / В. И. Шаховский. – Москва : URSS, 2019. – 144 с. – Текст : непосредственный.

133. Шелестюк, Е. В. Этапы и закономерности смыслового восприятия текста / Е. В. Шелестюк. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2010. – № 1 (22). – С. 85–90.

134. Шиленко, Р. В. Прямые и косвенные экспрессивные высказывания в аспекте регулирования межличностных отношений / Р. В. Шиленко. – Текст : непосредственный // Языковое общение и его единицы. – Калинин, 1986. – С. 49–54.

135. Шиленко, Р. В. Семантика и прагматика высказываний, регулирующих межличностные отношения : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19 / Шиленко Роман Васильевич. – Саратов, 1987. – 16 с. – Текст : непосредственный.

136. Шиленко, Р. В. Регулирование равновесных межличностных отношений в коммуникативном пространстве / Р. В. Шиленко. – Текст : непосредственный // Языковое общение: процессы и единицы. – Калинин, 1988. – С. 117–123.

137. Явей, Х. Особенности обучения русским этикетным речевым актам студентов-китайцев : диссертация на соискание ученой степени доктора философии / Явей Ху; Казахский национальный университет. – Алматы, 2020. – 173 с. – Текст : непосредственный.

138. Яковлева, Г. Г. Перформативы в роли этикетных формул в разноструктурных языках / Г. Г. Яковлева, О. О. Колосова. – Текст : непосредственный // Межкультурная коммуникация и профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары, 2019. – С. 60–64.

139. Austin, John L. Other Minds / John L. Austin. – Текст : непосредственный // Philosophical Papers / ed. John L. Austin. – Oxford, 1961. – pp. 44–80.

140. Austin, J. L. Zur Theorie der Sprechakte (How to do things with Words) / J. L. Austin. – Stuttgart : Reclam, 2007. – 217 S. – Текст : непосредственный.

141. Bach, K. Linguistic Communication and Speech Acts / K. Bach, R. M. Harnish. – Cambridge : MIT Press, 1980. – 327 p. – Текст : непосредственный.

142. Ballmer, Th. Speech Act Classification: a Study in the Lexical Analysis of English Speech Activity Verbs / Th. Ballmer, W. Brennenstuhl. – Berlin : Springer, 1981. – 274 p. – Текст : непосредственный.

143. Bula, D. Proba klasyfikacji aktow mowy / D. Bula, J. Nawacka. – Текст : непосредственный // Sociolingwistyka. – 1983. – № 5. – S. 31–46.

144. Church, A. The Need for Abstract Entities in Semantic Analysis / A. Church. – Текст : непосредственный // Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences. – Cambridge, 1951. – Vol. 80. – No. 1. – Pp. 100–112.

145. Cowen, A. S. Self-report captures 27 distinct categories of emotion bridged by continuous gradients / A. S. Cowen, D. Keltner. – Текст : электронный // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2017. – Vol. 114, № 38. – URL: https://doi.org/10.1073/pnas.1702247114 (дата обращения: 15.03.2024).

146. Ekman, P. Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional life / P. Ekman. – New York : Henry Holt and Company, 2003. – 267 p. – Текст : непосредственный.

147. Fetzer, A. Konversationsanalyse und Konversationsunterricht : Zur Theorie und Praxis im universitären Kontext / A. Fetzer. – Текст : электронный // ZIF. – 1997. – № 2(1). – URL: https://tuprints.ulb.tu-darmstadt.de/11983/1/zif-2994-fetzer.pdf (дата обращения: 15.03.2024).

148. Fetzer, A. Conceptualising discours / A. Fetzer. – Текст : непосредственный // Pragmatics of discourse / ed. by Klaus P. Schneider, Anne Barron. – Berlin ; Boston, 2014. – 1936–1952.

149. Fraser, B. Hedged Performatives / B. Fraser. – Текст : непосредственный // Syntax and Semantics / ed. by P. Cole, J. Morgan. – New York, 1975. – Vol. 3: Speech Acts. – P. 187–210.

150. Goffmann, E. Interaktionsrituale. Über Verhalten in direkter Kommunikation / E. Goffmann. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1973. – 291 S. – Текст : непосредственный.

151. Graffe, J. Sich festlegen und verpflichten. Die Untertypen kommissiver Sprechakte und ihre sprachlichen Realisierungsformen. Internationale Hochschulschriften / J. Graffe. – Münster ; New York : Waxmann, 1990. – 321 S. – Текст : непосредственный.

152. Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns / J. Habermas. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1981. – 533 S. – Текст : непосредственный.

153. Halliday, M. A. K. Language structure and language function / M. A. K. Halliday. – Текст : непосредственный // New horizons in linguistics / ed. by J. Lyons. – Harmondsworth, 1970. – S. 140–165.

154. Jakobson, R. Linguistics and Poetics / R. Jakobson. – Текст : непосредственный // Style in Language. – London ; New York : Wiley, 1960. – P. 350–378.

155. Lange, W. Aspekte der Höflichkeit. Überlegungen am Beispiel der Entschuldigungen im Deutschen / W. Lange. – F.a.M (u.a.): Peter Lang Verlag, 1984. – 199 S. – Текст : непосредственный

156. Leech, G. N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. – London : Longman, 1983. – 250 p. – Текст : непосредственный.

157. Liedtke, F. Grammatik der Illokution. Über Sprechhandlungen und ihre Realisierungsformen im Deutschen / F. Liedtke. – Tubingen : Günter Narr, 1998. – 287 S. – Текст : непосредственный.

158. Marten-Cleef, S. Gefühle ausdrücken. Die expressiven Sprechakte (zugl. Phil. Diss. Münster 1990-91) / S. Marten-Cleef. – Göppingen : Kümmerle Verlag, 1991. – 371 S. – Текст : непосредственный.

159. Norrick, N. R. Expressive Illocutionary Acts / N. R. Norrick. – Текст : непосредственный // Journal of Pragmatics. – 1978. – № 3. – S. 277–291.

160. Ortony, A. The Cognitive Structure of Emotions / A. Ortony, G. L. Clore, A. Collins. – Cambridge : Cambridge University Press, 1988. – 207 p. – Текст : непосредственный.

161. Pörings, R. Sprache und Sprachwissenschaft. Eine kognitiv orientierte Einführung / R. Pörings, U. Schmitz. – Tübingen : Narr, 2003. – 294 S. – Текст : непосредственный.

162. Rolf, E. Illokutionäre Kräfte. Grundbegriffe der Illokutionslogik / E. Rolf. – Opladen : Westdeutscher Verlag, 1997. – 257 S. – Текст : непосредственный.

163. Sander, T. Expressive (Rede-)Handlungen / T. Sander. – Текст : непосредственный // Divinatio. Studia culturologica series. – 2003. – № 18. – S. 7–34.

164. Schwarz-Friesel, M. Sprache und Emotion / M. Schwarz-Friesel. – Tübingen : Narr A. Francke Verlag, 2007. – 401 S. – Текст : непосредственный.

165. Searle, J. R. Eine Taxonomie illokutionärer Akte / J. R. Searle. – Текст : непосредственный // Ausdruck und Bedeutung. Untersuchungen zur Sprechakttheorie. – Frankfurt am Main, 1998. – S. 17–50.

166. Searle, J. R. Sprechakte. Ein sprachphilosophischer Essay / J. R. Searle. – Frankfurt am Main, 1997. – S. 99–113. – Текст : непосредственный.

167. Searle, J. R. Ausdruck und Bedeutung / J. R. Searle. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1982. – 211 S. – Текст : непосредственный.

168. Searle, J. R. Foundations of Illokutionary Logic / J. R. Searle ; D. Vanderveken. – Cambridge : Cambridge University Press, 1985. – 227 S. – Текст : непосредственный.

169. Staffeldt, S. Einführung in die Sprechakttheorie. Ein Leitfaden für den akademischen Unterricht / S. Staffeldt. – 2. Aufl. – Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2009. – 180 S. – Текст : непосредственный.

170. Vanderveken, D. Meaning and Speech Acts. Vol. 1: Principles of Language Use / D. Vanderveken. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 127 p. – Текст : непосредственный.

171. Vendler, Z. Linguistics in philosophy / Z. Vendler. – Ithaca ; New York : Cornell University Press., 1967. – 203 p. – Текст : непосредственный.

172. Verschueren, J. On speech act verbs / J. Verschueren. – Amsterdam : Benjamins, 1980. – 83 p. – Текст : непосредственный.

173. Wagner, K. R. Pragmatik der deutschen Sprache / K. R. Wagner. – Frankfurt am Main ; Berlin [u.a.] : Peter Lang, 2001. – 495 S. – Текст : непосредственный.

174. Wahrig, G. Deutsches Wörterbuch / G. Wahrig. – München : Bertelsmann Lexicon Verlag, 2001. – 1451 S. – Текст : непосредственный.

175. Weber-Guskar, E. Die Klarheit der Gefühle. Was es heißt, Emotionen zu verstehen / E. Weber-Guskar. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2009. – 296 S. – Текст : непосредственный.

176. Weigand, E. Sprache als Dialog. Sprechakttaxonomie und kommunikative Grammatik / E. Weigand. – Tubingen : Niemayer, 1985. – 368 S. – Текст : непосредственный.

177. Wierzbicka, A. Semantic primitives / A. Wierzbicka. – Frankfurt am Main : Athenäum, 1972. – 235 S. – (Linguistische Forschungen. Bd. 22). – Текст : непосредственный.

178. Wierzbicka, A. English speech act verbs: a semantic dictionary / A. Wierzbicka. – Sydney: Academ. Press, 1987. – 397 p. – Текст : непосредственный.

179. Wittgenstein, L. Philosophische Untersuchungen – Philosophical Investigations / L. Wittgenstein. – 3. Aufl. – Oxford : Blackwell Publishing, 2001. – 232 p. – Текст : непосредственный.

180. Wunderlich, D. Studien zur Sprechaktteorie / D. Wunderlich. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1976. – 416 S. – Текст : непосредственный.

181. b) Wunderlich, D. Towards an integrated theory of grammatic and pragmatic meaning / D. Wunderlich // Language in Focus. – Dodrecht: Holland, 1976. – P. 251–277. – Текст : непосредственный.

182. Zaliznjak, A. A. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния = Investigations in the Semantics of Inner State Predicates / A. A. Zaliznjak. – München : Verlag Otto Sagner, 1992. – 201 S. – Текст : непосредственный.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

183. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Советская энциклопедия, 1966. – 608 с. – Текст : непосредственный.

184. Большой немецко-русский словарь. В 3-х томах. Том 1 : А – К / авторы-составители: Е. И. Лепинг [и др.] ; под руководством О. И. Москальской. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Русский язык, 1997. – 760 с. – Текст : непосредственный.

185. Большой немецко-русский словарь. В 3-х томах. Том 2 : L – Z / авторы-составители: Е. И. Лепинг [и др.] ; под руководством О. И. Москальской. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Русский язык, 1997. – 680 с. – Текст : непосредственный.

186. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – Москва : МГУ, 1996. – 245 с. – Текст : непосредственный.

187. Лингвистический энциклопедический словарь / главный редактор В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 683 с. – Текст : непосредственный.

188. Мальцева, Д. Г. Германия: страна и язык. Landeskunde durch die Sprache : лингвострановедческий словарь / Д. Г. Мальцева. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Русские словари, 2001. – 256 с. – Текст : непосредственный.

189. Мультитран : мультилингвальный электронный словарь. – URL: http://multitran.ru (дата обращения: 03.04.2022). – Текст : электронный.

190. Немецко-русский словарь : (основной) / К. Лейн, Д. Г. Мальцева, А. Н. Зуев. – Москва : Русский язык, 1992. – 1040 с. – Текст : непосредственный.

191. Словарь финансовых терминов. – URL: www.finam.ru/dictionary/

wordf0001C00016/default.asp?n=1 (дата обращения: 30.04.2023). – Текст : электронный.

192. Советский энциклопедический словарь / главный редактор А. М. Прохоров. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Советская энциклопедия, 1989. – 1633 с. – Текст : непосредственный.

193. Современный словарь иностранных слов. – Москва : Русский язык, 1992. – 740 с. – Текст : непосредственный.

194. Стариченок, В. Д. Большой лингвистический словарь : [более 3000 лингвистических терминов и понятий] / В. Д. Стариченок. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. – 809 с. – Текст : непосредственный.

195. Философский энциклопедический словарь / редакторы-составители Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – Москва : ИНФРА-М, 2009. – 569 с. – Текст : непосредственный.

196. Deutsche Sprichwörter. – URL: http://www.lexikus.de/bibliothek/Deutsche-Sprichwoerter (дата обращения: 19.04.2022). – Текст : электронный.

197. Duden Deutsches Universalwörterbuch: 120000 Stichwörter / hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion. – 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverl., 1996. – 1816 S. – Текст : непосредственный.

198. Duden Bedeutungswörterbuch. – Mannheim u. a. : Dudenverlag, 1998. – 880 S. – Текст : непосредственный.

199. Duden Deutsches Universalwörterbuch / R. Osterwinter. – 6. Aufl. – Mannheim [u. a.] : Dudenverlag, 2007. – 2016 S. – Текст : непосредственный.

200. DWDS – Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. – URL: https://www.dwds.de/wb/etymwb (дата обращения: 29.04.2024). – Текст : электронный.

201. Harenberg, B. Lexikon der Sprichwörter und Zitate / B. Harenberg. – Dortmund : Harenberg Kommunikation Verlags und Medien GmbH&Co, 1997. – 1600 S. – Текст : непосредственный.

202. Pons Online-Wörterbuch. – URL: https://de.pons.com/übersetzung/deutsch-russisch (дата обращения: 17.03.2024). – Текст : электронный.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

203. Aurora, B. Raw : Die komplette Reihe / B. Aurora. – Grey Eagle Publications, 2023. – 982 S. – Текст : непосредственный.

204. Bauer, H. Fernwehträume / H. Bauer. – Meßkirch : Gmeiner Verlag, 2011. – 277 S. – Текст : непосредственный.

205. Bauer, H. Karambolage. Ein Wiener Kaffeehauskrimi : Kriminalroman / H. Bauer. – Meβkirch : Gmeiner Verlag, 2011. – 256 S. – Текст : непосредственный.

206. Bekker, A. Zum zwölften Mal vier eiskalte Sommerkrimis : 4 Krimis im Paket / A. Bekker. – Uksak E-Books, 2023. – 600 S. – Текст : непосредственный.

207. Bekker, A. Krimi. Sommer. Paradies / A. Bekker. – Uksak E-Books, 2022. – Текст : непосредственный.

208. Bestgen, J. L. Fey : Erbe des Dolches / J. L. Bestgen. – Hamburg : Tredition, 2020. – 584 S. – Текст : непосредственный.

209. Betzing, D. Größer als das Universum : Das Margenon / D. Betzing. – Hamburg : Tredition, 2020. – 748 S. – Текст : непосредственный.

210. Bomm, M. Notbremse : der achte Fall für August Häberle / M. Bomm. – Meßkirch : Gmeiner Verlag, 2011. – 745 S. – Текст : непосредственный.

211. Bomm, M. Himmelsfelsen / M. Bomm. – Meßkirch : Gmeiner Verlag, 2012. – 374 S. – Текст : непосредственный.

212. Bradley, A. Flavia de Luce 6 – Tote Vögel singen nicht / A. Bradley. – München : Penhaligon Verlag, 2014. – 320 S. – Текст : непосредственный.

213. Burdick, S. Die Mädchen ohne Namen : Sozialkritischer Thriller / S. Burdick. – Borsdorf : Festa Verlag, 2024. – 496 S. – Текст : непосредственный.

214. Buttler, M. Herzraub / M. Buttler. – Meßkirch : Gmeiner Verlag, 2011. – 279 S. – Текст : непосредственный.

215. Coney, M. Der Sommer geht : Roman / M. Coney. – München : Heyne Verlag, 2015. – 220 S. – Текст : непосредственный.

216. Danz, E. Nebelschleier : Georg Angermüllers dritter Fall / E. Danz. – Meßkirch : Gmeiner Verlag, 2011. – 336 S. – Текст : непосредственный.

217. Dettmeyer, S. Dienstreisen : Und andere Ausflüge / S. Dettmeyer. – Norderstedt : BoD – Books on Demand, 2020. – Текст : непосредственный.

218. Disher, G. Rostmond : Kriminalroman. Ein Inspector-Challis-Roman / G. Disher. – Zürich : Unionsverlag, 2015. – 252 S. – Текст : непосредственный.

219. Dönges, G. Der exzellente Butler Parker : Staffel 9 / G. Dönges. – Hamburg : Kelter Media, 2024. – 1000 S. – Текст : непосредственный.

220. Dunlop, B. Leidenschaft auf den zweiten Blick / B. Dunlop. – Hamburg : CORA Verlag, 2017. – 130 S. – Текст : непосредственный.

221. Eder, Chr. Gib mir mein Mädchen zurück / Chr. Eder. – München : BookRix, 2024. – 264 S. – Текст : непосредственный.

222. Emme, P. Pastetenlust : Palinskis erster Fall / P. Emme. – Meßkirch : Gmeiner Verlag, 2011. – 256 S. – Текст : непосредственный.

223. Erfmeyer, K. Geldmarie : Knobels dritter Fall / K. Erfmeyer. – Meßkirch : Gmeiner Verlag, 2011. – 288 S. – Текст : непосредственный.

224. Färber, G. Zeit der Einweihung / G. Färber. – Norstedt : BoD – Books on Demand, 2021. – 208 S. – Текст : непосредственный.

225. Fox, W. Berg Muffel / W. Fox, A. West. – Slow Burn Publishing LLC, 2023. – Текст : непосредственный.

226. Franzinger, B. Pilzsaison: Tannenbergs erster Fall / B. Franzinger. – Meβkirch : Gmeiner Verlag, 2009. – 452 S. – Текст : непосредственный.

227. Franzinger, B. Pilzsaison / B. Franzinger. – Meβkirch : Gmeiner Verlag, 2011. – 512 S. – Текст : непосредственный.

228. Frühsommernächte: Geschichten der blühenden Sommernacht. – Cinnamon Society, 2022. – Текст : непосредственный.

229. Gibert, M. P. Kammerflimmern : Lenz' zweiter Fall / M. P. Gibert. – Meßkirch : Gmeiner Verlag, 2011. – 324 S. – Текст : непосредственный.

230. Grossmann, K. H. Rattengift und Bimbes : Kriminalroman /

K. H. Grossmann. – Föritz : Amicus, 2006. – 216 S. – Текст : непосредственный.

231. Gruber, R. Margret : Eine Südtiroler Bauerntochter / R. Gruber. – Rosenheim : Rosenheimer Verlagshaus, 2024. – 272 S. – Текст : непосредственный.

232. Hamilton, P. Gaslicht / P. Hamilton. – Berlin : epubli, 2014. – 89 S. – Текст : непосредственный.

233. Hartwig, H. Suse an Bord : Roman / H. Hartwig. – Föritz : Amicus, 2002. – 353 S. – Текст : непосредственный.

234. Hauptmann, G. Nur ein toter Mann ist ein guter Mann / G. Hauptmann. – München : Piper Verlag, 2010. – 302 S. – Текст : непосредственный.

235. Hausen, J. Ich. Der Einzige seiner Art / J. Hausen. – Norderstedt : BoD – Books on Demand, 2020. – 376 S. – Текст : непосредственный.

236. Heilmann, S. In Liebe Mina / S. Heilmann. – Norderstedt : BoD – Books on Demand, 2019. – 270 S. – Текст : непосредственный.

237. Hempel, W. Verlorene Jahre – verlorenes Glück. Eine wahre Geschichte über Krieg und Liebe, Gefangenschaft und hoffnungsvolle Heimkehr / W. Hempel. – Föritz : Amicus, 2005. – 159 S. – Текст : непосредственный.

238. Hepsen, M. Im Zeichen des Schicksals / M. Hepsen. – München : Goldmann, 2014. – Текст : непосредственный.

239. Hola-Schneider, P. Ich esse jetzt Nudeln und bereue nichts: Mit guten Kohlenhydraten zum Wohlfühlgewicht / P. Hola-Schneider. – Hamburg : ZS-ein Verlag des Edel Verlagsgruppe, 2022. – 265 S. – Текст : непосредственный.

240. Humbracht, M. von. Friesenliebe / M. von Humbracht. – Glasgow : Good Press, 2024. – Текст : непосредственный.

241. Humor, Ph. Märchen, Mythen, Malerei / Ph. Humor. – Ebersdorf : Seevetal, 2012. – 328 S. – Текст : непосредственный.

242. Imbsweiler, M. Schlussakt : Max Kollers zweiter Fall / M. Imbsweiler. – Meßkirch : Gmeiner Verlag, 2011. – 448 S. – Текст : непосредственный.

243. Isau, R. Der Herr der Unruhe / R. Isau. – Kopenhagen : Saga Egmont, 2022. – Текст : непосредственный.

244. Jaeger, K. J. Das Bugatti-Dossier : das abessinische Vermächtnis / K. J. Jaeger. – Berlin : Novum Pro Verlag, 2010. – 415 S. – Текст : непосредственный.

245. Kabel, W. Gesammelte Werke / W. Kabel. – DigiCat, 2023. – 20270 S. – URL: https://books.google.ru/books?id (дата обращения: 06.08.2024) – Текст : электронный.

246. Karnani, F. Notlandung : Kriminalroman / F. Karnani. – Meβkirch : Gmeiner Verlag, 2011. – 284 S. – Текст : непосредственный.

247. Klösel, M. Tourneekoller / M. Klösel. – Meßkirch : Gmeiner-Verlag, 2011. – 185 S. – Текст : непосредственный.

248. Klugmann, N. Schlüsselgewalt : Kriminalroman / N. Klugmann. – Meßkirch : Gmeiner Verlag, 2004. – 325 S. – Текст : непосредственный.

249. Kohal, K. Verstörende Erinnerung : Zwei Romane / K. Kohal. – 2023. – Текст : непосредственный.

250. Köhler, W. Eine ganz normale Familie : Roman / W. Köhler. – Köln : Kiepenheuer & Witsch, 2006. – 413 S. – Текст : непосредственный.

251. Kürthy, I. von. Mondscheintarif / I. von Kürthy. – Reinbek bei Hamburg : Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2009. – 142 S. – Текст : непосредственный.

252. Landy, D. Skulduggery Pleasant : tot oder lebendig / D. Landy. – Bindlach : Loewe Verlag, 2021. – 656 S. – Текст : непосредственный.

253. Leblanc, M. Arsène Lupin gegen Herlock Sholmes : Arsène Lupin – Band 2 / M. Leblanc, E. Gabor. – Norderstedt : BoD – Books on Demand, 2022. – 261 S. – Текст : непосредственный.

254. Lind, H. Gefangen in Afrika : Roman nach einer wahren Geschichte / H. Lind. – München : Heyne Verlag, 2023. – 400 S. – Текст : непосредственный.

255. Maak, P. Beichten eines Reformators / P. Maak. – 2012. – 258 S. – Текст : непосредственный.

256. Mader, R. A. Glasberg : Kriminalroman / R. A. Mader. – Meβkirch : Gmeiner Verlag, 2011. – 285 S. – Текст : непосредственный.

257. Marni, N. Todesfahrt / N. Marni. – Berlin : Page und Turner, 2011. – 576 S. –

Текст : непосредственный.

258. Marten, H. Die Porzellanmalerin / H. Marten. – München : Random House, 2009. – 624 S. – Текст : непосредственный.

259. Mattle, Ch. Gustav von Festenberg – zwischen Schöngeist und Beamtentum / Ch. Mattle. – Oberhausen : ATHENA Verlag, 2002. – 348 S. – Текст : непосредственный.

260. Meier, N.W.F. Der ganz schaurige Meuchelmord an einem Ratsherrn / N. W. F. Meier. – Bookshouse, 2018. – 495 S. – Текст : непосредственный.

261. Murmann, A. Hüter der Zeit. Wanderer : Band 2 / A. Murmann. – Hamburg : Carlsen Verlag, 2015. – 387 S. – Текст : непосредственный.

262. Müller, R. Die Ritter der Euterpe: historischer Roman / R. Müller. – Föritz : Amicus, 2004. – 695 S. – Текст : непосредственный.

263. Nicol, M. Power Play / M. Nicol. – Penguin Random House South Africa, 2015. – 392 S. – Текст : непосредственный.

264. Novak, D. Ohne Skrupel / D. Novak. – Berlin : Neobooks, 2016. – 204 S. – Текст : непосредственный.

265. Nüßler, J. Drachenblutlinie : Die wiedergeborene Seele / J. Nüßler. – Norderstedt : BoD – Books on Demand, 2018. – 692 S. – Текст : непосредственный.

266. Pauls, Ch. Diamanten sind für die Ewigkeit / Ch. Pauls. – Grey Eagle Publications, 2022. – 286 S. – Текст : непосредственный.

267. Pelecanos, G. Das dunkle Herz der Stadt / G. Pelecanos. – Cadolzburg : Ars vivendi Verlag, 2018. – 248 S. – Текст : непосредственный.

268. Peterson, A. Kein Mann für jeden Tag / A. Peterson. – Köln : Bastei Lübbe, 2012. – 350 S. – Текст : непосредственный.

269. Philipp, Ch. B. Zu schade für nur einen Mann / Ch. B. Philipp. – Norderstedt : BoD – Books on Demand, 2020. – 608 S. – Текст : непосредственный.

270. Ragde, A. B. Rückkehr / A. B. Ragde. – München : btb Verlag, 2022. – 368 S. – Текст : непосредственный.

271. Röhl, J. C. G. Wilhelm II : der Aufbau der persönlichen Monarchie, 1888-

1900 / J. C. G. Röhl. – München : C. H. Beck Verlag, 2001. – 364 S. – Текст : непосредственный.

272. Röndigs, N. FRRK! – Mein Alien und ich / N. Röndigs. – München : CBJ, 2020. – 224 S. – Текст : непосредственный.

273. Saltürk, E. Fairy Dust : Was uns verbindet / E. Saltürk. – Norderstedt : BoD – Books on Demand, 2023. – 220 S. – Текст : непосредственный.

274. Schmöe, F. Pfeilgift : Katinka Palfys siebter Fall / F. Schmöe. – Meßkirch : Gmeiner Verlag, 2011. – 288 S. – Текст : непосредственный.

275. Schneider, H. Schwarzkittel : Kriminalroman / H. Schneider. – Meβkirch : Gmeiner Verlag, 2011. – 315 S. – Текст : непосредственный.

276. Schröder, A. Mordswut : Der zweite Renner-Kersting-Krimi / A. Schröder. – Meßkirch : Gmeiner Verlag, 2011. – 276 S. – Текст : непосредственный.

277. Sheeman-Miles, Ch., Fleissner, D. Vergiss nicht zu atmen / Ch. Sheeman-Miles, D. Fleissner. – South Hadley : Cincinnatus Press, 2014. – 282 S. – Текст : непосредственный.

278. Spencer, K. Spring / K. Spencer. – Berlin : epubli, 2017. – 166 S. – Текст : непосредственный.

279. Sprang, S. Ein Lied in allen Dingen – Joseph Schmidt / S. Sprang. – Frankfurt am Main : Größenwahn Verlag, 2019. – 250 S. – Текст : непосредственный.

280. Stahl, S. Das lautlose Abtauchen des Florian Grünenberger / S. Stahl. – Föritz : Amicus, 2005. – 180 S. – Текст : непосредственный.

281. Stollner, H. Die Geheimnisse von San Isidro / H. Stollner. – München : Tolino media, 2024. – 219 S. – Текст : непосредственный.

282. Thomson, T. Ingratus - Das Unerwünschte in uns : Adrian und Amadou / T. Thomson. – Berlin : Neobooks, 2016. – 411 S. – Текст : непосредственный.

283. Trittin, K. Die Rückkehr : Zurück in die Wiege des Bösen / K. Trittin. – Nordstedt : BoD – Books on Demand, 2016. – 267 S. – Текст : непосредственный.

284. Vandenberg, P. Dr. Norden – mein Lebensretter / P. Vandenberg. – Hamburg : Kelter Media, 2018. – Текст : непосредственный.

285. Vandenberg, P. Dr. Laurin : Dein Lächeln vergessen wir nie, Joschka / P. Vandenberg. – Hamburg : Kelter Media, 2016. – Nr.119. – 100 S. – Текст : непосредственный.

286. Verant, S. Meine Zutaten für das Glück : Roman / S. Verant. – München : Blanvalet Taschenbuch Verlag, 2022. – 448 S. – Текст : непосредственный.

287. Vertacnik, H.-P. Abfangjäger : Kriminalroman / H.-P. Vertacnik. – Meßkirch : Gmeiner Verlag, 2008. – 467 S. – Текст : непосредственный.

288. Vertacnik, H.-P. Ultimo : Zoffs zweiter Fall / H.-P. Vertacnik. – Meßkirch : Gmeiner Verlag, 2011. – 373 S. – Текст : непосредственный.

289. Wells, C. Fleming Stone und der Mord im Kasino / C. Wells. – Lengerich : Cassiopeia Press, 2023. – Текст : непосредственный.

290. Wich, H. Detektiv O. in geheimer Mission / H. Wich. – Hamburg : Carlsen-Verlag, 2014. – 160 S. – Текст : непосредственный.

291. Wilkenloh, W. Poppenspäl / W.Wilkenloh. – Meβkirch : Gmeiner Verlag, 2011. – 368 S. – Текст : непосредственный.

292. Wilkenloh, W. Poppenspäl : Der dritte Fall für Jan Swensen / W.Wilkenloh. – Meßkirch : Gmeiner Verlag, 2011. – 470 S. – Текст : непосредственный.

293. Wittelkindt, M. Der Unfall in der Rue Bisson / M. Wittelkindt. – Hamburg : Edition Nautilus GmbH, 2016. – 240 S. – Текст : непосредственный.

294. Zotzmann-Koch, K. Mord&Schokolade : Paula Anders’ erster Fall / K. Zotzmann-Koch. – 2020. – Текст : непосредственный.

295. HiNative : сайт. – URL: https://ru.hinative.com/questions/11658683 (дата обращения: 11.09.2023). – Текст : электронный.

296. Classes.RU : сайт. – URL: https://classes.ru/all-german/dictionary-german-russian-Lein-term-10702.htm (дата обращения: 17.03.2024). – Текст : электронный.

297. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache : сайт. – URL: https://www.dwds.de/wb/bereuen (дата обращения: 29.04.2024). – Текст : электронный.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Umfragebogen

Sehr geehrte Damen und Herren,

im Rahmen eines wissenschaftlichen Projekts wird aktuell eine Studie mit dem Titel "Expressive Sprechakte" durchgeführt. Dabei wird vor allem die sprachliche Realisierung von **Beileid, Mitleid, Mitgefühl und Bedauern** im Deutschen betrachtet.

Daher wende ich mich an Sie alle mit der Bitte, diesen Fragebogen auszufüllen. Das Ausfüllen nimmt in der Regel 15 min. in Anspruch. Es werden einige alltägliche Situationen gegeben. Bitte schildern Sie jeweils, was Sie sagen würden. Es geht vor allem um sprachliche Mittel (Ausdrücke), die dabei benutzt werden können. Benennen Sie bitte auch Ihre Emotionen dabei.

Ihre persönlichen Daten dienen statistischen Zwecken in der oben genannten Arbeit und werden nicht veröffentlicht. Alle Informationen werden nur für wissenschaftliche Zwecke benötigt.

Vielen Dank für Ihre Teilnahme!

Geschlecht:	
Alter:	
Familienstand:	
Geburtsort (mit Bundesland):	
Ausbildung:	
Berufstätigkeit:	

Situation	Was sagen Sie spontan zu Ihrem Gegenüber:	Wie werden Sie Ihre Emotion beschreiben (1 bis 3 Wörter):
1. Sie sehen auf der Straße ein weinendes Kind, das ganz verzweifelt aussieht...		
2. Ein Freund von Ihnen hat aus finanziellen oder gesundheitlichen Gründen seine Hochschulausbildung nicht abschließen können.		
3. Sie wollten mit einem Freund einen Spaziergang machen und haben sich schon sehr darauf gefreut, aber das Wetter hat sich plötzlich verschlechtert.		
4. Sie sind zur Hochzeitsfeier eingeladen und möchten gerne hingehen, weil das Paar Ihnen sehr nahsteht, müssen aber aus dienstlichen Gründen absagen.		
5. Sie haben einem guten Freund einen unbegründeten Vorwurf gemacht, und Sie bemerken, dass es ihn sehr getroffen hat.		
6. Ihr Freund hat nach mehreren Versuchen seinen Hochschulabschluss erlangt.		

7. Es ist jemand in der Familie eines sehr guten Freundes gestorben.		
8. Es ist jemand in der Familie eines Arbeitskollegen gestorben bzw. jemand, den Sie gar nicht so gut kannten.		
9. Das Haustier Ihrer besten Freundin ist gestorben. Sie treffen die Freundin und Sie erzählt Ihnen davon...		
10. Ein Freund mit hohen finanziellen Verpflichtungen sagt Ihnen, dass er seinen Arbeitsplatz verloren hat.		
11. In einem vertrauten Gespräch stellen Sie fest, dass es in Ihrem Leben eine Chance gab, die Sie nicht genutzt haben.		
12. Sie treffen einen Menschen, der bei einem Brand alles verloren hat...		
13. Sie treffen einen Freund, von dem Sie erfahren haben, dass er eine schwere Krankheit hat.		

ПРИЛОЖЕНИЕ (перевод)

Опросный лист

Уважаемый участник опроса!

В настоящее время в рамках академического проекта проводится исследование на тему «Экспрессивные речевые акты». Основное внимание уделяется реализации речевых актов соболезнования, сочувствия и сожаления в речи носителей немецкого языка.

В связи с этим предлагаем Вам заполнить данный опросный лист. На его заполнение Вам потребуется не более 15 минут. В опросе предлагаются некоторые типичные ситуации повседневной жизни. Пожалуйста, запишите, что бы Вы сказали в каждой из этих ситуаций. Прежде всего, интерес для исследования представляют языковые средства (выражения), которые можно использовать. Запишите также, какие эмоции Вы бы испытывали в этих ситуациях.

Данные личного характера будут использованы для статистических целей в вышеназванной работе и опубликованы не будут. Вся информация будет использована только в научных целях.

Благодарим Вас за участие!

Ваш пол:	
Возраст:	
Семейное положение:	
Место рождения (с указанием федеральной земли):	
Образование:	
Профессия:	

Описание ситуации	Что Вы спонтанно скажете своему собеседнику?	Как Вы опишете свои эмоции (от 1 до 3 слов):
1. Вы видите на улице плачущего ребенка, который выглядит совершенно отчаявшимся ...		
2. Ваш друг не смог завершить обучение в университете по финансовым причинам или по состоянию здоровья.		
3. Вы хотели пойти на прогулку с другом и очень ждали этого, но погода внезапно испортилась.		
4. Вас пригласили на свадьбу к близким людям, и Вы очень хотели бы пойти, но вынуждены отказаться из-за работы /по рабочим причинам.		
5. Вы необоснованно упрекнули близкого друга и понимаете, что это очень задело его.		
6. Ваш друг наконец получил диплом университета после нескольких попыток.		
7. Родственник Вашего близкого друга умер.		

8. Умер родственник Вашего коллеги или знакомого.		
9. У Вашей близкой подруги умер питомец. Вы встретились с подругой, и она Вам об этом рассказывает…		
10. Ваш друг, у которого большие финансовые проблемы, сообщает Вам, что остался без работы.		
11. В разговоре по душам Вы понимаете вдруг, что в Вашей жизни был шанс, который Вы упустили.		
12. Вы встречаете человека, который потерял все имущество при пожаре…		
13. Вы встречаете друга, от который сообщает Вам, что он серьезно заболел.		